

ВЕСТНИК

Брянского

государственного

университета

№3(69)
2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
(Категория журнала - K2).**

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№3(69)
2026

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №3 (69) 2026:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2026. 158 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блахин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блужану Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливацов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Артамошин С.В.**
ЭРНСТ ЮНГЕР И АНТИГИТЛЕРОВСКИЙ ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 Г. В ГЕРМАНИИ
- 14 Баранова О.В.**
О СОСТОЯНИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА СМОЛЕНЩИНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
- 23 Воронин Г.Г.**
В ПОИСКАХ ПОРЯДКА: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАДЗОРА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915)
- 29 Иванцов И.Г.**
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В СССР В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР)
- 40 Калашников А.В.**
ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВЫБОРЫ НА ЮГЕ И В «ПОГРАНИЧНЫХ» ШТАТАХ США (1865–1866 гг.).
- 52 Комлякова Ю.Ю.**
КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА «БОЛЬШОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДА» В КОНТЕКСТЕ ВЫСТРАИВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2001–2010 гг.)
- 64 Костров А.В., Лахтюк С.А., Елохина Ю.В.**
ОБРАЗ ШВЕЙЦАРСКОГО НАЁМНИКА XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВВ. В СИНХРОННЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ
- 73 Манукян А.Р.**
ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ УНИВЕРСИТЕТА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И КНР
- 80 Невзорова И.В.**
КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА В ТРУДАХ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Меза Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна – доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Розинский Вадим Вадимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

89 Никифоров Ю.С.

КОММУНИКАЦИЯ РЕГИОН-ЦЕНТР В СССР 1970-1980-Х ГГ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЛАСТЕЙ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ)

97 Прилуцкий В.В., Яшкова В.А.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ЦЕРКВИ И ЖЕНСКОЕ СВЯЩЕНСТВО В РАННЕМ ДВИЖЕНИИ СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

109 Савинов В.Ю.

СТОХОДСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАК ПРИМЕР ОШИБОК КОМАНДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

118 Самсаров А. И.

Ш.М. ТАЛЕЙРАН И ПРОЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ В 1791Г.

124 Свиридова А.С.

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ ОСЕНЬЮ 1915 Г.: НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ И БОЛГАРИИ

135 Стржалковская А.Д.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В РЕЦЕПЦИИ НАСЛЕДИЯ ОРИГЕНА: ЗАПАДНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА XIX–XXI ВЕКОВ.

141 Черноперов В. Л., Хрулев С.П.

ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТ АГО ФОН МАЛЬЦАН НА СТРАНИЦАХ НЕМЕЦКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 3(69) 2026: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2026. 158 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhalchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergei Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.3 – No.69 Scientific peer-reviewed journal SEPTEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Artamoshin S.V.**
ERNST JÜNGER AND THE ANTI-HITLER PLOT OF JULY 20, 1944 IN GERMANY
- 14 Baranova O.V.**
ABOUT THE STATE OF PHARMACY IN THE SMOLENSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
- 23 Voronin G.G.**
IN SEARCH OF ORDER: THE FORMATION OF THE SYSTEM OF SUPERVISION OF PRISONERS OF WAR IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1915)
- 29 Ivantsov I.G.**
PROBLEMS IN TRAINING SCIENTIFIC STAFF IN THE USSR IN THE EARLY 1930s (BASED ON MATERIALS FROM THE RESEARCH INSTITUTE OF OILSEED CROPS)
- 40 Kalashnikov A.V.**
THE FIRST GUBERNATORIAL ELECTIONS IN THE POST-WAR SOUTHERN UNITED STATES (1865-1866)
- 52 Komlyakova Ju.Ju.**
CHINA'S "BIG WEST DEVELOPMENT" POLICY IN THE CONTEXT OF MENDING ENERGY RELATIONS WITH CENTRAL ASIAN COUNTRIES (2001-2010)
- 64 Kostrov A.V., Lakhtyuk S.A., Elokhina Yu.V.**
THE IMAGE OF A SWISS MERCENYOR OF THE 14TH – FIRST HALF OF THE 17TH CENTURIES IN SYNCHRONOUS VISUAL SOURCES
- 73 Manukyan A.R.**
UNIVERSITY DIGITAL SOVEREIGNTY: CONCEPTUALIZATION AND OPERATIONALIZATION IN THE STATE POLICIES OF RUSSIA AND CHINA
- 80 Nevzorova I.V.**
THE CONCEPT OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE WORKS OF N.P. PAVLOV-SILVANSKY: FORMATION AND EVOLUTION
- 89 Nikiforov Yu.S.**
REGIONAL-CENTER COMMUNICATION IN THE USSR IN THE 1970S-1980S THROUGH THE LENS OF REGIONAL PROGRAMS (BASED ON THE UPPER VOLGA REGIONS)

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

97 Prilutskiy V.V., Yashkova V.A.

THE STATUS OF WOMEN IN THE CHURCH AND THE WOMEN'S PRIESTHOOD IN THE EARLY LATTER-DAY SAINT MOVEMENT

109 Savinov V.Yu.

THE STOKHOD TRAGEDY OF THE LIFE GUARDS AS AN EXAMPLE OF THE MISTAKES OF THE COMMAND OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY IN THE FIRST WORLD WAR

118 Samsarov A.I.

CH.M. TALLEYRAND AND THE PROJECT OF PUBLIC EDUCATION IN FRANCE IN 1791

124 Sviridova A.S.

THE SLAVIC QUESTION IN RUSSIAN NEWSPAPERS IN THE AUTUMN OF 1915: THE CASE OF COVERAGE OF POLAND AND BULGARIA

135 Strzhalkovskaya A.D.

METHODOLOGICAL PARADIGMS IN THE RECEPTION OF ORIGEN'S HERITAGE: WESTERN AND DOMESTIC SCIENCE OF THE 19TH-21ST CENTURIES

141 Chernoperov V.L., Khrulev S.P.

GERMAN DIPLOMAT AGO VON MALZAHN ON THE PAGES OF THE GERMAN AND ENGLISH-LANGUAGE PRESS OF THE SECOND HALF OF THE 1920S

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭРНСТ ЮНГЕР И АНТИГИТЛЕРОВСКИЙ ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 Г. В ГЕРМАНИИ

В статье предпринимается попытка анализа участия германского писателя и консервативного мыслителя в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944г., направленном на убийство фюрера Третьего рейха А. Гитлера с целью изменения политического режима в Германии и поиску политического решения, направленного на прекращение Второй мировой войны. Предметом исследования выступает степень участия и взаимодействия Э. Юнгера с заговорщиками, принимавшими участие в антигитлеровском заговоре, его круг знакомств среди заговорщиков и вовлеченность в заговор. Его служба в штабе германских оккупационных войск во Франции, в Париже позволяла ему как офицеру отдела 1с быть в курсе антинацистских позиций руководства германских войск. В статье рассматриваются личные контакты Э. Юнгера с заговорщиками и оценивается степень его вовлеченности в заговор, и его личной готовности принимать в нем непосредственное участие. Исследуется отношение Э. Юнгера к антигитлеровскому заговору в различный период его жизни, в военное и послевоенное время. Заговор 20 июля 1944 г. представляется рубежом в военной биографии Э. Юнгера и его участия во Второй мировой войне в качестве капитана вермахта. Он подводил черту под его антинацистской позицией в годы войны и выступал этапом к переосмыслению его жизни и выходу на новый, послевоенный этап немецкого писателя, удивленного от политических дискуссий.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, нацистская Германия, оппозиция нацизму, заговор 20 июля 1944 г., немецкая оккупация Франции, германский консерватизм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-7-13

Введение. Нацистская политика в Германии в годы Второй мировой войны, ее начавшиеся неудачи на фронтах, привели к складыванию военной оппозиции режиму среди части генералов и офицеров вермахта. Круг заговорщиков ориентировался на смену руководства Германии и изменении политического курса, нацеленного на начало переговоров с Антигитлеровской коалицией на предмет обсуждения прекращения войны. Основной акцент ими делался на устранение фюрера Третьего рейха А. Гитлера путем его убийства, что позволило бы им устранить основную преграду на пути возможных переговоров с членами антигитлеровской оппозиции, так как они прекрасно понимали, что сам А. Гитлер никогда не пойдет на подобные переговоры, и антигитлеровская коалиция не будет ничего обсуждать с ним. Только смерть А. Гитлера была возможностью для Германии прекратить войну до того, как она перешла бы на территорию страны.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является изучение антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. в Германии. Предметом исследования выступает степень участия германского писателя и консервативного мыслителя, капитана вермахта Эрнста Юнгера в парижской группе заговорщиков.

Исследование опирается на принципы историзма, историко-системный метод и принципы новой интеллектуальной истории.

Результаты и их обсуждение. Капитан вермахта Эрнст Юнгер в 1941 г. был переведен стараниями начальника штаба полковника Х. Шпейделя в отдел 1с в качестве офицера по особым поручениям. Именно там он оказался в окружении будущих заговорщиков 20 июля 1944 г. и практически сразу очутился в центре консервативной оппозиции А. Гитлеру. Опасные знакомства и общения после 20 июля уже были основанием для серьезных подозрений. Выражаясь языком того времени, Э. Юнгера можно было легко обвинить как в антинацистских подрывных беседах, так и в пораженческих настроениях, под которыми понимался любой критический анализ современности и германской политики. Дневник, который он вел в оккупированном Париже, скрывался от посторонних лиц, хотя иллюзорность подобной безопасности была понятна ему. «Мои личные заметки и дневники я держу в <Мажестик> под надежным замком. Ввиду того что по поручению Шпейделя я обрабатываю бумаги как об операции <Морской лев>, так и <о борьбе за власть во Франции между командующим и партией>, в моей комнате установлен особый стальной

сейф. Впрочем, все эти бронированные ящики – лишь символ личной неприкосновенности; если она будет под вопросом, взорвут и самые крепкие замки»[4.С.51-52]. Служба в Париже, вдалеке от линии фронта, было зоной безопасности, но даже там Э. Юнгер ощущал свое особое положение, выделявшее его среди многих офицеров. Среди знакомых ему офицеров были те, кого раздражала манера действий оккупационной администрации, а со временем она переросла в жесткое противопоставление политической и военной власти. В своем развитии это была оппозиционная группа офицеров, которая старалась сохранить воинское достоинство в условиях политических войн, все более превращавшихся в войну без правил. Для Э. Юнгера это знакомство с ними оказалось судьбоносным, так как на долгие годы укрыло его от фронта в пространстве Парижа. Большую роль в этом сыграл полковник Ханс Шпейдель. 13 ноября 1941 г. Э. Юнгер отмечал, что «под его эгидой мы образовали внутри военной машины ячейку, своего рода пребывающий в чреве Левиафана рыцарский орден, стремящийся сохранить сердце для слабых и незащищенных»[4. С. 57-58]. Это был не обязательно круг заговорщиков, хотя некоторые из них и примкнули потом к заговору, а скорее напоминал собой круг офицеров, живших традицией прежней германской армии. Однако при этом они не могли уклониться от политических приказов, издаваемых администрацией в Париже или Берлине, и их репрессивные действия, пусть и пропущенные сквозь внутренние переживания и протесты, тем не менее, заставляли их реализовывать жесткую политику управления.

После войны Э. Юнгер обобщил этот опыт и высказал предположение о том, что его крах определялся недостатком воли, совершенно не поясняя, что он имеет в виду. Но даже если согласиться с этим, то еще большее безволие проявлял он сам, как на страницах дневника, так и в собственных действиях после провала заговора, стремясь избавиться от любых намеков на причастность к нему. В записи от 24 сентября 1945 г. он выступал как наблюдатель, сочетавший анализ с автобиографическими отступлениями, иллюстрирующими кризис воли. В первую очередь парижский круг в отеле «Георг V» носил консервативный антинацистский характер. Вовлечение в него Э. Юнгера было

осуществлено Х. Шпейделем, возложившим на него обязанности составления аналитических документов, отражавших взаимоотношения политической и военной администрации в Париже. Первый из них назывался «Борьба за власть во Франции между партией и вермахтов», в котором отражались особенности взаимоотношений оккупационных властей. Вторым из них «К вопросу о заложниках. Описание имевших место случаев и их последствий» касался практики расстрела заложников за террористические атаки французского Сопротивления в отношении немецких военнослужащих. Э. Юнгер полагал, что они создавались с целью их использования «в случае ожидаемых политических перемен», связанные с документальной основой легитимации действий заговорщиков. Конечно, возможность их использования в случае успеха допускается, но также следует рассматривать их как аргументированную оправдательную защиту генерала О. фон Штюльпнагеля от обвинений в воинских преступлениях. Опасность подобных документов состояла в их фактическом существовании и нахождении в сейфе Э. Юнгера, что очень его беспокоило. Он отмечал, что «само существование этих и других письменных документов внушало мне все больше тревоги; уже тогда, когда я уезжал на Кавказ, мне было очень неприятно, что они там остаются». Ограниченный круг офицеров, в котором Э. Юнгер вращался, виделся ему как пережиток старой армии, к которому он относил и себя, но с дистанции наблюдателя, общение с ними давало ему чувство внутреннего спокойствия из-за наличия единомышленников. Но важно подчеркнуть, что это общение было очень осторожным и не выходило за рамки безопасности. Э. Юнгер подчеркивал противопоставление этой позиции официальному курсу власти. «Разумеется, общение с людьми, которые воспринимали все иначе, думали иначе, чем политические деятели, было приятно, это был оазис в условиях того времени. Но было очевидно, что у них недостаточно воли. Дурным знаком казалось то, что главной движущей силой для них было ощущение этического дискомфорта. <Тут мало надеть белый жилет>, - такая мысль то и дело невольно приходила на ум. Гитлер рассматривал их просто как компанию людей с устарелыми предрассудками. <...> Они и впрямь принадлежали к отмирающему виду. Наглядное подтверждение дало 20 июля 1944 года; тут же нельзя было

обойтись без пролития крови, будь то кровь противника или своя собственная. Возможно, эта попытка так и так закончилась бы неудачей, но кто знает, какие силы пробудила бы эта кровь?» Активные изменения на Западном фронте и оставление немецкими войсками Парижа способствовали, по его мнению, тому, что ряд заговорщиков смогли избежать преследования, «иначе ему бы (парижскому штабу – С.А.) не избежать более тщательной проверки, чем та, что была проведена». Его же собственные действия ничем не отличались от предшествующих, как в 1933-1934 гг., и выражались в уничтожении любого намека на причастность. «Я воспользовался случаем, чтобы в третий раз пересмотреть свои бумаги; множество писем, среди прочих и письма Генриха фон Штюльпнагеля, две вышеупомянутые работы и другие были тогда отправлены в печь. В какой-то момент я чуть было не решил отправить туда же мое эссе о мире. Однажды начав жечь, постепенно входишь во вкус. Между тем здесь в Кирххорсте, в ту же ночь 20 июля были спрятаны в надежное место мои бумаги. <...> Можно было предвидеть, что за этим последует большое кровопускание, как это и произошло в действительности, к сожалению, даже в тюрьмах. Те, кто стоял у власти, стали подумывать, что ей скоро придет конец, и отдавали приказы казнить заключенных, которых они долгое время придерживали. Наши домашние пережили тогда беспокойную ночь, они трудились, не покладая рук, сновали в промежутках между воздушными тревогами туда и сюда, зато к утру в доме не осталось ни одного письма. Таким образом, сохранилось, как я вижу теперь, сочинение о заложниках, причем остался экземпляр с пометками Отто фон Штюльпнагеля»[2. С. 232-233].

Служба Э. Юнгера при штабе в Париже была достаточно странной в смысле неожиданного перехода из строевой части в штаб, но верно воспринималось, как желание обезопасить его от военных опасностей. Сам парижский штаб привлекал к себе внимание Берлина как «заповедник консерваторов». Э. Юнгер вошел в так называемый «круг Рафаэля», образование которого он относил к январю 1942 г.: «Празднование дня рождения в <Рафаэле>, когда мне впервые стало ясно, что все его обитатели надежны. Подобное сегодня возможно, только если выбор шел по внутреннему, скрытому кругу. Злая шутка Филиппа над Кньеболо стала сигналом к откровенному разговору.

Принуждение, осторожность разделяют сегодня людей, как будто их лица скрываются под масками; когда маски спадают, неистовое веселье овладевает всеми»[4. С.77-78]. Парижский штаб и его главнокомандующий снискали себе славу центра прусской военной оппозиции, как его называл Э. Юнгер. «белого штаба». Попытка противостояния радикализму СС и германского посольства, заставляли рассматривать их как консервативную оппозицию, за которой наблюдали. Со слов подполковника Хофаккера, сказанных Э. Юнгера, «за окружением Штюльпнагеля там наблюдают с величайшим недоверием. Самыми подозрительными, сообщил Хофаккер, считают священника Дамрата и меня»[1. С.557]. Из этого совершенно не следует, что Э. Юнгер играл какую-то особую роль в парижском окружении, тем более близком к кругу заговорщиков, скорее странность его положения при штабе и известность имени способствовали его выделению, также нельзя сбрасывать со счетов личную антипатию к нему, например, генерал-фельдмаршала В. фон Кейтеля. Нам представляется необходимым подчеркнуть, что подозрительность здесь является синонимом странного положения, отсутствием четкого понимания того, чем он конкретно занимается.

Э. Юнгер считал, что парижский штаб сохранял в себе традиции и дух пруссачества, тень ушедшей кайзеровской эпохи в противоположность народным вождям, поднятым на поверхность толчком демократических преобразований. Он определял его как «фронду» берлинскому центру, проблема которой состояла в несоответствии времени. То, что парижский генералитет и прусские чиновники были лишь тенью прошлого, ослабляло их позиции, при всех моральных преимуществах сопротивления в стратегической перспективе они были обречены проиграть. Пограничность положения Э. Юнгера между аристократической элитарностью и брутальной народностью позволяли ему лучше чувствовать обреченность всего дела. В конце апреля 1944 г. он заметил, что «если знать Штюльпнагеля, Попица и Йессена, к тому же еще Шуленбурга и Хофаккера, то картина фронды в тотальном государстве будет завершена. Очевидно также, что ведущей становится моральная субстанция, а не политическая. В действии она слабее, и поэтому ситуация только бы улучшилась, если бы явился какой-

нибудь Сулла, пусть даже в лице обычного народного генерала»[1. С.571].

В силу служебного положения и обстоятельств круга общения Э. Юнгер был знаком с главнокомандующими оккупационными войсками во Франции, происходившими из старинного рода фон Штюльпнагелей. Служба в Париже дала ему возможность познакомиться с еще двумя фон Штюльпнагелями – Отто фон Штюльпнагелем, которого называли «черным» и его двоюродным братом Генрихом фон Штюльпнагелем, которого называли «рыжим», сменившего его на посту главнокомандующего оккупационными войсками во Франции. Отто фон Штюльпнагель в обществе, проживавших в отеле «Рафаэль», получил прозвище «король Щелкунчик». Э. Юнгер вспоминал, что «он отличался любезностью, был нервным и его окружала атмосфера какой-то меланхолии». При этом он указывал на специфичность занимаемого им поста отмечая, что «должность военного начальника, проконсула в оккупированной Франции вовсе не давала такой самодержавной власти, как представляли себе парижане. Это была административная должность, доставлявшая много забот и мало славы. По-настоящему вся военная власть находилась в руках главнокомандующего Западного направления, которым тогда был Рундштедт, а после него Клюге - <умный Ганс>, который отравился после 20 июля»[2. С. 227-228]. С Карлом-Генрихом фон Штюльпнагелем у него сложились близкие отношения. Записывая свои впечатления от первого знакомства с ним, он подчеркивал существенную разницу между ним и его предшественником, как в манере поведения, так и в содержании бесед. На первой встрече 10 марта 1942 г. «мы говорили о ботанике и византийской истории, в которой он сведущ. <Андроник> стало для него теперь ключевым словом. <...> В отличие от своего предшественника и двоюродного брата, он, без сомнения, обладает непринужденностью, придающей ему аристократизм. Его украшает улыбка, привлекающая к нему людей. Это сказывается во всем, прежде всего в его общительности»[4. С. 110]. Э. Юнгер чувствовал не только его поддержку, но и связывал с ним защищенность собственного положения в парижском штабе, полагая, что смещение главнокомандующего будет означать для него перевод в боевое подразделение. Он считал, что

это будет напоминать пилатовский акт умывания рук со стороны его недоброжелателей, который будет «несколько попахивать духами», сопровождаемый фразой: «Мой любезный Ю., Вашему дарованию здесь негде развернуться. Поэтому мы отправляем вас на <диспозицию>»[1. С.474]. В ходе реализации заговора 20 июля 1944 г. К.-Г. фон Штюльпнагель произвел массовые аресты нацистских деятелей в Париже, которые, после общего провала заговора в Берлине, пришлось обреченно представлять как учебные действия. Вызванный в Ставку, К.-Г. фон Штюльпнагель неудачно пытался застрелиться, но в результате лишь ослеп и потом был повешен в Берлине. После смерти он приснился Э. Юнгера: «Во сне сидел за ночной трапезой с верховным главнокомандующим и думал про себя: <Смертный приговор вы ему вынесли несправедливо>. При этом видел на его виске светлую рану от пистолетного выстрела»[3. С. 637].

Близость Э. Юнгера к руководителям парижского заговора 20 июля 1944 г. не означало его участия в нем. Он не входил в круг заговорщиков, скорее всего по личным мотивам, вызванным его осторожностью и неприятием в практику покушений. Фактически его поведение в 1920-е гг. не поменялось и в 1940-е гг. Можно предположить, что это ощущалось и офицерами, вовлеченными в заговор, поэтому он узнал о нем по факту. В дневниках хронология заговора прослеживается следующим образом. Он сообщает о нем 21 июля 1944 г.: «Вчера стало известно о заговоре. <...> Свершивший покушение – граф Штауффенберг. Я слышал его имя еще от Хофаккера. Это укрепило меня во мнении, что в такие поворотные моменты в действие вступает старая аристократия. По всем данным, эта акция вызывает чудовищную расправу. И все трудней будет сохранить маску, - так, сегодня утром я затеял перепалку с одним товарищем, который обозначил происшедшее как <неслыханное свинство>. Сам я при этом убежден, что покушения мало что меняют и уж, во всяком случае, ничего не улучшают. <...> После полудня в самых узких кругах распространилось сообщение, что главнокомандующий уволен со своего поста и отозван в Берлин. Как только пришло известие с Бендлерштрассе, он приказал арестовать все части СС и Службы безопасности, чтобы тут же освободить их: после того как он должен об этом Клюге в Ла-Рош-

Гюйоне, уже не оставалось никакого сомнения в том, что покушение провалилось. <...> Поражает сухость, деловитость этого ареста – его основанием послужил простой телефонный звонок коменданту Большого Парижа. <...> К тому же – крах Роммеля 17 июля, ибо вместе с ним сломался единственный столб, поддерживавший смысл подобного мероприятия. <...> тело не лечат во время кризиса, а если и лечат, то все сразу, а не один какой-нибудь его орган. Даже если бы операция удалась, у нас вместо одного нарыва появилась бы их целая дюжина, с кровавыми судами в каждой деревне, на каждой улице, в каждом доме»[1. С. 609-610]. В этой записи отчетливо видно, что Э. Юнгер не только дистанцируется от заговора как участник, но и считает ошибочным сам способ покушения, успех которого способствовал бы не консолидации, а наоборот, расширению репрессий и сведению счетов. Можно обратить внимание на то, что какого-то пассажа, связанного с угрозой ему лично здесь нет, что также подтверждает его отдаленность от заговорщиков. Последующая запись от 22 июля фиксирует сведения о судьбах и содержит уже моральное одобрение обреченного дела. Он отметил, что «вчера на пути в Берлин Генрих фон Штюльпнагель пытался застрелиться, однако остался жив, но потерял зрение. <...> Вот каковы нынешние жертвы и как раз – в узком кругу последних рыцарей, свободных умов, тех, кто умеет мыслить и чувствовать по ту сторону глухих страстей. И все же жертвы нужны, ибо они создают внутреннее пространство и предотвращают падение нации как целого, как монолита, - падение в страшные недра судьбы»[1. С.610-611]. Судьба Г. фон Штюльпнагеля лишний раз подчеркивала его обреченность после неудачи заговора. Он отмечал, что «первый вопрос генерала, когда он, ослепший, очнулся, относился к обустройству лазарета; он спросил, доволен ли им главный врач. Его уже плотным кольцом окружали санитары, они же его и сторожат; он – пленник»[1. С.611].

Не будучи знакомым с Штауффенбергом, Э. Юнгер записал рассказы о нем со слов других. Они превращались в яркие характеристики личности, но отличались оценочными суждениями. Так, 15 июня 1945 г. он оставил свидетельство о Штауффенберге: «20 июля 1944 годы мы вспомнили и Штауффенберга. Узнав об этом, Роммель сказал: <Неужели там

не нашлось ни одного капитана с армейским пистолетом?> <...> Покушения вообще представляют собой мнимое решение, как и самоубийство; они переносят проблемы в другую, но не лучшую плоскость. <...> Гитлер о Штауффенберге еще задолго до покушения: <От взгляда этого одноглазого полковника у меня всегда появляется неприятное чувство>. <...> в таких делах Гитлер проявлял интуитивное предчувствие»[2. С. 136]. В его дневниках записи о событиях 20 июля и его участниках очень редки, что вполне понятно, особенно в отношении периода до поражения, так как это несло в себе конкретную опасность. Тем не менее, они есть и становились свидетельством событий. 5 ноября 1944 г. он отметил, что «на кофе пришел генерал Лёнинг в сопровождении Шенка и Дильса. У Дильса особое умение заглядывать в политическую преисподнюю, особенно хорошо он осведомлен об истории создания государственной полиции, которую сам основал. От него я услышал леденящие кровь подробности о стараниях друзей и знакомых перед казнью. Шуленбурга среди других, арестованных вместе с ним, президент Народного суда именовал не иначе как <мерзавец Шуленбург> или <преступник Шуленбург>. Один раз, когда этот палаческий прислужник оговорился, нечаянно обратившись к нему <граф Шуленбург>, тот поправил его с легким поклоном: <Мерзавец Шуленбург>. Черта, весьма для него красноречивая»[3. С.645]. Вместе с тем, нельзя сказать, что он предавал этому событию большое значение, являясь наблюдателем, он мог позволить себе лишь эпизодические личностные зарисовки в отношении отдельных участников.

И все-таки, какова его связь с участниками заговора 20 июля 1944 г.? Можно утверждать о том, что речь может идти о личных, а не политических контактах. Он был знаком с некоторыми из них. Возможно, вел с ними пессимистические разговоры, но, во-первых, он сам не стремился принять участие в круге заговорщиков, и это главное, а во-вторых, оппозиционная группа офицеров, понимая нечеткость его позиции, считала невозможным посвящать его в суть процесса, так как удовлетворять его любопытство в смертельной игре было бы полным безумием.

Когда в начале сентября 1944 г. Э. Юнгер оказался в Ганновере, написал рапорт о «переводе в резерв командования», ссылаясь

на боли в желудке. Увольнение со службы было дано 16 сентября, но лишь спустя месяц из штаба корпуса пришло предписание об этом. Насколько это было связано с событиями 20 июля? Сложно сказать. Учитывая напряженную ситуацию лета 1944 г., волну арестов, не оглядываясь на фамилии и должности, практически невозможно было выпасть из пристального внимания политической полиции. Следует подчеркнуть, что Э. Юнгер даже не задерживался для допроса вообще, а просто, достаточно странно в условиях идущей войны, без всяких внешних причин, при очень неопределенном медицинском заключении о каких-то болях в желудке, отправлен в отставку. Странность данного решения, когда на счету был каждый боевой офицер, не имеет документального объяснения. Склонность Э. Юнгера наводить таинственность на серые страницы своей биографии, позволяли ему спустя годы, в интервью, намекать на то, что и он был причастен к военному сопротивлению Гитлеру. 1 февраля 1980 г. он отмечал, что «я чувствовал себя в большей безопасности в стрелковых окопах под Верденом и на Сомме, нежели в Париже Второй мировой войны. Тому были причины, которые трудно понять снаружи, но которые стали видны 20 июля 1944 года – большинство боевых товарищей, живших со мной в <Рафаэле>, были повешены, покончили самоубийством либо исчезли в застенках накануне поражения. То, что я не разделил их судьбу, всегда воспринималось мною как незаслуженное счастье, за которое я благодарен»[5. С. 655]. Однако, кроме опасных связей, которые стали таковыми в 1944 г., но для штабного офицера не могли быть таковыми до начала заговора, ему нечего было предъявить. В 1985 г. внезапно было опубликовано письмо председателя суда Народной палаты Роланда Фрайслера к руководителю партийной канцелярии НСДАП Мартину Борману, в котором указывалось о связи Э. Юнгера с рядом заговорщиков и личном распоряжении А. Гитлера прекратить в отношении его каких-либо преследование. Оно указывало не только на связь Э. Юнгера с заговорщиками, но и на вмешательство в данное дело лично А. Гитлера. Учитывая ту яростную беспощадность, которую проявлял А. Гитлер к тем, кто был связан с попыткой его убийства, маловероятно, что он был склонен к

христианскому прощению. Здесь ничто, даже призраки прошлого, заслуги окопного рубаки, которые А. Гитлер реально уважал в офицерах, не могли бы спасти от возмездия. Сам Э. Юнгер настолько хотел в это поверить, что счел правдой и подтверждал справедливость данного сюжета. Однако проведенная экспертиза Федеральным архивом в г. Кобленц доказала, что данный документ был фальшивкой, что показал Франк Ширрмахер в публикации во «Frankfurter Allgemeinen Zeitung» от 23 октября 1992 г.[6. S.530].

Заключение (выводы). Осознание приближающегося поражения в мировой войне подталкивало Э. Юнгера после отставки со службы в вермахте подготовиться к предстоящим изменениям. Германский исследователь Х. Швилк считал, что увольнение со службы поставило Э. Юнгера в опасное положение, так как теперь он не мог надеяться на защиту армии, т.е. на военную юстицию и военный трибунал, от политических преследований, т.е. подсудности суду Народной палаты[7. S. 436]. Однако здесь следует учитывать нюанс ситуации. Если до покушения 20 июля обвинения в политической неблагонадежности и тем более политических преступлениях с меньшей долей вероятности можно было как-то смягчить для офицера с послужным списком и военными наградами, то после совершения покушения это было совершенно невозможно. Подобные обвинения ставили точку в судьбе офицера, вне зависимости от заслуг и вермахт не был крепостью, в которой можно было укрыться. Обвинения в участии в антинацистской деятельности становились роковыми. Однако никто Э. Юнгеру такого обвинения не предъявлял. Именно это ускользает из внимания исследователей. Сам же Э. Юнгер, еще раз подчеркнем это, дистанцировался от политического участия и в январе 1945 г. готовился к жизни после нацизма. Устойчивое избегание Э. Юнгером каких-либо теневых политических групп и участия в сомнительных с точки зрения успешности мероприятия не могло сделать его заговорщиком 20 июля 1944 г. Он переступил черту радикализма, к которому уже больше не вернулся никогда. Тем не менее заметно, что еще до реализации заговора 1944 г. он сформировал собственную политическую позицию, подчеркнем, именно позицию, а не политическую программу какого-либо политического объединения.

Список литературы

1. Юнгер Э. Второй Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002. – 782 с.
2. Юнгер Э. Годы оккупации/Пер. с нем. – СПб., 2007. – 367 с.
3. Юнгер Э. Кирххорстские листки// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002. – 782 с.
4. Юнгер Э. Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002. – 782 с.
5. Юнгер Э. Семьдесят минуто: дневники 1971-1980/ Пер. с нем. – М., 2015. – 728 с.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007. – 718 s.
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. – Stuttgart, 2014. – 646 s.

ERNST JÜNGER AND THE ANTI-HITLER PLOT OF JULY 20, 1944 IN GERMANY

This article attempts to analyze the participation of the German writer and conservative thinker in the anti-Hitler plot of July 20, 1944, aimed at assassinating the Führer of the Third Reich, A. Hitler, in order to change the political regime in Germany and find a political solution aimed at ending World War II. The subject of the study is the degree of participation and interaction of E. Jünger with the conspirators who took part in the anti-Hitler plot, his circle of acquaintances among the conspirators and his involvement in the plot. His service at the headquarters of the German occupation forces in Paris allowed him, as an officer of Department 1C, to be aware of the anti-Nazi positions of the leadership of the German troops. The article examines E. Jünger's personal contacts with the conspirators and assesses the degree of his involvement in the conspiracy, and his personal readiness to take direct part in it. The attitude of E. Jünger to the anti-Hitler conspiracy at different periods of his life, during the war and post-war time, is examined. The July 20, 1944, plot represents a turning point in Erich Jünger's military biography and his participation in World War II as a Wehrmacht captain. It marked the end of his anti-Nazi stance during the war and marked a turning point in his rethinking his life and entering a new, post-war phase as a German writer bewildered by political debate.

Keywords: Ernst Jünger, Nazi Germany, opposition to Nazism, July 20, 1944 plot, German occupation of France, German conservatism.

References

1. Yunger E. (2002) Vtoroj Parizhskij dnevnik [The Second Parisian Diary]// Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)/Per. s nem. – SPb., 2002.
2. Yunger E. (2007) Gody okkupacii [Years of occupation]/Per. s nem. – SPb., 2007.
3. Yunger E. (2002) Kirhhorstskie listki [Kirchhorst Leaflets]// Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)/Per. s nem. – SPb., 2002.
4. Yunger E. (2002) Pervyj Parizhskij dnevnik [The First Paris Diary]// Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)/Per. s nem. – SPb., 2002.
5. Yunger E. (2015) Sem'desyat minulo: dnevniki 1971-1980 [Seventy Minutes: Diaries 1971–1980]/ Per. s nem. – M., 2015.
6. Kiesel H. (2007) Ernst Jünger. Die Biographie. [Ernst Jünger. The Biography.] – München, 2007.
7. Schwilk H. (2014) Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. [Ernst Jünger. A Life in the Century. The Biography.] – Stuttgart, 2014.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich - Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 433.93/94

Баранова О.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет» (Россия).

О СОСТОЯНИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА СМОЛЕНЩИНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследование посвящено проблеме снабжения советского тыла медпрепаратами в период 1941- 1945 гг. его актуальность определяется отсутствием специальных региональных исследований по проблеме и обращением к опыту работы Государственного аптечного управления (ГАПУ) СССР в современной практике организации фармацевтики. Автор поставила перед собой цели: подробно охарактеризовать фармообеспечение Смоленской земли в годы ВОВ, ответить на вопрос об эффективности деятельности ГАПУ в военных условиях. В статье представлены материалы смоленского государственного архива, а также данные мемуарной и научно-исследовательской литературы. В соответствии с использованным типом источников мы опирались на приемы архивной эвристики и историко-антропологический метод. В работе приведены количественные и качественные данные о нехватке медикаментов и способах ее преодоления. В частности, дан анализ галенового производства на Смоленщине, описаны внедренные методы экономного использования медикаментов. На основе анализа полученных данных автор собрала обширный материал официального и бытового характера о фармацевтическом обеспечении Смоленской земли в период немецко-фашистской оккупации и после освобождения территории советскими войсками. На основе собранных данных были сделаны следующие выводы. Фармацевтическое обеспечение населения оккупированного Смоленска было крайне скудно, что порождалось системой приоритетного снабжения немецких оккупантов, проживавших в городе, инфляцией и введением платного медицинского обслуживания. По мере освобождения территории восстанавливалась сеть аптечного и амбулаторного снабжения препаратами населения. К 1945 г. довоенные показатели не были восстановлены, однако во многих районных центрах появились аптеки и больницы, обеспеченные медпрепаратами, прием для населения стал бесплатным. Среди мер, направленных на восстановление фармообеспечения, были наиболее эффективны развитие галенового производства, фармацевтическое новаторство и организация централизованного распределения фармацевтических препаратов в системе ГАПУ.

Ключевые слова: фармацевтика, снабжение, Главное аптечное управление, аптека, эвакогоспиталь, Смоленская область, оккупация, Великая Отечественная война.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-14-22

Введение. В Российской исторической науке важное место занимает тема Великой отечественной войны. Обострение международных противоречий и проведение СВО также вызывают особый интерес к опыту организации фармообеспечения в военных условиях. Поэтому целью нашего исследования стало изучение опыта снабжения советского тыла в Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Мы считаем важной научной задачей детализацию представлений о жизни населения в период Великой отечественной войны для того, чтобы молодое поколение получило ключ к пониманию повседневной реальности жизни предков и военной, тыловой реальности как таковой. Еще одна важная задача – охарактеризовать эффективность централизованной системы управления аптеками в СССР.

В литературе, как в научной, так и научно-публицистической, вопрос об

оккупации Смоленска поднимался довольно часто, однако исследования носят довольно общий характер. Многие из них посвящены военным действиям в Смоленской области, например, работы Д. Е. Комарова [6; 7]. Важным событием стала публикация статьи руководителя Смоленского государственного архива новейшей истории Смоленской области Татьяны Ивановны Тарасенковой «Смоленск: жизнь в оккупации». Публикация открыла для исследователей интересные источники, отражающие повседневность города в 1941 – 1943 гг. В исследовании К. В. Купченко и Н. В. Никитиной представлены данные о жизни оккупированного Смоленска [8].

Специальные работы, посвященные истории фармацевтического дела в период войны на Смоленщине, отсутствуют. При этом ряд исследователей раскрыли состояние аптечного дела в Советском Союзе в период Великой отечественной войны. Например,

исследование о реализации заготовок растительного сырья в Советском союзе после 1942 г. [3;17; 19; 21]. Отдельное место в этом ряду занимают исследования Ю.В. Мирошниченко и соавторов [12,13].

В истории отечественной науки имеется опыт исследования регионального военного прошлого фармации, которые ценны для нас с методологической точки зрения. Авторами наиболее интересных, на наш взгляд, публикаций такого плана являются И. З. Самситдинов, В. Ф. Сосонкина, А. И. Тетуев, Н. Д. Бреднева, В. А. Тоболкина, Т. А. Угрюмова, С. М. Кутепова, Е. И. Чикаренко, А. С. Путинцева [1; 17; 12;1;18; 20]. Отдельная группа исследований – советские публикации об истории фармации в СССР. Например, труд М. А. Клиода и С. М. Маймида «Тридцать лет советской аптеки». Многие исследования белорусских ученых в центр внимания ставят вопросы реорганизации общесоюзной системы снабжения населения в период великой отечественной войны - Д. С. Сивакова, К. А. Гаврилова, А. В. Сафонова, М. Д. Семашко [3; 17]. Таким образом, можно утверждать, что вопрос о состоянии аптечного дела на Смоленщине в период Великой отечественной войны в историографии не раскрыт.

Источниковая база исследования представлена по большей части архивными делопроизводственными документами. К этой группе источников относятся распоряжения начальника Смоленска в период оккупации, устанавливающие новый порядок оказания медицинской помощи, стоимость медицинских услуг и т.д. В источниковую базу входят также распоряжения Главного аптечного управления, касающиеся поставок фармпрепаратов на неоккупированную и освобождённую территорию, цен на них, организации галенового производства. Сюда же можно отнести сметы эвакогоспиталей, переписку Главного Аптечного управления (ГАПУ) и отдела здравоохранения Смоленского райисполкома. Они отражают крайнюю нехватку различных лекарственных препаратов и деятельность, направленную на перераспределение имеющихся запасов и формирование базы галеновых аналогов продукции химико-фармацевтического производства. В источниковой базе исследования важное место занимают мемуарные сочинения. Интерес

представляют воспоминания Сергея Ивановича Красновского. Военный врач, волею судьбы оставшийся в оккупированном Смоленске, имея частную медицинскую практику, одновременно являлся одним из организаторов сопротивления. Воспоминания Красновского сообщают о состоянии медицинских учреждений и способах их обеспечения [10]. Интересный источник – мемуары начальника Смоленска в период оккупации Бориса Меньшагина [11] и свидетельские показания из архивов ЧГК по расследованию преступлений фашизма А.К. Трушкина[10].

Объекты и методы исследования. Объектом исследования, представленного в данной статье, является организация обеспечения фармпрепаратами населения Смоленской земли в период Великой Отечественной войны. Объект исследования можно считать сложным, то есть состоящим из нескольких тематических и хронологических разделов. Хронологически это три периода – период оккупации Смоленщины немецко-фашистскими войсками, период освобождения и восстановления Советской власти. Тематически можно выделить организацию аптечного дела, степень доступности фармпрепаратов населению и эвакогоспиталям, меры Советского правительства, направленные на преодоление острой нехватки фармпрепаратов. В качестве методологической основы для исследования нами были выбраны историко-антропологический метод и метод сопоставления источников.

Результаты и их обсуждение. Смоленск занимает стратегически важное положение на пути к Москве. Поэтому уже в первые дни войны, в 20-х числах июня 1941 г., были сброшены первые бомбы и появились первые жертвы среди мирного населения. С 10 июля о 10 сентября 1941 г. происходило Смоленское сражение. Население города и солдаты проявили мужество и самоотверженность, стараясь задержать врага на пути к столице.

10 сентября 1941 г. Смоленск был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. Согласно сообщению председателя смоленского областного управления Главного аптечного управления (далее – ГАПУ) Я.Д. Агафонова, до оккупации в Смоленской области было 200 больниц и 86 аптек, причем большинство больниц находилось в 20-30 и

больше километрах от аптек. Поэтому больницам предоставлялось право продавать лекарственные препараты амбулаторным больным. [14, л. 34].

В ходе Смоленского сражения 10 июля – 25 сентября 1941 г. в городе были уничтожены 2 советских городских больницы и 3 амбулатории, разрушены здания советских аптек. Осенью 1941 г. оккупационные власти в Смоленске открыли аптеку и больницу. Контроль за их деятельностью осуществлял гарнизонный врач. Была установлена плата за медицинские услуги населению. Уже 29 августа, когда еще продолжались бои за Смоленск, провозглашенный начальником города Борис Меньшагин издал распоряжение о порядке об установлении платы населению за медицинские услуги и продажу фармпрепаратов [16, л. 9].

29 августа и 7 октября 1941 г. распоряжениями начальника города Б.Г. Меньшагина были введены жесткие расценки на медицинские услуги населению. В Распоряжении № 10 от 29 августа 1941 г. в качестве цели введения платных медицинских услуг указана необходимость «увеличения средств Городской больницы, необходимых для оказания медицинской помощи, лечения и содержания больных». Для коечных больных плата за содержание и лечение составляла 8 рублей в сутки, а стоимость медицинского аборта – 50 рублей. Для амбулаторных больных и находящихся в стационаре пациентов устанавливались единые цены, соответствующие ценам в Смоленске до 21 июня 1941 г. [16, л. 9]

Распоряжение № 28 от 7 октября 1941 г. устанавливало расценки «за лечение зубов и лабораторные исследования». 5 рублей составляли стоимость общего анализа мочи, кала, мокроты. 6 рублей – лечение кариеса, лечение слизистой и снятие зубного камня. 8 рублей – реакция Видала и Вейль-Феликса, удаление зубов. Еще дороже стоили лечение пульпита и общий анализ крови – 10 рублей. И самое дорогое лабораторное исследование – реакция Вассермана стоимостью 20 рублей. Важно отметить, что оказание первой медицинской помощи также относилось к платным услугам и оценивалось в 5 рублей [16, л. 14]

Для сравнения обратимся к информации о ценах на товары потребления и доходах населения в оккупированном Смоленске. [14,

с. 46].

В среднем, горожане получали 200-400 руб. в месяц. Половину – в рублях, другую половину – марках. Соотношение стоимости валют составляло 10 рублей к единице немецкой марки в соответствии с п.13 Распоряжения № 1 Командования Германской армией. [16, с. 6]. Однако на практике гиперинфляция носила теневой характер и была вызвана крайним дефицитом потребительских товаров и лекарственных препаратов. В городе существовал рынок. По воспоминаниям Трушина, стоимость хлеба здесь составляла 100 руб. за килограмм, сахара – в два раза больше. Молоко стоило 30 руб. за килограмм, а гречневая крупа – 150 руб. [14, с. 147].

Центральное аптечное управление было озабочено снабжением аптек и лечебных учреждений противодифтерийной сывороткой [14, л. 94]. Одновременно на оккупированной территории немецкое население имело препарат в доступе в отличие от местного населения. Как указал А. К. Трушин, горожане, если нуждались в дозе сыворотки, шли на базар и покупали десяток яиц за 250 – 300 руб. Потом обращались к оккупантам, которые обменивали эти продукты на сыворотку [2, с. 48]. Указанная стоимость была практически недоступна для большинства жителей оккупированного города. Так, А.К. Трушкин работал каменщиком дорожного отдела. «Рабочий день был установлен 8 часов, работы было много, платили 10 рублей в день. Выдавалось 300 граммов хлеба в день, полкило соли в месяц, полпуда картошки в месяц и больше ничего», – вспоминал ветеран [2, с. 148]

Одновременно на неоккупированной территории Смоленской области работала советская система жизнеобеспечения. Так, в городе Кондрово Смоленской области изготавливались медицинские порошки. В типографию города был отправлен запрос начальника областного управления ГАПУ Я.Д. Агафонова на изготовление бумажных пакетов разных размеров (большого и малого в количестве по 10 тысяч штук) и тканевых пакетов в том же количестве [14, л. 5].

В аптеках ощущалась острая нехватка сотрудников. [14, л. 11]. В колхозах вместо стационарных аптек работали сануполномоченные [16, л. 25, 27].

В районах, находившихся вне зоны

оккупации, цены устанавливались на основе прейскуранта 1939 г. В него вносились некоторые поправки. Например, населению стали доступны квасцовые карандаши (по цене 0, 66 руб. за штуку, кодеин и тиокол – 286 руб. за упаковку, формидрон - 4.60 руб. за упаковку). [16, л. 16].

В том же августе 1942 г., после освобождения ряда оккупированных фашистами земель, было принято решение об открытии 13 аптек в Смоленской области и выделении денежных сумм на ремонт помещений [14, л.5, 49].

После освобождения Смоленска 25 сентября 1943 г., согласно отчету Агафонова, на территории области действовало 25 аптек включая Смоленский областной аптечный склад и Смоленское областное отделение ГАПУ [14, л. 17]. В условиях острой нехватки лекарственных средств Аптечное управление сделало ставку на использование растительного сырья. Для обеспечения сбора сырья были приняты следующие меры. Было принято решение о привлечении к сбору лекарственного сырья и комсомольцев, школьников и педагогов с последующей отчетностью о выполнении. Для руководства этим процессом 1 мая 1942 г. была организована Рослекарсконтора [12, с. 235]. В список трав, рекомендованных для сбора населением, входили: хвоя, ягоды черной смородины, Сален, корень спорынья, сфагнум, цветы таволги, термopsis, семя тмина, лист толокнянки и трифона, лист тысячелистника, фиалковый корень, черника, череда, чистотел, чабрец, ягоды черемухи, плоды шиповника, трава эфедра, лист эвкалипта и др. Стоимость работы по сбору этого лекарственного сырья колебалась от 400 до 6000 рублей за килограмм. Самые высокие расценки были установлены за сбор корней салепа (применялся в лечении ЖКТ, до 15 руб. грамм), и шпанской мушки (жучек, выделяющий афродизиак кантаридин, 7 руб. грамм) [16, с. 10]. От средств, вырученных при продаже гелевых препаратов и переработанного растительного лекарственного сырья, 65 % должно быть направлено на оплату работникам низовой аптечной сети, задействованным в сборе лекарственных трав, 35% - на организационно-хозяйственные расходы и 10% - на образование накоплений [16, л. 28].

Главное аптечное управление осуществляло контроль деятельности по сбору

лекарственных трав на местах. Население широко охватывалось работой по сбору лекарственных средств. В июле 1942 года Смоленское отделение ГАПУ получило распоряжение: «В связи с постановлением ЦК ВЛКСМ от 14. 05. с.г. и приказом Народного комиссариата просвещения РСФСР от 18. 05. с.г. о привлечении к работе по сбору лекарственных растений комсомольцев, школьников и педагогов, мы обязаны ежемесячно предоставлять сведения, сколько, каких лекарственных растений собрано через эти организации» [14, л. 14].

В области не было собственной базы для хранения и перераспределения лекарственных средств. Поэтому даже после того, как медикаменты собраны для отправления в Смоленскую область, они не могли быть доставлены в распоряжение Смоленского областного ГАПУ. В июне 1942 г. Смоленское областное отделение ГАПУ обратилось к директору конторы госмедснабторга фармкомздрава РСФСР тов. Урянзону с просьбой продлить хранение соляной кислоты, предназначенной для отправки в Смоленскую область ввиду того, что последняя является прифронтовой полосой и не обладает достаточным количеством складов [19, 2]. В аптеках, открытых на освобожденных территориях, был отмечен низкий оборот лекарственных средств и выставлено требование отдать со складов препараты, запасы которых превышают 2-3 месячный запас [20, 21].

В условиях острой нехватки лекарственных средств происходил поиск новаторских решений в фармацевтике. Например, в центральную научно-исследовательскую аптечную лабораторию в Москве был направлен запрос о возможности использовать подсолнечное и соевое масла вместо вазелинового масла при изготовлении инъекционных растворов вместо традиционно применяемого для этой цели вазелинового масла. В данном ответе было обосновано, что по своим характеристикам подсолнечное масло не подходит для данной цели, поскольку может вызывать абсцесс, и предложено в качестве альтернативы вазелиновому хлопковое масло. Такая рекомендация сопровождалась постановлением Президиума медицинского Совета НКЗ РСФСР об отпуске хлопкового масла на предприятия здравоохранения [2, с. 89].

Был разработан метод экономного

использования белого стрептоцида. Раствор состоял на 40 % из уротропина и оставшиеся 60 – стрептоцида, требует нагревания и фильтрации. [2, с. 107]. В одном из постановлений было введено ограничение отпуска витамина К в форме масляного раствора ввиду ограниченности [15, л. 21].

Работа ГАПУ была направлена на перераспределение и контроль над снабжением аптек, больниц и эвакуогоспиталей фармпрепаратами [5, л. 108; 4, л. 46]. По мере освобождения области от фашистских захватчиков открывались новые аптеки, однако этот процесс шел непросто. Область была сильно разрушена. Поэтому длительное время перераспределение аптечных запасов помогало обеспечить те территории, где не было условий для открытия собственных аптечных пунктов. Однако такая практика порождала сложности и вызывала неоднозначную реакцию в руководстве областного аптекоуправления. Например, в объяснительной записке управляющего смоленским областным отделением ГАПУ тов. Агафонова говорилось следующее. «2 - 3 сентября с требованием на медикаменты для темкинской больницы пришла врач Кирьянская с просьбой отпустить. Тов. Никитин принципиально ставит вопрос об открытии аптеки в Темкинском районе и отказал врачу, медикаменты не получены ...в данное время район не полностью освобожден, да и есть ли куда. Врач Кирьянова и тов. Фролов, которые только вернулись из этого района, объяснили мне, что открывать аптеку преждевременно из-за обстановки, да и негде» [14, л. 49]. Кроме того, остро стояли проблемы организации логистики снабжения аптек. Область была разрушена, ощущался острейший дефицит транспортных средств, железнодорожное сообщение было прервано в большинстве районов. Например, Агафонов в письме начальнику аптеки сообщает: «тебе отправлено с тов. Прохоровой несколько дней назад все необходимое Конечно, это не покроет твоих потребностей. Помимо того, тебе отправлено с тов. Моисеенко из облздравотдела:...[перечисление препаратов - О.Б.]...Заготовлено, но еще не отправлено[перечисление препаратов - О.Б.].... Снабди доверенностью человека, который будет командирован и лучше всего, если бы удалось этого человека отправить на машине, тогда еще ряд предметов можно

будет отправить на этой машине в твоё распоряжение...» [14, л. 24]

Например, распоряжением ГАПУ в октябре 1942 г на нужды эвакуогоспиталей и спецбольниц были направлены препараты: хлористый кальций, кофеин, этиловый спирт, эфир, вазелин, кокаин, формальдегид, серебро азотно-кислородное, кодеин, настойка йода, пантопол, морфин, новокаин и др. [14, л.103]

Распоряжение ГАПУ о снабжении аптеки в Кондорово Смоленской области из запасов областного АПУ содержало «перечень медикаментов и перевязочного материала, которыми должны быть в потребном количестве обеспечены родовспомогательные учреждения». В этот перечень входили: кофеин, ницерголин, лобелин, стрихнин, новокаин, хлороформ, морфий, пантопон, беладонна в свечах, спорынья, йод, касторовое масло, протаргол, подсолнечное масло, спирт, риванол, перекись водорода, секолен, хлорэтил, сернокислая магнезия, стрептоцид, ляпис, сульфацил, протаргол. В качестве перевязочных материалов - марля и вата [14, л. 80].

Из приведенных выше материалов очевидно, что в период оккупации и последующие годы Великой Отечественной войны население Смоленщины испытывало острую нехватку медикаментов. В условиях разрухи, нарушения хозяйственных и экономических связей и объективно обусловленного дефицита лекарственных препаратов работа ГАПУ помогала обеспечить рациональное перераспределение ресурсов, вырабатывать и распространять новаторские подходы к вопросу фармообеспечения. Важная роль в обеспечении нуждающихся фармпрепаратами отводилась самому населению.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что в период Великой отечественной войны жители Смоленщины испытывали крайний дефицит лекарственных средств. Мирное население постоянно остро нуждалось в витаминизированных препаратах и сыворотке против инфекционных заболеваний.

ГАПУ являлось системообразующим ядром в решении вопросов регламентации и организации поставок фармпрепаратов, обеспечения аптек, решения кадровых вопросов и т.д. Анализируя эффективность работы ГАПУ, можно отметить, что в экстремальных условиях централизация

аптекоуправления была эффективна.

Однако остается ряд вопросов, требующих дополнительного изучения. Для более полного рассмотрения ситуации необходимо детально изучить довоенное состояние фармацевтической отрасли на Смоленщине. Это позволит сделать вывод о том, проистекала ли эффективность централизованного управления из собственно военных условий, или же самые задачи, решаемые ею, были актуальны и в мирное время.

Вклад автора в исследование фармацевтики Смоленщины в период Великой Отечественной войны заключается в том, что это

первое специализированное исследование по теме. В научный оборот введены архивные источники, отражающие повседневную реальность деятельности отрасли.

Благодарности. Автор выражает благодарность главному специалисту отдела использования и публикации документов Государственного архива Смоленской области Леониду Леонидовичу Степченкову, проявившему внимание к нашему исследованию и оказавшему помощь в подборе материалов, а также рецензентам, указавшим на недоработки и упущения, которые присутствовали в статье.

Список литературы

1. Бреднева Н.Д., Тоболкина В.А., Угрюмова Т.А., Чикаренко Е.И., Путинцева А.С. Медицинское снабжение Тюменской области в годы Великой Отечественной войны. Вклад в обеспечение медицинским имуществом тюменского химикофармацевтического завода // Уральский медицинский журнал. 2020 № 6 (189). С. 192 - 196.
2. Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным документам / сост. Емельянова Н. Г., Дедковой А. М., Виноградовой Е.В., Кононова В.А., Гаврилова Г.В. Смоленск: «Маджента», 2003. 151 с.
3. Гладких П.Ф. Медицинская служба красной армии в великой отечественной войне 1941–1945 гг. // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2015. № 4. С. 5 – 20.
4. Годовые отчеты и ликвидационные балансы эвакогоспиталей//ГАСО Ф Р- 3516 Оп.1 Д. 8.
5. Годовые отчеты эвакуационных госпиталей №№ 2804,3369,1756,1894, 2863 по финансовой деятельности за 1943 г./ГАСО Ф Р- 3516. Оп.1 Д. 35.
6. Комаров Д.Е. «Противник... Осуществил повсеместно глубокие прорывы...» Освобождение Смоленщины как основная часть коренного перелома в Великой отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2015 № 11. С. 27 – 32.
7. Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 368 с.
8. Купченко К.В., Никитина Н.В. Повседневность Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса в годы Великой Отечественной войны // Технологос. 2020. № 3. С. 145–155.
9. Кутепова С.М., Ларионова Л.П., Скоромец Н.М. Исторический опыт аптек Урала в годы Великой отечественной войны // Вестник Уральского государственного медицинского университета. 2015. Вып. 2-3. С. 8 – 14.
10. Медицина в годы Великой Отечественной войны: материалы IV научнотеоретической онлайн-конференции с международным участием (Курск, 18 мая 2021 г.) / сост. Т. А. Суковатых. Курск: КГМУ, 2021. С. 12 – 27.
11. Меньшагин Б.Г. Воспоминания. Письма. Документы / составление, подготовка текста и биографический очерк П. Поляна. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 823 с.
12. Мирошниченко Ю.В., С.А. Бунин, В.Н. Кононов Организация обеспечения медицинским имуществом войск Рабоче-крестьянской Красной армии во втором периоде Великой Отечественной войны (к 70-летию Сталинградской и Курской битв) // Вестник военно-медицинской академии. 2013. № 2. С. 227 – 235.
13. Мирошниченко Ю. В., В. Н. Кононов, А. Б. Перфильев, Е. О. Родионов, И. А. Лихогра. К вопросу истории развития системы комплектно-табельного оснащения медицинской службы вооруженных сил Российской Федерации // Известия российской военно-медицинской

академии. 2017. Т. 36. № 1. С. 59 – 64.

14. Переписка ГАПУ// ГАСО. Ф. Р – 2443. Оп. 1. Д. 7.

15. Планы и отчеты отдела здравоохранения Смоленского райисполкома// ГАСО Ф Р-2833 Оп. 1. Д.1.

16. Распоряжения начальника г. Смоленска. 1941 – 1943 // ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 1.

17. Семашко М. Д. Чрезвычайные условия войны как фактор влияния на развитие медицины в годы великой отечественной войны // Этих дней не смолкнет слава. Сборник материалов третьей студенческой военно-научной конференции. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2018. С. 171 – 173.

18. Сосонкина В.Ф. Формы организации управления фармацевтической службой в Беларуси, ее организационная структура на разных этапах развития (1919 – 2007 гг.) // Вестник фармации. 2008 № 3(41) С. 114 – 118.

19. Сосонкина В.Ф. Зиновий Зиновьевич Михельсон – организатор фармацевтического дела на Могилевщине и Пинщине, участник первой и второй мировых войн // Медицина на рубеже веков: к 100-летию Первой мировой войны. Минск: БГУ, 2014. С. 383 – 385.

20. Тетуев А.И. Организация медицинского обслуживания населения Кабардино-Балкарии в годы великой отечественной войны // Кавказология. 2023. №2. С. 87 – 95.

21. Хисамутдинова Р.Р., Шаповаленко Е. М Заготовка лекарственных растений Главным аптечным управлением Наркомздрава РСФСР в период Великой отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета 2017 № 1 С. 187 – 195.

22. Циркулярные распоряжения Смоленского областного отделения ГАПУ//ГАСО. Ф. Р – 2443. Оп. 1. Д. 2.

23. Штатные расписания и сметы расходов эвакуогоспиталей//ГАСО Ф Р- 3516 Оп.1 Д. 7.

ABOUT THE STATE OF PHARMACY IN THE SMOLENSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The study is devoted to the problem of supplying the Soviet rear with medicines in the period 1941-1945. Its relevance is determined by the lack of special regional studies on the problem and by referring to the experience of the USSR State Pharmacy Administration (GAPU) in modern practice of pharmaceutical organization. The author set goals for herself: to describe in detail the pharmaceutical supply of the Smolensk land during the Second World War, to answer the question about the effectiveness of the GAPA in military conditions. The article presents materials from the Smolensk State Archive, as well as data from memoir and research literature. In accordance with the type of sources used, we relied on the techniques of archival heuristics and the historical and anthropological method. The paper provides quantitative and qualitative data on the shortage of medicines and ways to overcome it. In particular, the analysis of the gel production in the Smolensk region is given, the implemented methods of economical use of medicines are described. Based on the analysis of the data obtained, the author has collected extensive official and household material on pharmaceutical provision of Smolensk land during the Nazi occupation and after the liberation of the territory by Soviet troops. Based on the collected data, the following conclusions were drawn. Pharmaceutical supplies to the population of occupied Smolensk were extremely scarce, which was caused by the system of priority supply to the German occupiers living in the city, inflation and the introduction of paid medical care. As the territory was liberated, the network of pharmacy and outpatient drug supply to the population was restored. By 1945, pre-war indicators had not been restored, but pharmacies and hospitals with medical products appeared in many regional centers, and admission became free for the population. Among the measures aimed at restoring pharmaceutical supply, the most effective were the development of gel production, pharmaceutical innovation and the organization of centralized distribution of pharmaceuticals in the GAPU system.

Keywords: pharmaceuticals, supply, Main Pharmacy Department, pharmacy, evacuation hospital, Smolensk region, occupation, Great Patriotic War.

References

1. Bredneva N.D., Tobolkina V.A., Ugryumova T.A., Chikarenko E.I., Putintseva A.S. (2020) Meditsinskoe snabgenie Tumenskoj oblasti v godi Velikoj otechestvennoj vojni. Vklad v obespechenie meditsinskim imuschestvom tumenskogo himikofarmatsevticheskogo zavoda [Medical supply of the Tyumen region during the Great Patriotic War. Contribution to the provision of medical equipment to the Tyumen chemical pharmaceutical plant.] Uralskij meditsinskij jurnal. No. 6 (189). S. 192 - 196.

2. Yemelyanova N. G., Dedkova A.M., Vinogradova E.V., Kononova V.A., Gavrilova G.V. (2003) Vse sudbi v edinuju sliti ... Po rassekrechennim dokumentam [All destinies are merged into

a single one... According to declassified documents]. Smolensk: Magenta. 151 s.

3. Gladkikh P.F. (2015) Meditsinskaja sluzhba krasnoj armii v Velikoj otechestvennoj voine 1941–1945 rr. [The medical service of the Red Army in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Medico-biologicheskie i sotsialno-psihologicheskie problemi bezopasnosti v chrezvichainih situatsiakh. No. 4. S. 5–20.

4. Godovie otchety i likvidatsionnye balansy evakogospitalej [Annual reports and liquidation balances of evacuation hospitals] / GASO F R- 3516 Op.1 d. 8.

5. Godovie otchety evakogospitalej [Annual reports of evacuation hospitals] No. 2804,3369,1756,1894, 2863 on financial activities for 1943// GASO F R- 3516 Op.1 D. 35.

6. Komarov D.E. (2015) «Protivnik ...osuschestvil povsemetno glubokie proryvy» Osvobodzenie Smolenschina kak osnovnaja chast' korenno go pereloma v Velikoj Otechestvennoj voine ["The Enemy... He made deep breakthroughs everywhere ..."] The liberation of the Smolensk region as the main part of the fundamental turning point in the Great Patriotic War]. Voenno-istoricheskij jurnal. No. 11. S. 27 – 32.

7. Komarov D.E. (2015) Smolenskaia oblast' v ognе Velikoj Otechestvennoj voine: voyna, narod, pobeda [Smolensk region in the fire of the Great Patriotic War: war, people, victory]. Smolensk: Svitokl, 368 s.

8. Kupchenko K.V., Nikitina N.V. (2020) Povsednevnost' Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K. Marksa Povsednevnost' Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K. Marksa pereloma v godi Velikoj Otechestvennoj voine [Everyday life of the Smolensk State Pedagogical Institute named after K. Marx during the Great Patriotic War]. Technologos. No. 3. S. 145–155.

9. Kutepova S.M., Larionova L.P., Skoromets N.M. (2015) Istoricheskij opyt aptek Urala v godi Velikoj Otechestvennoj voine [Historical experience of pharmacies in the Urals during the Great Patriotic War]. Vestnik Uralskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. Vip. 2-3. S. 8–14.

10. Meditsina v godi Velikoj Otechestvennoj voine: materialy IV nauchno-teoreticheskoy online konferentsii s megdunarodnim uchastiem (2021) [Medicine during the Great Patriotic War: materials of the IV scientific and theoretical online conference with international participation.](Kursk, 18 maja 2021 g.) / sost. T.A Sukovatih. Kursk: KGMU. S. 12 – 27.

11. Men'shagin B.G. (2019) Vospominania. Pisma. Dokumenty. [Memories. Letters. Documents] Sost. Polian/ Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria. 823 s.

12. Miroshnichenko Y.V., S.A. Bunin, V.N. Kononov (2013) Organizatsiya obespecheniya meditsinskim imushchestvom voisk Rabochе-krestjanskoi Krasnoi armii vo vtorom periode Velikoj otechestvennoj voine (k 70-letiu Stalingradskoj i Kurskoj Bitvy) [The organization of medical supply for the troops of the Workers' and Peasants' Red Army during the second period of the Great Patriotic War (on the occasion of the 70th anniversary of the Battle of Stalingrad and the Battle of Kursk)]// Вестник военно-медицинской академии]. № 2. S. 227 – 235.

13. Miroshnichenko U.V., Kononov V.N., Perfiljev A.B., Rodionov E.O.Lihogra I.A. (2017) K voprosu istorii razvitiya sistemi komplektno-tabelnogo osnascheniya meditsinskoj sluzhbi voorugennih sil Rossijskoj Federatsii [Memories. Letters. Documents: On the issue of the history of the development of the system of complete and standard equipment for the medical service of the armed forces of the Russian Federation.] Izvestia Rossijskoj voenno-meditsinskoj.T. 36. № 1. S. 59 – 64.

14. Korrespondentsia GAFU [Correspondence of the GAFU]. GASO. F. R – 2443. Op. 1. D. 7.

15. Plani i otchety otdela zdorooohranenia Smolenskogo [Plans and reports of the health department of the Smolensk district Executive Committee]. GASO. F. R-2833 Op. 1. D.1.

16. Rasporjajeniya nachalnika g. Smolenska. 1941 – 1943. [Orders of the head of the city of Smolensk. 1941 – 1943] GASO. F. R-2573. Op. 1. D. 1.

17. Semashko M. D. (2018) Chrezvichainie uslovija voine kak faktor vlijanija na razvitie meditsini Urala v godi Velikoj Otechestvennoj voine [Extreme conditions of war as a factor influencing the development of medicine during the Great Patriotic War]. Etih dnei ne smolknut slava. Sbornik materialov tretiej studenchesko voenno-nauchnoi konferentsii. Grodno: Grodnenskij Gosudarstvennij meditsinskij universitet. S. 171–173.

18. Sosonkina V.F. (2008) Formi organizatsii upravlenija farmatsevticheskoj slugboj v Belarusi. E`o organizatsionnaja struktura na raznih etapah razvitija (1919 – 2007 гг.) [Forms of pharmaceutical service management organization in Belarus, its organizational structure at different stages of development (1919-2007)] Vestnik Farmatsei . No. 3(41) S. 114-118.

19. Sosonkina V.F. (2014) Zinovij Zinovievich Mihelson - organizator farmatsevticheskogo dela na Mogilevschine I Pinschene , uchastnik pervoi I vtoroj mirovi voin [Zinovy Zinovievich Mihelson – organizer of pharmaceutical business in Mogilyov region and Pinsk region, participant of the first and Second World Wars] Meditsina na rubege vekov. K 100-letiu pervoi mirovi voini Minsk: BGU. S. 383 – 385.

20. Tetuev A.I. (2023) Organizatsia meditsinskogo obslugivaniya naselenija Kabardino-Balkarii v godi Velikoj Otechestvennoj voini [Organization of medical care for the population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War] // Kavkazologiya. No. 2. S. 87-95.

21. Khisamutdinova R.R., Shapovalenko E. (2017) Zagotovka lekarstvennih rastenij Glavnim aptechnim upravleniem Narkomzdrava RSFSR v perid Velikoj Otechestvennoj voini [Procurement of medicinal plants by the Main Pharmacy Department of the People's Commissariat of Health of the RSFSR during the Great Patriotic War] Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No. 1 S. 187-195.

22. Tsirkuljarnie rasporyajeniya Smolenskogo oblastnogo otdelenija GAPU [Circular orders of the Smolensk Regional Branch of the State Pedagogical University] GASO. F. R – 2443. Op. 1. D. 2.

23. Shtatnie raspisanija I smeti rashodov evakogospitalej [Staffing tables and cost estimates of evacuation hospitals] GASO F R- 3516 Op.1 D. 7.

Об авторе

Баранова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и гуманитарных наук, Смоленский государственный медицинский университет (Россия), E-mail: Olgapoyarkova@yandex.ru.

Baranova Olga Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Humanities, Smolensk State Medical University (Russia), E-mail: Olgapoyarkova@yandex.ru.

Воронин Г.Г. аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

В ПОИСКАХ ПОРЯДКА: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАДЗОРА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915)

В статье на основе комплекса архивных документов – губернаторских рапортов, ведомственной переписки, циркуляров военного ведомства и материалов Департамента полиции – анализируется процесс становления системы надзора за военнопленными на территории Российской империи в начальный период Первой мировой войны. Исследование показывает, что система надзора формировалась в условиях традиционно существовавшей раздробленности между Министерством внутренних дел и Военным ведомством, отсутствия единых стандартов и традиционной нехватки ресурсов. На местах надзорные практики варьировались в широких пределах – от относительно строгого режима до полной небрежности. В статье особое внимание уделяется конфликту компетенций между гражданской и военной властью, а также своеобразной оценке надзора – реакции населения, давлению общественного мнения. Автор приходит к выводу, что неготовность бюрократической машины к масштабам начавшейся войны, проявившаяся в «вопросе о военнопленных», была одним из признаков системного кризиса, который в конечном счете привел к крушению империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, надзор, Российская империя, губернаторы, Департамент полиции, Министерство внутренних дел, Военное министерство, гражданско-военные отношения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-23-28

Введение. Начало Первой мировой войны поставило перед Российской империей задачи беспрецедентного масштаба. В числе прочих – проблема приема, размещения и содержания сотен тысяч военнопленных армий Центральных держав, а также интернирования гражданских подданных враждебных государств, высланных из прифронтовой полосы в глубь страны. К 1917 г. на территории России насчитывалось более 400 лагерей для военнопленных, которые имели привязку к военным округам [1, с. 54], а общее число взятых в плен солдат и офицеров противника измерялось миллионами. Однако материально-технические трудности размещения и снабжения пленных, которые были вызваны отсутствием специальной предварительной подготовки, являлись лишь частью проблемы. Не менее остро стоял вопрос об организации надзора – о том, кто, как и с какой эффективностью должен был контролировать поведение многотысячных масс «вражеских подданных» в российском тылу. Ответ на этот вопрос оказался далеко не простым, поскольку бюрократическая машина мирного времени, не подготовленная к масштабам небывалой войны, продемонстрировала глубокие организационные противоречия и ведомственные конфликты. Результат проявился в

неспособности выработать единую межведомственную политику, в которую активно включились Военное министерство, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел, а также многочисленные ведомства, отвечавшие за развитие отдельных направлений экономической политики.

Объекты и методы исследования.

Тема военного плена в годы Первой мировой войны на сегодняшний день имеет достаточно обширную отечественную и зарубежную историографию. При этом некоторые важные вопросы организации пребывания пленных в местах содержания на территории России, эффективности надзора за ними в масштабе всей страны до сих пор остаются вне поля исследовательского интереса.

На заключительном этапе существования Российской империи масса военнопленных, в своем большинстве явно недружественно настроенных, являлась дестабилизирующим фактором, так или иначе влиявшим на развитие социальных, экономических, а затем и политических процессов.

Постсоветская российская историография, начало которой было положено в 1990-е гг., отказалась от предшествующей «интернационалистской» тематики, исчерпавшей себя уже в 1970-е гг. Главной особенностью

современного историографического периода явилось региональное изучение особенностей плена, продемонстрировавшее широкую его географию [2, 4, 5]. Своеобразным подведением итогов этой активной исследовательской деятельности явилась докторская диссертация Н.В. Суржиковой [8], являющейся признанным специалистом в изучении истории военнопленных Первой мировой войны, беженцев, военного плена в российской провинции. Комплексно рассмотрели военнопленных как составную часть массовых перемещений населения И.Б. Белова и О.С. Нагорная [1, 6]. Тем не менее все перечисленные работы при своих несомненных достоинствах только фрагментарно затрагивают военно-полицейский надзор, который при этом не рассматривается как единый институциональный комплекс, включавший правовую базу, структуру органов, методы работы и причины кризиса.

В статье применялись как общенаучные и специально-исторические методы, так и историко-правовой – для анализа законодательных актов и нормативных документов. Наряду с конвенциями, соглашениями и положениями, представляющими документы международного и российского права, источниковую базу исследования составили материалы организаций и ведомств, имевших непосредственное отношение к военному плену. В статье широко использовалась делопроизводственная документация Департамента полиции, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, фонд 102).

Результаты и их обсуждение. Уже в первые недели войны стало ясно, что армия не справляется с потоком пленных. В середине октября 1914 г. Главное управление Генерального штаба в ответ на запрос из другого ведомства было вынуждено признать, что «точного списка губерний, где есть военнопленные ... за трудностью предоставить не может» [3, л. 72]. То есть главный военный орган страны, не знал, где именно во внутренних губерниях находятся десятки тысяч пленных, что является показателем определенной неразберихи начального периода, поводом к предположению, что на местах пленные размещались часто стихийно в пустующих казармах, учебных заведениях, монастырях или частных домах.

Сложившаяся в условиях начала войны

ситуация с расселением военнопленных была учтена при разработке Военным министерством и утвержденном 7 (20) октября 1914 г. Николаем II «Положения о военнопленных». Пункт 56 документа гласил: «Состоящие при местных частях военнопленные размещаются в имеющихся в местах расположения частей, – по представлении последним возможных удобств размещения, – свободных казармах, за неимением же таковых, пленные размещаются в частных домах, непременно казарменным порядком, руководствуясь общими на сей предмет указаниями Устава о земских повинностях» [7, л. 7]. Определение размеров помещений, отводимых для пленных, возлагалось на губернские распределительные комитеты или заменяющие их установления.

При этом местные власти не спешили сообщать в центр о результатах своей деятельности, поскольку, очевидно, не рассчитывали на возможное получение необходимой помощи. В этой ситуации надзор за пленными неизбежно становился делом местного административного творчества.

«Положение о военнопленных», разработанное Военным министерством, базировалось на нормах Гаагской конвенции 1907 г., предписывало гуманное обращение с пленными как с «законными защитниками своего отечества» (п. 3), гарантировал свободу вероисповедания, неприкосновенность личного имущества и материальное обеспечение на уровне русских солдат и офицеров (п. 4, 5). Однако между законодательной нормой и административной практикой постоянно существовал определенный разрыв, который в некоторых пунктах достигал значительных размеров и изменялся в зависимости от общей военной и политической обстановки.

Так, «Положение», как уже отмечалось, предписывало казарменное содержание пленных под надзором военных властей, но уже в первые месяцы войны Главное управление Генерального штаба отдало распоряжение размещать пленных по деревням и селам на постой к обывателям «с передачей надзора чинам полиции и с возложением на жителей этих местностей обязанности про довольствовать пленных за кормовой оклад» [3, л. 120]. Предписание на этот счет было отправлено всем командующим войсками в округах, за исключением Московского

военного округа.

Это было дешевле и проще для военных, но прямо противоречило закону. Министерство внутренних дел дважды – 7 и 26 января 1915 г. – обращалось к военному министру с требованием либо изменить Положение через Совет министров, либо отменить ведомственный приказ о порядке размещения пленнх [3, л. 120 об.].

Однако губернаторы не могли противиться военным приказам и на местах уже начали размещать пленнх по деревням. Эта ситуация стала первым симптомом назревавшей серьезной проблемы, которая явилась следствием того, что основное заведование военнопленными осуществляло Главное управление Генерального штаба, но реальный надзор за их поведением в тылу ложился на плечи гражданской администрации и полиции, не имевших для этого ни ресурсов, ни четких полномочий.

Системы надзора, как она предстает из анализа документов 1914–1915 гг., по определению исследовательницы Н.В. Суржиковой, «характеризовалась раздробленностью и аморфностью» [9, с. 5], поскольку помимо собственно лагерей, она была представлена различными «внелагерными» структурами.

На местах действовали как минимум два центра власти, часто не координировавших свои действия: военное ведомство в лице комендантов, начальников гарнизонов и батальонных командиров отвечало за охрану, расквартирование и трудовое использование пленнх. Министерство внутренних дел в лице губернаторов и полиции отвечало за общественный порядок, пресечение контактов с населением и борьбу с «вредным влиянием» пленнх. Эта двойственность создавала ситуацию, когда губернаторы не могли гарантировать изоляцию пленнх, потому что не являлись единственными ответственными лицами. Распоряжения военных начальников могли противоречить губернаторским, и гражданская власть о них могла даже не знать.

Показательно в этом отношении донесение Харьковского губернатора министру внутренних дел, в котором он докладывал о размещении раненых австрийских и немецких военнопленнх отдельно от солдат русской армии с целью предотвращения их общения. При этом он фактически признавал свое бессилие, указывая: «Быть однако

уверенным, что приняты решительно все меры... я не могу в этих вопросах», поскольку на его территории действовали два центра власти – он сам и начальник гарнизона. «... и от него исходят распоряжения по этой части, мне зачастую неизвестные» [3, л. 44-44 об.]. Ситуация представляла собой типичный случай «двоевластия», превращавшего систему управления пленными крайне запутанной и неэффективной.

На местах надзорные практики варьировались в широких пределах, создавая в одних губерниях, где военное командование действовало энергично, режим более строгий, а в других – исключительно мягкий. Так, в Оренбурге, Калуге, Киеве пленные содержались в изоляции с караулами, им запрещалось общение с населением, зато в большинстве других регионов, например, в Акмолинской и Томской губерниях пленные пользовались значительной свободой, гуляли по городу, и лишь после вмешательства властей там стали вводиться ограничения [3, л. Л. 89 об.–90]. В Забайкалье массовое скопление более 8500 человек привело к тому, что пленнх отпускали без конвоя, а в итоге возникали столкновения с местным населением и нежелательное общение [3, л. 90 об.].

Показательной стала ситуация во Владимирской губернии, где в Иваново-Вознесенске 120 военнопленнх были размещены в частном доме, а охрану составляли всего 4 нижних чина, что было явно недостаточно для эффективного контроля. Последствия не заставили себя ждать: пленные беспрепятственно общались с населением через ограду, получая письма, газеты и съестные припасы. Пленнх офицеров посещали местные дамы, которые разговаривали с ними на польском и немецком языках, а в городе ходили слухи о кружке русских подданных, помогавших военнопленным офицерам [3, л. 41]. Владимирский губернатор честно признавал, что не может установить, оказывают ли пленные влияние на караульных, так как они фактически все время находились в одном помещении [3, л. 41].

Особую проблему представляли военнопленные, привлеченные к принудительным работам на строительстве стратегических железных дорог. Донесения из Пермской и Пензенской губерний (1915–1916 гг.) рисуют картину системных нарушений надзора, т. к. на участке железной дороги

Казань-Екатеринбург работало 690 военнопленных. Надзор был организован так, что один стражник с револьвером назначался на 100–150 человек, находившихся на двух-трех разных пунктах на протяжении 3–5 верст, что никак не могло способствовать организации эффективного надзора [3, л.142].

Пленные свободно разгуливали по окрестным деревням, попрошайничали, пьянствовали, вступали в конфликты с крестьянами. Одновременно Пензенский губернатор сигнализировал об опасности свободного перемещения пленных по полотну Сызрано-Вяземской железной дороги, по которой шло интенсивное движение поездов со снарядами, артиллерией и войсками. «Большинство пленных славяне и итальянцы, хотя имеются и немцы, но в весьма ограниченном количестве, что на мой взгляд является весьма опасным на такой воинской магистрали», – отмечал губернатор [3, л. 140].

Межведомственный конфликт выражался в том, что принимаемые на местах представителями Министерства внутренних дел решения, зачастую не получали поддержку со стороны военного начальства. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в Костроме в октябре–ноябре 1914 г. Поступавших в город раненых пришлось размещать в учебных заведениях, среди которых особое место занимало реальное училище имени первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича.

Губернатору пришлось договариваться с учебным начальством, поскольку размещение раненых в училище создавало серьезные дополнительные проблемы. Главным аргументом для выделения площадей под госпиталь выступало то, что помещения будут заняты русскими воинами-героями, а в результате там оказались военнопленные.

Губернатор обратился к директору Департамента полиции, ссылаясь на то, что произошедшее вызвало «ропот» среди населения и «волнение умов» [3, л. 65 об.], а тот в своем ответе 30 ноября 1914 г. рекомендовал потребовать «в самой категорической форме» распоряжения от командующего войсками Московского военного округа о полном освобождении костромских госпиталей от

военнопленных [3, л. 69].

К решительным действиям костромской губернатор не был готов, и военное ведомство на его просьбу ответило отказом, аргументируя свою позицию тем, что в Московском военном округе насчитывалось 92 госпиталя на 38640 коек, а из них практически половина (19268 мест) занималась военнопленными [3, л. 93]. Не помогло и вмешательство министра внутренних дел Н.А. Маклакова, который напрямую обратился в письме к военному министру В.А. Сухомлинову и просил удалить пленных из училища, имевшего дорогое для населения название [3, л. 69 об.].

Вероятно, это был первый межведомственный конфликт на почве надзора за военнопленными, участниками которого стали руководители двух министерств. В дальнейшем такая практика получила новые мотивы и имела переменный успех, но в данном случае в документе от 30 ноября 1915 г. было зафиксировано, что в Кострому были направлены 306 раненых военнопленных и из них 182 размещены в двух госпиталях, расположенных в зданиях учебных заведений [3, л. 93 об.].

Заключение (выводы). Анализ документов 1914–1915 гг. позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Система надзора за военнопленными с самого начала страдала от периодически возникавшей разнонаправленной деятельности военных и полиции. Причина заключалась в различиях стоявших перед ведомствами задач. Для военных на первом месте находилась проблема сбережения потенциала для ведения войны, а Министерство внутренних дел в первую очередь заботилось о сохранении общественного порядка. Принятое в октябре 1914 г. «Положение о военнопленных» не уделяло необходимого внимания этим обстоятельствам и не учитывало особенности современной войны.

В результате практика надзора под давлением местных условий варьировалась в широких пределах – от строгого режима в одних губерниях до отсутствия элементарного контроля и авральной нехватки охраны в других. Постепенно на одно из первых мест выходила также проблема контактов пленных с населением, их способность распространять пораженческие настроения, подрывать патриотический дух.

Список литературы

1. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО–XXI, 2014. 431 с.
2. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток, 2002. 222 с.
3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71 1914. Д. 1204. Об установлении надзора за военнопленными.
4. Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. 177 с.
5. Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М.: Кучково Поле, 2015. 304 с.
6. Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2011. № 1. С. 122–134.
7. Положение о военнопленных // Россия. Военные уставы и наставления. СПб., 1914. 9 с.
8. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОС-СПЭН, 2014. 423 с.
9. Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. № 3 (21). Т. 2. С. 5–12.

IN SEARCH OF ORDER: THE FORMATION OF THE SYSTEM OF SUPERVISION OF PRISONERS OF WAR IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1915)

Based on a set of archival documents – gubernatorial reports, departmental correspondence, circulars of the military department and materials from the Police Department, the article analyzes the process of formation of the system of supervision of prisoners of war in the territory of the Russian Empire during the initial period of the First World War. The study shows that the surveillance system was formed in conditions of the traditionally existing fragmentation between the Ministry of Internal Affairs and the Military Department, the lack of uniform standards and the traditional lack of resources. On-site surveillance practices varied widely, from relatively strict regime to complete negligence. The article pays special attention to the conflict of competencies between civil and military authorities, as well as a peculiar assessment of supervision – the reaction of the population, the pressure of public opinion. The author concludes that the unpreparedness of the bureaucratic machine for the scale of the outbreak of war, manifested in the "issue of prisoners of war", was one of the signs of a systemic crisis that ultimately led to the collapse of the empire.

Keywords: World War I, prisoners of war, supervision, Russian Empire, governors, Police Department, Ministry of Internal Affairs, Ministry of War, civil-military relations.

References

1. Belova I.B. (2014) Vynuzhdennyye migranty: bezhency i voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny v Rossii [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia]. 1914–1925 gg. M.: AIRO-XXI, 431 s.
2. Bondarenko E.Yu. (2002) Inostrannyye voennoplennyye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.) [Foreign military personnel in the Russian Far East (1914–1956)]. Vladivostok, 222 s.
3. GARF. F. 102. Op. 71 1914. D. 1204. Ob ustanovlenii nadzora za voennoplennymi [On the establishment of supervision over prisoners of war].
4. Ikonnikova T.Ya. (2004) Voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.) [Prisoners of War of the First World War in the Russian Far East (1914–1918)]. Habarovsk, 177 s.
5. Kalyakina A.V. (2015) Pod ohranoj russkogo velikodushiya. Voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922) [Protected by Russian generosity. Prisoners of war of the First World War in the Saratov Volga region (1914–1922)]. M.: Kuchkovo Pole, 304 s.
6. Nagornaya O.S. (2011) Voennyj plen Pervoj mirovoj na Vostochnom fronte: tradicii «prekrasnoj ehpoi» i tendencii «total'noj vojny» [Military Captivity in the First World War on the Eastern Front: Traditions of the Belle Époque and Trends of Total War] // Vestnik Rossijskogo un-ta druzhby narodov. Ser. «Istoriya Rossii», № 1. S. 122–134.
7. Polozhenie o voennoplennykh (1914) [Regulations on prisoners of war] // Rossiya. Voennyye

ustavy i nastavleniya. SPb., 9 s.

8. Surzhikova N.V. (2014) Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922 gg.) [Military captivity in the Russian province (1914–1922)]. M.: ROSSPEHN, 423 s.

9. Surzhikova N.V. (2014) Rossijskij plen 1914–1917 gg.: problema institucional'noj atribucii [Russian Captivity in 1914–1917: The Problem of Institutional Attribution] // Idei i idealy, № 3 (21). T. 2. S. 5–12.

Об авторе

Воронин Григорий Григорьевич – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета. E-mail: georg2_v@mail.ru

Voronin Gregory Grigorievich – Postgraduate student of the Department of Russian History of Bryansk state university. E-mail: georg2_v@mail.ru

Иванцов И.Г., доктор исторических наук, доцент, Военная академия защиты информации (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В СССР В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР)

Статья посвящена становлению и деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур в первые, очень сложные годы его существования. В 1912 году, при Кубанской войсковой сельскохозяйственной школе, в Екатеринодаре было организовано опытно-селекционное поле «Круглик». Во многом, оно появилось по инициативе преподавателя этой школы, В.С. Пустовойта. В 1925 году опытно-селекционное поле было преобразовано сначала в «Селекционную опытную станцию «Круглик», затем, в 1930 году – в Зональную опытную станцию по масличным культурам «Круглик». В 1932 году на ее базе, в Краснодаре был открыт Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур, имевший всесоюзный статус, в подчинение ему передавались семь Зональных опытных станций (ЗОС) по всему СССР. Вновь организованный институт ВНИИМК находился под научным руководством Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) и под хозяйственным патронажем Треста ТМЭК (Всесоюзный государственный трест совхозов по производству и переработке масличных и эфиромасличных культур Наркомзема СССР). В статье упор сделан, помимо прочего, на освещение одной из важнейших сторон в работе института, а именно на подготовку научных кадров высшей квалификации в «институте аспирантуры» (очном и заочном), трудностям и проблемам, неизбежно сопровождавшим процесс его поступательного развития, результатам подготовки.

Ключевые слова: Аспирантура, ВНИИМК, достижения, Кубань, партийный комитет ВКП (б), сельскохозяйственная наука, трудности.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-29-39

Введение. Основным объектом исследования является учебная и частично научная деятельность Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур (ВНИИМК). Под учебной деятельностью института в статье подразумевается подготовка научных специалистов высшей квалификации, которые учились в аспирантуре по очной и заочной формам обучения.

Цель статьи, более подробно изучить малоизвестные страницы жизни ВНИИМК, в период 1931-1935 гг., на основе ранее не публиковавшихся документов из архивного фонда Центра документации новейшей истории Краснодарского края (Краснодар). Именно в этот период закладывались основы научно-исследовательской деятельности, которые своим трудом создавали все работники института, формировался его научный потенциал.

Этот период также стал начальным в процессе зарождения отечественной высшей научной школы селекционеров, когда в стенах института стали появляться талантливые научные кадры, в дальнейшем ставшие гордостью советской селекционной и в целом сельскохозяйственной науки.

Источником для написания статьи послужили не публиковавшиеся ранее архивные документы фронда 1527 «Первичная организация ВКП (б) Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур им. В.С. Пустовойта, Прикубанский район, город Краснодар». 1928-1989 гг. Документы хранятся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Они представляют собою себя протоколы заседаний ячейки, затем парторганизации и бюро партийного коллектива ВКП (б) Масличной Зональной станции «Круглик», затем Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур, некоторые протоколы собраний коммунистов-аспирантов института за период 1931-1935 гг.

Сохранившиеся документы информативны, помогают осветить деятельность высшей научной школы Кубани, помочь понять, как зарождалась и укреплялась система подготовки научных кадров высшей квалификации, несмотря на определенную скудость источников.

Приведенные в данной работе сведения имеют существенный недостаток, там, в большинстве случаев упоминаются только

фамилии участников событий, без имен и отчеств, либо их инициалов. Те персоналии, чьи имена и фамилии, либо инициалы были выявлены, в статье приводятся полностью.

Историография ранней истории ВНИИМК в основном представлена статьями, опубликованными в связи с юбилейными датами института [6, 7].

Краткие сведения об институте можно получить из статьи коллектива авторов, посвященной истории пищевых институтов и НИИ в России [13].

Некоторые сведения об институте в 1920-1930-е гг. можно почерпнуть в литературе, носящей мемуарный характер [1], а также в биографических изданиях, посвященных знаменитым ученым-селекционерам, чьи имена и деятельность так или иначе были связаны с ранней историей ВНИИМК [2, 3, 5].

Результаты и их обсуждение. 16 сентября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление Президиума ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах». В 5 пункте постановления говорилось «О подготовке научных кадров и высококвалифицированных специалистов». Предлагалось организовать и проводить комплектование аспирантуры только из числа успешно окончивших высшие учебные заведения и по предоставлению кафедр и советов вузов и втузов. Для каждого аспиранта устанавливались систематические научные задания, чтобы уже к 1933 г. каждый имел индивидуальный учебно-производственный план работы. Вводилась обязательная сдача зачетов, а перед окончанием аспирантуры – защита научной диссертации. Запрещалась их мобилизация на различные хозяйственные и общественно-политические кампании, снятие с научной работы.

Увеличивались до 500 рублей в год ассигнования на теоретическое обучение каждого аспиранта. Срок учебы устанавливался в пределах от 2 до 3-х лет в зависимости от специальности.

Первый набор в аспирантуру Зонально-масляной станции «Круглик» состоялся в 1931 году. В протоколе собрания ячейки ВКП (б) «Круглик» от 15.12. 1931 г. отмечено, что при организации института аспирантуры, бюро ячейки ВКП (б) ничего не делало. Комплектованием работников аспирантуры не занималось [8, л. 26]. Набранные аспиранты

сразу же стали нести большую общественную нагрузку. Так, для ускорения издания лучших трудов прошлых лет было предложено использовать институт аспирантуры в деле общественного просмотра (рецензирования) научных трудов станции. Парторганизация настаивала на ускоренном и массовом приеме в ВЛКСМ и ВКП (б) аспирантов, привлечении их к общественной работе [8, л. 27-28]. Но уже на заседании партбюро от 29.12. 1931 г. отмечалась ненормальность использования только поступивших аспирантов первого года обучения в качестве преподавателей, ввиду имеющихся директив об использовании их в качестве преподавателей только на втором году их обучения [8, л. 72].

Тем временем на базе Масличной Зональной станции «Круглик» в Краснодаре, 27 января 1932 года был открыт Всесоюзный Научно-исследовательский институт масличных культур.

24 января 1932 года, в преддверии открытия на заседании ячейки станции «Круглик» присутствовали члены бюро: Казаков, Шарган, Юревиц, Маснюк, Степанов и актив 20 человек. Основным был доклад «Об организации Научно – исследовательского института».

Информационный доклад тов. Норбекова: Состоялось постановление Народного комиссариата земледелия (НКЗ) об организации Научно-Исследовательского Института Масличных Культур на базе Масличной Зональной станции «Круглик». В помощь институту должны были работать 7 зональных масличных станций (ЗОС), что обязывает организуемый институт быть на голову выше этих станций и стать ведущим научным центром СССР по масличным культурам.

В научном руководстве институт подлежал Сельскохозяйственной Академии им. Ленина, в хозяйственном Тресту ТМЭК (Всесоюзный государственный трест совхозов по производству и переработке масличных и эфиромасличных культур Наркомзема СССР).

Двойное руководство института гарантировало контакт между практикой и теорией. Институт должен был так наладить работу, чтобы в кратчайший срок дать научный эффект в работе и передать свои достижения производству.

Институт должен был иметь учебно-опытный совхоз для целей и задач, поставленных институтом. Ему переподчинялись все 7

Зональных Масличных станций СССР: Воронежская, Всеукраинская (около г. Кировограда), Юго-Восточная (около г. Сталинграда), Западно-Сибирская (г. Барнаул), Средне-Азиатская (г. Ташкент), Закавказская (г. Закаталы, Азербайджан), Московская (с. Гаврилово Луховетского района Московской области).

В первый год своей работы институт направлял свои усилия на разрешение вопросов агротехники, во вторую очередь селекции, затем на борьбу с болезнями и вредителями масличных культур. Для решения поставленных задач были нужны кадры, которые институт должен был получить от института аспирантуры, на котором и лежала за это ответственность – дать эти кадры. Необходимо было усилить работу по переквалификации имеющихся кадров, заняться выдвижением снизу. Институт планировал в научно-исследовательской работе занять (по значимости) первое место по масличным культурам в СССР.

Поэтому открытие института проводилось с участием широких трудящихся масс, по следующему плану:

1. Открытие Научно – Исследовательского института было проведено в городе Краснодаре, 27 января 1932 года.

2. Дирекция оповестила общественность Краснодара об открытии института, вручив пригласительные билеты для участников открытия.

3. Не позже 26 января были оповещены рабочие города Краснодара об открытии института.

4. Партийной части редколлегии стенгазеты института предлагалось популяризовать открытие института. Поручить приехавшей комиссии и дирекции сообщить в газету «Красное Знамя» об открытии института.

5. Для организации открытия выделялась комиссия в составе: Виноградова, от дирекции Юревица, от ячейки и рабочего комитета Маснюка, от аспирантуры Романюка Г.Т., от редколлегии Огурцова, от ИТС Покудина и от Курсов Директоров – Полунова. Союз и руководство мероприятия поручалось тов. Юревцу [9, л. 35-36].

Уже первый год работы института аспирантуры в составе вновь организованного ВНИИМК выявил и достижения, и существенные недостатки в его учебной деятельности, которые требовали их скорого исправления.

В резолюции по докладу зав. Учебной

частью ВНИИМК перед парторганизацией от 26.10. 1932 г., озвучивались успех аспирантуры института за год.

Заслушав доклад учебной части института о состоянии подготовки аспирантов в связи с постановлением ЦИК СССР от 19.09. 1932 г., заседание партбюро отмечало, что в результате общих усилий Дирекции, аспирантов и парторганизации в целом, направленных на улучшение постановки учебы и на изжитие недостатков, имелись следующие достижения:

1. Окончательно был изжит ранее имевший место «бригадно-лабораторный метод», как не соответствовавший требованиям и не обеспечивавший высокую подготовку кадров. В аспирантуре была введена лекционная система преподавания и дача индивидуальных заданий по текущим предметам.

2. Были составлены программы по всем проходимым аспирантами дисциплинам (математика, коллоидная физика, химия, агрохимия, селекция и генетика, цитология и т.д.).

3. Несмотря на оргтрудности, было составлено расписание занятий.

4. Был подобран профессорско-преподавательский персонал, как по проходимым дисциплинам, так и по курсу «агротехники масличных культур», что до последнего времени являлось наиболее узким и трудным местом.

5. Была введена зачетная система, налажен учет успеваемости и посещаемости, ликвидирована обезличка в подготовке аспирантов.

6. Было организовано методическое бюро, в задачу которого входила борьба за плановость и системность в учебе, проработка программ, диссертационных тем, подведение итогов и качественное улучшение учета успеваемости аспирантов и т.п.

7. Все большее место занимала постановка подготовки, хотя имелся и ряд недостатков, требовавших немедленного их изжития: Отсутствие специального оборудования по профилям аудиторий при институте, необходимого для лабораторных работ аспирантов. Библиотека не приспособлена для удовлетворения минимальных запросов аспирантов (частичных), по некоторым дисциплинам полное отсутствие учебной литературы [9, л. 114].

Здесь необходимо разъяснить, что такое «бригадно-лабораторный метод». Это одна из форм обучения, применявшаяся в СССР, в начале 1930-х гг. Студенты, аспиранты объединялись в бригады (бригадир назначался из

их среды) и самостоятельно работали по планам, предоставленным им руководством на определенный срок. О результатах отчитывались назначенному преподавателю.

Наблюдались и оторванность аспирантов от текущей производственной практической работы, особенно по сектору Агротехники, что упиралось в плановую организацию времени и являлось результатом слабого участия в этом деле как учебной части секторов, так и самих аспирантов.

Организационное методбюро (МБ) не развернуло своей работы, а Совет научных работников (СНР) и Инженерно-технический совет (ИТС) не выделили своих представителей. Не проявили достаточной активности в деле помощи по подбору профессорско-преподавательского персонала, помещений, литературы и вообще слабо участвовали в работе по подготовке кадров.

Отсутствовало всякое руководство со стороны сектора кадров ВАСХНИЛ.

Придавая важное значение обеспечению аспирантов глубокими знаниями научных основ современной техники, знания систем советского хозяйства и его планирования, практического знакомства с постановкой специализированных производств в условиях передовой техники, партбюро постановило:

Поручить партийной части дирекции организовать для каждого профиля специально оборудованные аудитории для ведения теоретических занятий и самостоятельных теоретических работ аспирантами.

Укомплектовать библиотеку необходимой учебной литературой, оказать содействие аспирантам в приобретении личной литературы и пособий.

Составить по секторам (селекции, агротехники, удобрений, агрохимии и др.) планы практической работы аспирантов, увязав их со временем, отведенным на прохождение теоретического курса, ни в коем случае не допуская перегрузки и понижения качества подготовки. Наладить учет практической работы аспирантов в научных секторах.

Обязать аспирантов немедленно включиться в практическую работу секторов, как только будут разработаны вышеуказанные планы.

Развернуть по-деловому работу МБ (методическое бюро) с тем, чтобы все встречающиеся недочеты изживались немедленно.

Добиться в кратчайшие сроки доработки диссертационных тем и обязать аспирантов приступить к их реализации.

Проработать в МБ вопрос о практике педагогической работы аспирантов, уточнить вопрос о составе квалификационной комиссии и о ее положении.

Сообщить в президиум ВАСХНИЛ об отсутствии руководства со стороны сектора кадров ВАСХНИЛ.

Принять к сведению заявление тов. Семенченко, что им будет оказана всемерная материальная помощь остро нуждающимся аспирантам в улучшении их социально-бытовых условий, обеспечивающим нормальную учебу [9, л. 115].

Предложить фракции рабочкома немедленно выделить представителей от методбюро, от СНР и ИТС, а также их активности в деле подыскания профессорско-преподавательского состава, помещений, учебной литературы и др.

Отмечая отсутствие социалистических методов труда среди аспирантов и преподавателей, предложить парторгу и всем коммунистам-аспирантам перестроить учебу на основе социалистического соревнования и ударничества, вовлечения в эту работу беспартийных аспирантов и преподавателей.

Проверить к 15.11. 1932 г. выполнение данного постановления [9, л. 116].

Несмотря на запреты, аспиранты, помимо собственно научной работы, по-прежнему привлекались к разного рода общественным работам и внеучебным «нагрузкам». Не вполне был обустроен их гражданский быт. Было много вопросов к организации их учебных занятий и самого учебного процесса в аспирантуре. Плохо был налажен процесс прохождения научно-производственных практик аспирантами в ЗОС.

Протокол общего собрания членов ВКП (б) аспирантов ВНИИМК от 8.11. 1932 г. Присутствовало 11 человек. Общее собрание выступило в поддержку запрета снятия аспирантов с учебы для проведения сельскохозяйственных кампаний и на другие работы.

Собрание пришло к выводу, что аспиранты в бытовом отношении были не обеспечены. Твердого учебного расписания у них не было. Институт не имел оборудования и соответствующих лабораторий для научно-исследовательской работы аспирантов [9, л. 24-24 об].

Собственно, по перечисленным выше причинам у некоторых аспирантов наблюдалось стремление отчислиться из аспирантуры, и из института в целом на практическую работу, на производство.

Из протокола заседания бюро ячейки ВКП (б) ВНИИМК от 27.12. 1932 г. Заседанием был заслушан доклад и вынесен ряд постановлений по научной работе.

Слушали: Рассмотрение проблемно-тематического плана указывало, что темы были рассмотрены, но не апробированы общественными организациями, была путаница в их номенклатуре. Слабым было руководство института зональными станциями, они были не укомплектованы специалистами. Некоторые станции занимались не тем, чем надо. На некоторых станциях в коллективах отмечались склоки (Барнаул, Воронеж). Необходимо было разработать Положение о ЗОС и секторах института. Его отсутствие создавало путаницу в работе. Сектора института мало уделяли внимания периферии. В их работе не было плановости. Следовало пересмотреть структуру института и некоторые сектора слить, создать бригаду по просмотру плана и его уточнения.

В секторах единая методика и постановка опытов отсутствовала. В проведении комплексных тем существовал разнобой. Денежные средства по станциям распределялись институтом, переноса проведения опытов на производство не было. Все научные темы разрабатывались и закладывались в планы при институте, при этом не учитывалось мнение ЗОС.

Отмечалось, что научной работой методического бюро ВНИИМК не занимается. Работа методсовета должна была проводиться регулярно, а этого не было. В части финансирования институт должен был часть средств передавать станциям. Необходимо было создать лабораторию для проведения анализов. Сектор зональный должен был обслуживать Северный Кавказ. Необходимо было создать бригаду для разработки структуры института. Почти каждый сектор имел свою канцелярию, что нужно было изжить. Зональные станции самостоятельно нанимали работников в обход института. Агрохимическая лаборатория института должна была быть реорганизована. Не было конкретного положения об институте, его секторах и

зональных станциях, это стопорило работу [9, л. 124]. Комиссия должна была пересмотреть план работ и часть тем перевести на производство. Институт выделил много средств себе, не учитывая потребности зональных станций.

Постановили провести следующие мероприятия: Разработать и утвердить положение о ЗОС (зональных станциях) и Секторах ВНИИМК, разработать единую методику работ ЗОС и Секторов. Для улучшения координации и руководства на ЗОС на период работ предлагалось командировать сотрудников ВНИИМК.

Необходимо было спланировать работу так, чтобы поручаемые ЗОС работы были тесно связаны с районом ЗОС, а вся работа в целом разрешала проблемы социалистического строительства в СССР в целом.

Предлагалось пересмотреть структуру института, слить сектора, как например сектор организации и экономики с сектором планирования, БРИЗ (Бюро по рационализации и изобретательству) с Техпропом, создать единую химическую лабораторию.

Подработать вопрос о ЗОС с целью ее нагрузки и разгрузки секторов, а также для охвата всей ЗОС, а не только ее районных опорных пунктов.

Поручить партийной части дирекции обязать заведующих секторами и всех научных сотрудников включаться в разработку вышеуказанных вопросов.

Для оказания помощи партчасти (членов партии) дирекции и политического обеспечения вышеуказанных мероприятий создать комиссию для решения вопросов:

1. Уточнения, просмотра и проработки проблемно-тематического плана, вопросов руководства ЗОС и методики работ – тов. Юревиц, Барковский, Прокудин.

2. Структура и положение о ВНИИМК – тов. Огурцов, Комаров, Воронин.

3. Финансирование, штаты и номенклатура должностей – тов. Лаптев, Семенченко [8, л. 124 об].

Конечно, организационные трудности и проблемы возникали и быстро себя проявляли в ходе практической работы института. Так, к началу 1933 года произошло резкое и во многом неоправданное сокращение штатов по институту, что усилило организационную неразбериху. В тоже время объем задач поставленных перед институтом только увеличивался, а финансирование нет, что привело к

излишнему перенапряжению в работе. К этому привело исполнение рекомендаций Сельскохозяйственной Академией им. Ленина по сокращению штатов ВНИИМК. Которое, по иронии судьбы как раз и было обусловлено заботой об оптимизации расходов института. Были сокращены и выделяемые средства на проведение научно-исследовательских работ.

На заседания Бюро партийной ячейки от 15.01. 1933 г., были озвучены сведения о численности работников ВНИИМК.

Всего штат ВНИИМК до начала 1933 г. составлял 258 человек. В начале 1933 г. произошло сокращение штатов на 90 человек, было оставлено 168 человек штатных работников и 6 штатных единиц совместителей, приглашенных высококвалифицированных специалистов. Такая штатная структура была рекомендована институту Сельскохозяйственной Академией им. Ленина.

Несмотря на сокращение штатов, бюро партийной ячейки рекомендовало дирекции института организовать, помимо очной, еще и заочную аспирантуру в количестве до 50 человек. Руководителем аспирантуры был назначен тов. Борковский [9, л. 19-20].

20.01. 1933 г., на заседании бюро ячейки ВКП (б) ВНИИМК был заслушан доклад директора, тов. Семенченко: «О положении ВНИИМК и его сети (ЗОС, станции) в связи с сокращением средств для научно-исследовательской работы в 1933 г.».

Постановили: Принять к сведению заявление т. Семенченко, что сокращение средств и штатов в 1933 г., ставит ряд мер по изысканию средств для проведения научно-исследовательской работы на местных средствах краевых и областных организаций

Выделить в распоряжение дирекции института для командировок на ЗОС следующих товарищей:

1. Романюк Г.Т. – Украинская ЗОС.
2. Рыжиков Е.Ф. – ЦЧО – ЗОС.
3. Бригада в составе Покудина и Огурцова на Западно-Сибирскую и Средне-Азиатскую ЗОС.

Поручить им добиться от местных организаций отпуска соответствующих средств для осуществления проблемно-тематических планов на 1933 год, представить перед соответствующими парторганизациями и советским учреждениями.

Обозначить значение и задачи ЗОС в

1933 году, в связи с выполнением ими проблемно-тематических планов и сохранением средств, отпускаемых ВАСХНИЛ.

Уточнить штаты ЗОС и проблемно-тематических планов в соответствии с требованиями сельскохозяйственного производства и наличием средств на 1933 год.

Провести соответствующую массовую работу среди сотрудников ЗОС, мобилизовав последних на своевременное и полное выполнение планов в 1933 году.

Укрепить руководство и связь ЗОС с ВНИИМК, добиться в местных парторганизациях укрепления партийными кадрами руководящего состава ЗОС.

Представить в институт данные о проведенной ЗОС работе за 1932 год и готовности их к работам в 1933 году.

Поручить директору института, тов. Семенченко и секретарю бюро тов. Романюку согласовать данное решение с РК ВКП (б) г. Краснодара.

Поскольку финансового обеспечения нехватало, с целью рационализации работы и сокращения расходов на содержание ЗОС, были приняты решения о ликвидации некоторых из них.

На том же заседании бюро ячейки ВКП (б) ВНИИМК 20.01. 1933 г., постановило: Принять к сведению заявление директора Семенченко, что существующая станция по заразилах (Ростов-на-Дону), проводила работу в несоответствии с ее целевыми задачами. Т.е. Заразиховая станция в большинстве проводила работу аналогичную работе института, дублировала работы ВНИИМК и ЗОС по заразилах.

Бюро считало нецелесообразным существование внезональной заразиховой станции, поручить дирекции возбудить ходатайство перед ВАСХНИЛом и краевыми учреждениями (Крайзу, Институту Сои, Институт Реконструкции) в ликвидации указанной станции [10, л. 22]. С обязательным оставлением за институтом всего оборудования станции, материальных ценностей и кадров [10, л. 22 об].

Работа института аспирантуры вызывала много вопросов у проверяющих инстанций, и не только во ВНИИМК. Были некие общие характерные недостатки. «Как следует из материалов заседания бюро партколлектива Всесоюзного института маслосемянно-маргариновой промышленности (ВИМП), в работе аспирантуры порядка не было. В начале 1932 г.,

институт обследовала спецкомиссия горкома ВКП (б) г. Краснодара. Комиссия выявила следующее: Состав аспирантов в ВИММП в количественном и качественном отношении был совершенно неудовлетворителен. На 840 студентов вуза приходилось всего 9 аспирантов, из которых 8 человек было служащими. Учебные планы и методика работы с аспирантами для подготовки полностью разработаны и утверждены не были...» [4, с. 172].

Из доклада о состоянии подготовки аспирантуры и успеваемости коммунистов, на заседании парторганизации ВНИИМК от 14 апреля 1934 года.

Директор института тов. Семенченко в своем докладе указал, что Академией по ВНИИМК была утверждена аспирантура (очная) в количестве 8 человек по профилям агротехника и селекция. На момент доклада было 5 человек, один болен около 3-х месяцев, а двое вновь принятых, хотя и были утверждены ВАСХНИЛ, но на учебу не прибыли (Щербак и Воронин), т.к. их не отпускали с места работы, несмотря на неоднократные ходатайства института. По выполнению учебного плана: были аспиранты с одним не сданным зачетом, были 50 % и 80 %, не выполнивших плана. Новый набор, 2 человека, еще совсем не занимались. Новый набор недавно был принят и только приступил к работе. Качество учебы по сданным зачетам было хорошее, но по количеству – неважное. Это связано с тем, что некоторые товарищи возвратились после их мобилизации (для участия вхозполиткампаниях) через год, т.е. в феврале 1934 г. Для аспирантов старого набора срок окончания был установлен Академией (ВАСХНИЛ) – 1.07. 1934 г. Но некоторые из них к этому сроку не успевали. Об аспирантах, сильно отставших и недавно возвратившихся из деревни, был поставлен вопрос о зачислении их в новый набор.

В отношении бытовых трудностей директор ВНИИМК обещал аспирантам, что будут применяться методы дифференцированной стипендии, а также будет оказываться другая материальная помощь.

Прения: тов. Рыжиков: На сегодняшний день мы не имеем ни индивидуальных планов, ни твердо закрепленных руководителей и тем. Переходящая группа научно-исследовательской работы по ряду причин не велась, а на нее, по новым установкам падает 52 %

общего времени. И если необходимое время для этой работы дано не будет, нужно будет дать потребное количество часов для выполнения индивидуальных планов.

Моиссеев: Порученное мне и тов. Шутко составление индивидуального плана мне лично дается тяжело, т.к. я еще не был аспирантом и составить его – дело очень трудное. К тому же это противоречит установкам ВАСХНИЛ. У нас в секторе нет точного понятия профиля агротехники и его связи с механизацией. Я лично усматриваю, что здесь существует разрыв. Необходимо установить определенное понятие и единое мнение.

Лозенко: Мы все время отмахивались от подготовки аспирантов. Механизация для занятий не нужна. Расписание для занятий не нужно, это не школярничество. Руководитель по агротехнике обязан давать аспирантам ответы и руководство по всем вопросам и наука, даже и смежным.

Шутко А.С.: Я поручил аспирантам составление индивидуальных планов и об этом с ними договорился. Аспиранты часто загружены не свойственной им работой, подчас не проявляют инициативы, отмахиваются от поручений [11, л. 47].

Захаров С.А. (профессор): Аспиранты, конечно, должны сами проявлять инициативу (хотя я мало знаю наших аспирантов), их руководители должны оказать им всемерную помощь и указания. В отношении срока окончания к 1.07. 1934 года, т.е. через 2, 2 с половиной месяца – это не реально.

Шевченко: Мы часто слышим о разрыве механизации с агротехникой, но в чем суть – малопонятно. Необходимо в это дело внести ясность. Второе, нужно подработать методику работы аспирантов, чтобы люди занимались своим делом.

Жуков: Возражаю против некоторых выступлений, пытающихся освободить аспирантов от общественной работы. Мы этого допустить не можем. Но продумано подходим к этому делу и даем такую нагрузку, чтобы она помогала аспиранту в его работе и дополняла его учебу, она помогает выявить лицо аспиранта, его способности. Выступление т. Моисеева в вопросе механизации, ее взаимоотношении с агротехникой внесло путаницу в непродуманной и неясной терминологии. Руководство и руководители не справляются с подготовкой аспирантов, мало

заботится об учебном годе и его упорядоченности. Необходимо уточнить сроки подготовки аспирантов. Все дисциплины должны быть строго оговорены сроками их прохождения по календарному плану.

Индивидуальные планы должны составляться не аспирантами, а их руководителями, ведущие дисциплины нужно согласовывать со смежными. Аспиранты могут высказать свои соображения, но дело руководителей, принять эти соображения или нет. Нужно больше четкости и ответственности в отношении подготовки аспирантов. Необходимо разработать шкалу успеваемости для повышения качества оценки в подготовке аспирантов. Научно-исследовательская работа должна быть построена так, чтобы аспирант и широко, и глубоко освоил методику.

Заключительное слово директора института, тов. Семенченко:

Нужно признать, что организационная работа в подготовке аспирантов поставлена неудовлетворительно. Считаю указания Парткома правильными, мы их должны исправить немедленно. Попытки перехода на другие специальности мы должны ликвидировать. Доверие партии в деле подготовки аспирантов мы будем оправдывать на деле. Общественная работа должна быть в меру, а не в ущерб учебе – и она обязательна. Нужно планомерно готовить аспирантов, строго учитывать их работу и время.

Постановили: Отметить, что подготовка аспирантов далеко не соответствует задачам, поставленным Всесоюзным совещанием по сельскому хозяйству – аспирантуре при ВАСХНИЛ (октябрь 1933 г.) и указаниями «Правды» от 27.11. 1933 года. До сих пор не составлены индивидуальные планы как для вновь принятых, так и для переходящей группы аспирантов. Диссертационные темы еще не оформлены и не закреплены за аспирантами. Отсутствует конкретное руководство аспирантов научной частью института. Недостаточно четко установлена оценка качества работ аспирантов и т.д.

Предложить тов. Семенченко усилить конкретное руководство подготовкой аспирантов со стороны руководителей. Поручить ему пересмотреть состав аспирантов и не подающих надежду освободить от аспирантуры [11, л. 48].

Одной из основных, а может и главной

причиной неисполнения аспирантами планов и задач по обучению именно в 1933 году, была продолжительная мобилизация аспирантов ВНИИМК партийными организациями на работу на селе. Они активно участвовали в продовольственных заготовках, преодолении последствий продовольственных затруднений и голода на селе и другой работой, важной, но не связанной с их учебной подготовкой [11, л. 48 об].

Не обошли институт аспирантуры и политические баталии, набравшие обороты в стране. Так, на заседании парткома ВНИИМК от 3.03. 1935 г., был поставлен вопрос о контрреволюционной вылазке научного сотрудника сектора Агропочвоведения, аспиранта института – Огнева В.А.

Он при свидетелях заявлял, что коммунисты-аспиранты изучают учение Карла Маркса, а делом не занимаются. Партсобрание оценило это, как очередную контрреволюционную вылазку классово-чуждого элемента, направленную против марксистско-ленинского учения и как издевательство над именем вождя мирового пролетариата и основоположника пролетарского учения. Партком ВНИИМК предложил партийной части дирекции исключить Огнева В.А. из института и аспирантуры.

В институте с большой задержкой публиковались научные работы и статьи сотрудников и аспирантов. Проблема стала темой заседания парткома ВКП (б) ВНИИМК от 1.06. 1935 г. Присутствовали: Севастьянов, Семенченко, Максимчук, Филатов, Авдюшенко.

По результатам было принято следующее: «О печати». Постановили: План, утвержденный Ученым Советом по изданию брошюр, листовок и сборника, со стороны научных работников не выполняется. Группа научного обслуживания с молодыми авторами работала недостаточно. Три сборника были отпечатаны и лежали в типографии на протяжении 8 месяцев.

Партийный комитет ВНИИМК обязал партийную часть дирекции института к 20.06. 1935 г., выкупить литературу в Краснодарской и Ростовской типографиях. Поручил т. Севастьянову разработать план работ с молодыми авторами и предоставить на утверждение к очередному парткому, оформить технического редактора и порядок прохождения рукописей через редактора. Завсекторами Селекции и

Агрохимии предписывалось выполнить календарный план печати, а т. Севастьянову, как секретарю парткома института, лично проверить выполнение [12, л. 41].

Таким образом, была целая совокупность причин, которые и привели к невыполнению плана публикаций научных работ. Здесь была и недостаточная работа рецензентов, ответственных за печать научных работ, их малочисленность и загруженность другими обязанностями. Немаловажную, если не основную роль, здесь сыграло и отсутствие средств на оплату работы типографий, на которую не были вовремя запланированы расходы, иные причины.

На заседании парткома ВНИИМК от 22.08.1935 г. подводились результаты работы аспирантуры за последние 4 года. На заседании, в частности, обсуждались характеристики научных работников (аспирантов) на предмет допуска к защите диссертаций, присвоения им ученых званий и степеней. Всего были обсуждены 35 характеристик и по ним приняты решения. Трех аспирантов партком рекомендовал сразу к защите докторской диссертации, минуя кандидатскую [12, л. 44-46].

Слушали. Характеристика - Пустовойт В.С. Постановили: Добавить – на степень доктора агрономических наук, с публичной защитой диссертации, марксистско-ленинской методологией владеет слабо. В остальном характеристику принять. Поручить директору Семенченко проверить его фактическую работу по селекции и семеноводству в период с 1920 по 1930 год [12, л. 45].

Слушали. Характеристика – Жданова Л.А. Постановили. Дополнить – и степени доктора агрономических наук с защитой диссертации [12, л. 45].

Слушали. Характеристика – Рушковского С.В. Постановили. Добавить – и степени доктора с защитой диссертации [12, л. 46].

В будущем все они стали известнейшими в своей области учеными-селекционерами, гордостью советской науки.

Всего были утверждены характеристики 29 аспирантам. Шестерым характеристики на допуск к защите и присвоению ученых степеней кандидата наук утверждены не были. В основном по причине не ведения ими научно-исследовательских работ и как не имеющих доказанных научных трудов и изобретений.

К сожалению, в протоколе не

упоминается, по какой форме обучения они учились – очной или заочной.

Заключение (выводы). На партийных собраниях коммунисты-аспиранты отмечали немалые трудности в своей учебе. Это и постоянные партийные и общественные нагрузки, и сложные условия быта, трудности с материальным и продовольственным обеспечением. Много вопросов было и к процессу обучения, становления молодых ученых – будущих селекционеров, исследователей. Здесь необходимо учесть, что первая половина 1930-х гг. вообще была очень сложным периодом в жизни страны. Спешность решения кадровой проблемы, характерная для всей страны в первой половине 1930-х гг., отразилась и на деятельности ВНИИМК, который был вынужден как-то выполнять спущенные сверху директивы, иных вариантов у него не было. Усложнялись формы и методы научных исследований аспирантов. Наряду с этим аспиранты выполняли в НИИ самые разные функции, в том числе и преподавательские. Но в ходе своей работы они получали опыт научной и исследовательской работы, полезные знания. Деятельность ВНИИМК была неразрывно связана с набиравшими скорость процессами социалистической модернизации страны. В стране усиленно создавалась и развивалась мощная сельскохозяйственная и промышленная пищевая базы, которые были предназначены и могли гарантировать продовольственную безопасность СССР.

Конечно, деятельность института аспирантуры ВНИИМК в первой половине 1930-х гг., по существу является малозаметным сюжетом жизни института, в глазах общественности, которая ждала прорывных научных открытий и решений. И, тем не менее, он гордится своими выпускниками, которые обрели мировую славу на своем поприще. Учеными – сотрудниками института, и всего совокупного научного сообщества Кубани был создан мощный научный и производственный потенциал, выполнивший поставленные перед ним задачи по развитию пищевых производств и обретению СССР прочной системы продовольственной безопасности, опиравшейся на высокоотоварное сельскохозяйственное продовольственное производство в совокупности с мощной перерабатывающей и пищевой промышленностью.

История деятельности ВНИИМК продолжается уже 114 лет. «В институте и подчиненных ему структурных единицах трудится 1439 человек, в сфере науки – 431 человек, из них 102 научных сотрудника, в том числе два академика РАН, два члена-корреспондента РАН, 18 докторов и 66 кандидатов наук» [6, с. 98]. Все эти годы ВНИИМК является

крупнейшей кузницей кадров высшей квалификации для сельского хозяйства России. Институт по-прежнему в своем составе имеет аспирантуру, выпускающую специалистов сельского хозяйства по профилям: агрохимия, защита растений, общее земледелие, растениеводство, селекция и семеноводство сельскохозяйственных растений.

Список литературы

1. Воспоминания о Василии Степановиче Пустовойте: посвящается 120-летию со дня рождения / В.М. Лукомец, Н.И. Бочкарев, А.Б. Дьяков [и др.]. – Издание второе, дополненное. – Краснодар: ВНИИМК, 2006. – 191 с.
2. Горбаченко, Ф.И. Творческий путь селекционера по масличным культурам академика Л.А. Жданова (к 120-летию со дня рождения) // Масличные культуры. Научно-технический бюллетень Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур. – 2010. – № 1(142-143). – С. 116-118.
3. Дворядкин, Н.И. Жизнь - подвиг. К 85-летию академика В.С. Пустовойта // Вестник сельскохозяйственной науки. 1971. № 1. С. 9-10.
4. Иванцов, И.Г. Из истории Всероссийского института маслобойной и маргариновой промышленности. 1929–1938 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2026. – Т.18 № 4. – С. 161-181.
5. Лукьяненко, П.П. Патриарх советской селекционной науки // Генетика. 1971. № 7. С. 5-9
6. Лукомец, В.М. ВНИИМК - 110 лет на страже масличной отрасли России // Масличные культуры. – 2022. – № 1(189). – С. 97-102.
7. Форпост масличной отрасли России: летопись к 100-летию Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур имени В.С. Пустовойта (1912-2012 гг.) / В.М. Лукомец, Н.И. Бочкарев, В.Ф. Баранов [и др.]. – Краснодар: Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур им. В.С. Пустовойта, 2012. – 520 с.
8. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 1527. Оп. 1. Д. 4.
9. ЦДНИКК. Ф. 753. Оп. 1. Д. 5.
10. ЦДНИКК. Ф. 753. Оп. 1. Д. 6.
11. ЦДНИКК. Ф. 753. Оп. 1. Д. 7.
12. ЦДНИКК. Ф. 753. Оп. 1. Д. 8.
13. Штрихи к очеркам по истории пищевых вузов в России / О.А. Суворов, С.А. Складенко, М.Г. Филиппова [и др.] // Молодой ученый. – 2013. – № 8. – С. 245-248.

PROBLEMS IN TRAINING SCIENTIFIC STAFF IN THE USSR IN THE EARLY 1930s (BASED ON MATERIALS FROM THE RESEARCH INSTITUTE OF OILSEED CROPS)

The article is devoted to the formation and activities of the All-Union Scientific Research Institute of Oilseeds in the first, very difficult years of its existence. In 1912, at the Kuban military agricultural school, the Kruglik experimental breeding field was organized in Yekaterinodar. In many ways, it appeared on the initiative of the teacher of this school, V.S. Pustovoyt. In 1925, the experimental breeding field was first transformed into the Kruglik Breeding Experimental Station, then, in 1930, into the Kruglik Zonal Oilseed Experimental Station. In 1932, on its basis, in Krasnodar, the All-Union Scientific Research Institute of Oilseeds was opened, which had all-Union status, seven Zonal experimental stations (ZOS) throughout the USSR were transferred to it. The newly organized VNIIMK Institute was under the scientific supervision of the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after Lenin (VASKHNIL) and under the economic patronage of the TMEK Trust (All-Union State Trust of State Farms for the Production and Processing of Oilseeds and Essential Oil Crops of the People's Commissariat of the USSR). The article focuses, among other things, on highlighting one of the most important aspects of the institute's work, namely, the training of highly qualified scientific personnel at the "institute of graduate school" (full-time and part-time), the difficulties and problems that inevitably accompanied the process of its progressive development, and the results of training.

Keywords: Postgraduate studies, VNIIMK, achievements, Kuban, party committee of the CPSU (b), agricultural science, difficulties.

References

1. Vospominaniya o Vasilii Stepanoviche Pustovojte: posvyashchaetsya 120-letiyu so dnya rozhdeniya (2006) [Memories of Vasily Stepanovich Pustovoit: dedicated to the 120th anniversary of his birth] / V.M. Lukomec, N.I. Bochkarev, A.B. D'yakov [i dr.]. – Izdanie vtoroe, dopolnennoe. – Krasnodar : VNIIMK. – 191 s.
2. Gorbachenko F.I. (2010) Tvorcheskij put' selekcionera po maslichnym kul'turam akademika L.A. Zhdanova (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya) [The creative path of an oilseed crop breeder, academician L.A. Zhdanov (on the 120th anniversary of his birth)] // Maslichnye kul'tury. Nauchno-tekhnicheskij byulleten' Vserossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta maslichnyh kul'tur. – № 1(142-143). – S. 116-118.
3. Dvoryadkin N.I. (1971) Zhizn' - podvig. K 85-letiyu akademika V.S. Pustovojta [Life is a feat. To the 85th anniversary of Academician V.S. Pustovoit] // Vestnik sel'skohozyajstvennoj nauki. № 1. S. 9-10.
4. Ivancov I.G. (2026) Iz istorii vserossijskogo instituta maslobojnoj i margarinovoj promyshlennosti. 1929–1938 gg. [From the History of the All-Russian Institute of the Oilseed and Margarine Industry. 1929–1938] // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – T.18 № 4. – S. 161-181.
5. Luk'yanenko P.P. (1971) Patriarh sovetskoj selekcionnoj nauki [Patriarch of Soviet breeding science] // Genetika. № 7. S. 5-9
6. Lukomec V.M. (2022) VNIIMK - 110 let na strazhe maslichnoj otrasli Rossii [VNIIMK - 110 years guarding the Russian oilseed industry] // Maslichnye kul'tury. – № 1(189). – S. 97-102.
7. Forpost maslichnoj otrasli Rossii: letopis' k 100-letiyu Vserossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta maslichnyh kul'tur imeni V.S. Pustovojta (1912-2012 gg.) (2012) [Outpost of the Russian oilseed industry: chronicle for the 100th anniversary of the All-Russian Research Institute of Oilseeds named after V.S. Pustovoit (1912-2012)] / V.M. Lukomec, N.I. Bochkarev, V.F. Baranov [i dr.]. – Krasnodar : Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut maslichnyh kul'tur im. V.S. Pustovojta. – 520 s.
8. CDNIKK (Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Territory). F. 1527. Op. 1. D. 4.
9. CDNIKK. F. 1527. Op. 1. D. 5.
10. CDNIKK. F. 1527. Op. 1. D. 6.
11. CDNIKK. F. 1527. Op. 1. D. 7.
12. CDNIKK. F. 1527. Op. 1. D. 8.
13. Shtrihi k ocherkam po istorii pishchevyh vuzov v Rossii (2013) [Touches to essays on the history of food universities in Russia] / O.A. Suvorov, S.A. Sklyarenko, M.G. Filippova [i dr.] // Molodoj uchenyj. – № 8. – S. 245-248.

Об авторе

Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Военной академии защиты информации им. С.М. Штеменко (Краснодар), E-mail: IIG23@yandex.ru

Ivantsov Igor Grigoryevich –Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Academy for the Protection of Information from External Threats named after S.K. Shtemenko (Krasnodar), E-mail: IIG23@yandex.ru

Калашников А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВЫБОРЫ НА ЮГЕ И В «ПОГРАНИЧНЫХ» ШТАТАХ США (1865—1866 гг.)

В статье рассматривается проведение первого местного избирательного процесса на Юге США в эпоху начавшейся Реконструкции. Исследование охватывает хронологические рамки первых лет эпохи. Ключевым методом работы был выбран системный подход, позволяющий раскрыть заявленную тему наиболее полно. Данное исследование главным образом основано на изучении содержания источников указанного периода — результатов избирательных кампаний в южных штатах. Особое внимание уделяется особенностям организации голосования в штатах бывшей Конфедерации. Дается характеристика взглядов победивших кандидатов в каждом из названных штатов. Отражена реакция федерального правительства на результаты выборов. На основе рассмотренного материала делается вывод, что сопротивление проводимой политике Реконструкции на Юге нашло своё отражение в избрании лиц, непосредственно относящихся к властным структурам бывшей Конфедерации. В результате изучения малоисследованных документов, а также работ отечественных и зарубежных исследователей, автор приходит к выводу о значительном влиянии данных избирательных кампаний на проводимую политику радикальных республиканцев в Конгрессе.

Ключевые слова: Юг США, Президентская Реконструкция, выборы, политическая борьба, республиканцы, демократы, джонсоианцы, виги.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-40-51

Введение. Политическая борьба на разных этапах развития Соединенных Штатов по-прежнему привлекает внимание многих исследователей, при её тщательном изучении открываются новые, ранее недоступные и малоизученные грани. Происходившая между различными группировками двухпартийной системы в лице относительно более прогрессивных на тот момент республиканцев и консервативных представителей «партии измены» — демократов, борьба носила острый характер практически все послевоенное время, известное как эпоха Реконструкции.

На развитие ситуации в пользу одной из сторон влияло множество факторов, включая состояние экономики государства, поддержку определенных слоев американского общества, а также роль действий отдельных представителей противоборствующих партий. В связи с этим научный интерес представляет изучение первых губернаторских выборов, прошедших на послевоенном Юге США в 1865–1866 г. Данные выборы отражают сложившиеся политические реалии, связанные с особенностями голосования различных групп электората данного региона. Стоит отметить, что и в дальнейшем такие отношения будут оставаться справедливыми для большинства подобных мероприятий, связанных с правом голоса.

К концу 1865 г. все штаты бывшей Конфедерации выполнили условия президента Э. Джонсона и были готовы вновь войти в Союз. Однако этого не произошло в силу обеспокоенности радикальных республиканцев и многих других северян: отказом всех штатов предоставить право голоса чернокожим мужчинам; избранием бывших лидеров Конфедерации на государственную или национальную должность и принятием южными законодательными органами законов, ограничивавших права и свободы чернокожих на Юге (как это было до войны) [2, с. 17–18].

Объекты и методы исследования. Объектом данного исследования выступает политическая борьба на послевоенном Юге США. Предметом исследования является содержание и особенности первых послевоенных выборов в южных штатах. Хронологические рамки определяются осенью 1865 г. — начало проведения выборов и конец — проведение таковых в оставшихся штатах в 1866 г.

Методологической основой данного исследования стал системный подход, что предполагает ориентацию исследователя рассматривать взаимное влияние истории на политологию, право, а также экономику. Помимо этого, в данном исследовании методологической основой стали принципы историзма, объективности и научности.

Хронологический метод использовался для датировки и выстраивания очередности, касающейся проведения выборов в штатах бывшей Конфедерации. Автором широко использовались и специальные исторические методы, такие, как историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический и другие. Все это в совокупности позволило провести комплексное изучение поставленной в статье проблемы.

Результаты и обсуждение. После гибели президента США А. Линкольна новый президент Э. Джонсон (1808—1875) пытался реализовать собственную форму Президентской Реконструкции, заключавшуюся в серии указов и предписаний отделившимся штатам провести съезды и выборы для реформирования своих гражданских правительств. Он стремился к скорейшему восстановлению штатов на том основании, что они никогда по-настоящему не выходили из состава Союза и поэтому должны быть вновь признаны, как только лояльные граждане сформируют правительство [6, pp. 28–29]. Заслуженный советский американист А.И. Блинов неоднократно отмечал, что президент Джонсон всячески, и при том совершенно открыто, содействовал реакционным правительствам 1865–1866 гг. в их борьбе против Конгресса. Однако, в то же время, выступив против выдвигавшегося умеренными республиканцами компромисса между буржуазией и плантаторами, он помешал его заключению уже в эти годы [3, с. 31, 93, 94, 307–308].

Момент, когда мог бы возникнуть юнионистский Юг, наступил летом, при выборе делегатов на конституционные собрания. Американский историк-марксист Дж. С. Аллен (1906—1986) описывал сложившуюся в это время ситуацию на Юге как «господство джонсоновской реставрации». При временных губернаторах, назначенных Джонсоном, конституционные собрания избирались на основе старых выборных правил. Съезды собрались и «отменили рабство» путем внесения поправок в старые конституции: избраны правительства штатов и назначены представители и сенаторы в Конгресс. Затем Джонсон, волей-неволей, выступил за прекращение войны и введение гражданского правительства в бывшей Конфедерации, оставив за собой право прибегать к военному контролю в случае необходимости. При выборе

временных губернаторов Джонсон не смог бы привлечь политиков первого ранга, даже если бы захотел. Кандидат обязательно должен был выступать против отделения, но следовавшее за этим было не таким жестким. Жизненно важным было найти кого-то, кто смог бы убедить бывших конфедератов вернуться в Союз – жителя штата, находящегося в центре политического внимания и имеющего много общего с традиционным экономическим и социальным руководством. Эти требования практически исключали участие ярых юнионистов или сторонников радикальных социальных преобразований. Для временных губернаторов проблемой стала необходимость заполнить все должности из-за вполне обоснованных опасений, что ситуация может выйти из-под контроля. Конечно, при наличии такой возможности губернаторы предпочли бы консерваторов сторонникам отделения, но зачастую у них не было широкого выбора кандидатов, и уж точно среди тех, кто получил помилование. Несмотря на преимущество юнионистов (большинство высокопоставленных офицеров Конфедерации и плантаторов не получили помилования и не могли участвовать в политической жизни), это не были собрания безоговорочных сторонников Союза. Среди них не было ни бедняков, ни разорившихся йоменов. Юристов, бизнесменов и зажиточных фермеров было больше, чем всех остальных. По мнению Аллена, это было не восстановление свободных и демократических штатов в Союзе, а «политической власти лордов и герцогов на Юге». На съездах господствовали две точки зрения на отмену сецессии. Согласно первой, действие, совершенное однажды, было законным, и штаты добровольно решили, что в данном случае они ошибочно воспользовались суверенным правом штата. Согласно другой, отделение никогда не было законным правом, и штаты признали этот факт, а также то, что война Союза была справедливой. Противники же обеих точек зрения утверждали, что каждый подчинившийся решению штата стал предателем по отношению к своим «отцам, братьям и сыновьям, погибшим в бою». В Северной Каролине подавляющее большинство проголосовало за отмену постановления о выходе из состава США, во Флориде и Миссисипи — с меньшим перевесом. Джорджия вместе с Южной Каролиной приняла простое решение об отмене. В

Алабаме и Техасе большинство признало выход из состава США недействительным, но только с настоящего момента, а не в прошлом [4, pp. 41–42; 28, pp. 68–70].

Особенностью первых послевоенных губернаторских выборов на Юге стал факт отсутствия, несмотря на готовящиеся поправки, возможности голосования чернокожих избирателей. По мнению Э. Джонсона, предоставление избирательных прав афроамериканцам было ненужной задержкой и отвлекающим маневром: решение о том, кто должен иметь право голоса, всегда оставалось за штатами [6, pp. 28–29]. Радикальные республиканцы говорили президенту, что южные штаты находятся в состоянии экономического хаоса, и призывали его использовать свое влияние, чтобы добиться предоставления прав освобожденным рабам в качестве условия восстановления Союза. Но Джонсон при поддержке других чиновников настаивал на том, что предоставление избирательных прав — это вопрос штата, а не федерального правительства. Кабинет министров разделился во мнениях по этому вопросу [34, pp. 215–216, 234–235]. Как считал консервативный юрист и историк Х. Герберт, массы на Севере были против «избирательного права негров» [18, p. 212]. По мере того, как южные штаты приступали к формированию правительств, политика президента действительно получала значительную общественную поддержку на Севере, что им ошибочно воспринималось как безоговорочное одобрение идеи скорейшего восстановления Юга в Союзе. Здесь проявилась явная недооценка президента решимости северян отстаивать итоги войны. Для общественного мнения на Севере было важно, чтобы Юг признал свое поражение, рабство как устаревшая экономическая система было отменено, а положение афроамериканцев хоть немного улучшилось. При этом избирательное право в то время не имело большого значения: лишь несколько северных штатов (в основном в Новой Англии) предоставили афроамериканцам право голоса наравне с белыми. Более того, в конце 1865 г. такие штаты Севера как Коннектикут, Висконсин и Миннесота с большим отрывом отклонили предложения о предоставлении такого права. Общественное мнение Севера воспринимало бездействие Джонсона в вопросе его предоставления как эксперимент, допустимый для ускорения принятия

Югом факта своего поражения. Однако от этого, в свою очередь, уже белые южане почувствовали себя увереннее [6, pp. 50–59].

Раньше других состоялись выборы губернатора Миссисипи — 2 октября 1865 г. На них полковник Конфедерации Бенджамин Хамфрис (1802—1882) [Рис. 1] победил соперников Эфраима С. Фишера и Уильяма С. Паттона. Хотя официально выборы проводились как беспартийные, Хамфрис был демократом, а Фишер и Паттон оба ранее — вигами [16, pp. 168–169]. Сепаратистским чиновникам и военным офицерам было запрещено занимать государственные должности в Соединённых Штатах без помилования. Хамфрис также не был прощен, когда объявил о своей кандидатуре. Президент Джонсон не хотел его избрания и сначала отказался помиловать. Хамфрис упорно продолжал выставлять свою кандидатуру и в итоге выиграл выборы, набрав 19 036 голосов (42.2%), в то время как Фишер 15 551 (34.5%), а Паттон — 10 519 (23.3%) [9, p. 322]. Несмотря на прежнюю неприязнь, уже 26 октября временный губернатор У. Шарки получил президентское помилование для Хамфриса. В его избрании проявилась ещё одна особенность голосования южан — в 1865 г. «люди с хорошим вкусом» выбрали на важные посты лишь нескольких сторонников отделения. Все члены Конгресса, кроме 1 демократом-юниониста, изначально были вигами. Все они изначально выступали против отделения, но после того, как сецессия стала реальностью, не смогли бы избежать военной службы, даже если бы захотели. Поскольку на Юге, как и везде, высоко ценили верную военную службу и умелое руководство, «не было ничего предосудительного» в верности своим лидерам и неодобрительном отношении к кандидатам, безразлично относящимся к будущему Конфедерации [15, p. 151]. Будучи демократическим губернатором, Хамфрис проповедовал идеологию превосходства белых. Он говорил: «Негр свободен, нравится нам это или нет. Мы должны осознать этот факт сейчас и навсегда. Однако свобода не делает его гражданином и не даёт права на политическое или социальное равенство с белой расой» [10, p. 309]. И действительно, с осени 1865 г. законодательный орган штата начал принимать ряд новых актов, призванных сохранить подчиненный статус чернокожих в Миссисипи [1, с. 324–325].

Выборы губернатора Южной Каролины

состоялись 18 октября 1865 г. и стали первыми по новой Конституции штата 1865 г., разрешавшей, однако, голосовать только белым мужчинам. Джеймс Лоуренс Опп (1822—1873) [Рис. 2] одержал узкую победу над Уэйдом Хэмптоном. В данном случае демократы состязались между собой. Если посмотреть статистику голосования, то можно обнаружить явно небольшой перевес — 9928 голосов против 9186 [29, р. 2]. Хэмптон был очень популярен, и многие были недовольны тем, что Опп стал кандидатом от съезда. В итоге $\frac{2}{3}$ избирателей отказались голосовать. В округе Самтер за Оппа проголосовали всего 3 человека, в то время как за Хэмптона — 270; в Гринвилле за Хэмптона проголосовали в 2 раза больше, чем за Оппа, а в Оранджберге — в 7 раз больше. Если бы родной округ Хэмптона, где его влияние было неоспоримым, почти единогласно не поддержал Оппа, Хэмптон был бы избран [26, р. 43]. В итоге Опп очень не хотел вступать в должность с таким сомнительным мандатом. Оказалось, что У. Хэмптон, несмотря на первоначальную неприязнь к Союзу, был готов к достижению урегулирования, вплоть до того, что отказался от явного предложения занять государственный пост, поскольку считал, что в интересах Юга и его штата ему лучше оставаться в тени. Он добросовестно принял все, что ему сказал временный губернатор Бенджамин Перри. Перри, которого он хорошо знал, в июле разговаривал с Хэмптоном и убедил его и других влиятельных людей штата в том, что Джонсон, выступая от имени Севера, намерен проводить примирительную политику по отношению к Югу. Опп же, являясь юнионистом, оставался сторонником прав штатов и «черного кодекса» [21, р. 144; 24, pp. 26–27].

Состоявшиеся 6 ноября 1865 г. выборы губернатора Алабамы стали примечательны победой Роберта М. Паттона (1809—1885) [Рис. 3] — последний случай в истории США, когда виг выиграл какие-либо выборы. Он победил с относительно небольшим большинством, опередив демократа Майкла Дж. Булгера примерно на 4000 голосов, набрав, по разным оценкам, 21 422 или 20 611 голосов [17, р. 39; 19, р. 33]. После войны Паттон стал делегатом на конституционный конвент штата. В результате конституция приняла «белую основу» представительства, что уменьшило влияние плантационных графств и не

дало вольноотпущенникам избирательных прав. Паттон отражал идеал «юниониста из провинции», по которому президент Джонсон и стремился восстановить Юг [13, pp. 195–196]. Несмотря на сотрудничество с агентами Бюро вольноотпущенников, в остальном его администрация выступала против предоставления гражданских и политических прав афроамериканцам. Хотя Паттон наложил вето на законодательство строгого ограничения свободного передвижения чернокожих по штату, в то же время он подписал систему аренды заключённых, позволявшую привлекать вольноотпущенников в качестве наказания за преступление. Основное внимание губернатора было сосредоточено на восстановлении разрушенной войной экономики Алабамы. Отражая интересы южной элиты, Паттон поддерживал облегчение долгов с целью замедления темпа изъятий имущества, а также выступал за отмену федерального налога на хлопок. Возросшая озабоченность положением вольноотпущенников в Конгрессе привела к принятию федеральных Актов о Реконструкции и созданию Третьего военного округа, включающего Алабаму, Флориду и Джорджию. В результате большая часть конституционных полномочий Паттона перешла к генерал-майору Джону Поупу. Тем не менее, Паттон числился номинальным главой правительства штата и оставался на посту до избрания своего преемника в 1868 г. [25]. В целом можно отметить, что такой противоречивой политики будут придерживаться многие консервативные представители южной элиты всю эпоху Реконструкции.

Внеочередные выборы губернатора Луизианы состоялись 7 ноября. Исполняющий обязанности Джеймс Мэдисон Уэллс (1808—1899) [Рис. 4] был избран на полный срок, обойдя бывшего губернатора, признанного Конфедерацией, Генри Уоткинса Аллена, находившегося в изгнании в Мехико и не давшего согласия с его кандидатурой. Это были первые выборы, проведённые в соответствии с Конституцией штата 1864 г. Американский историк М. Саммерс представил данные выборы как пример провала умеренной Реконструкции, что привело к расколу между радикальной Реконструкцией на федеральном уровне и сепаратистским сопротивлением на местном и региональном уровнях. Хотя Уэллс был кандидатом обеих партий, масштабная кампания по подписи Аллена была

начата вопреки его явным желаниям. Аллен выиграл 5 приходов и получил более четверти голосов ещё в 11. Позже Уэллс предположил, что если бы Аллен активно согласился на его кандидатуру, он бы победил с большим перевесом. В конечном итоге Уэллс набрал 22 312 голосов – 80.23%, а Аллен – только 5 497 (19.77%) [27, pp. 64–65; 14, p. 548]. Для демократов результаты были более чем убедительными. Консервативные юнионисты потеряли все законодательные места, кроме 1, и проиграли 4 из 5 выборов в Конгресс. Новый законодательный орган штата, как написал один республиканец Натаниэлю П. Бэнксу, был «вторым законодательным собранием сессии». Поскольку многие из победивших кандидатов имели карьеру в армии или правительстве Конфедерации другой республиканец сказал Джеймсу А. Гарфилду: «каждый избранный член... был либо гражданским или военным офицером Конфедерации, либо хотя бы человеком, который никогда не вел себя неприятно для сепаратистов» [27, pp. 64–65]. На отдельных «добровольных выборах» с участием вольноотпущенников в Новом Орлеане и прилегающих приходах кандидат-республиканец Уормот получил 19 105 голосов за территориального делегата и ещё 2 300 на выборах в Конгресс. Общее количество «внеюрисдикционных» голосов республиканцев в приходе Орлеан превысило голоса Уэллса [5, p. 24]. Среди республиканских центристов и консервативных юнионистов демократическая победа ознаменовала «предательство их дружелюбия к бывшим конфедератам». Более радикальные республиканцы в Луизиане и на Севере обвиняли Уэллса в нелояльности и призывали к федеральному вмешательству для предоставления избирательных прав чернокожим мужчинам и лишению избирательных прав конфедератов. К ним всё чаще присоединялись умеренные, опасаясь, что 1865 г. ознаменовал поражение дела Союза, ради которого велась Гражданская война [27, pp. 66–67].

Спустя 2 дня, 9 ноября 1865 г., выборы продолжились в Северной Каролине. Бывший казначей штата Джонатан Уорт (1802—1889) [Рис. 5] был выдвинут Консервативной партией, собравшей большинство местных демократов и некоторых бывших вигов. Примечательно, что с партией Уорт был связан ещё с начала Гражданской войны. Несмотря на то,

что Уорт выступал против позиции Конфедерации по большинству вопросов, он оставался верен Северной Каролине и отказался участвовать в нескольких мирных движениях. Также он рассматривал рабство как конституционное право, которое лучше всего защищать, оставаясь в составе Союза [12, p. 18]. Его соперником был действующий губернатор Уильям У. Холден, назначенный президентом Джонсоном и баллотировавшийся от Партии национального союза. Уорт набрал больше голосов в восточной части штата, а Холден — в западных округах, в основном выступавших против отделения в годы Гражданской войны. Уорт победил, набрав 32 549 голосов (55,5 %), а Холден – 25 809 голосов (44 %). Победе поспособствовала поддержка многих жителей штата, выступавших за отделение [8, p. 3; 22]. Данные выборы проводились в соответствии с конституцией штата 1865 г., отклоненной Конгрессом. Стоит отметить, что Уорт переизбрался 18 октября 1866 г., опять же с большим перевесом. Его взгляды довольно противоречивы, как взгляды любого джонсонянца. Во время губернаторства положение Уорта как юниониста осложнялось отдалением от своего первоначального электората в «квакерском поясе». Приоритетом стало сведение к минимуму федерального вмешательства в дела штата. Придерживаясь консервативного политического понимания “конституционного юнионизма”, после переизбрания Уорт стал более самобытным южанином, на что опирался, сопротивляясь федеральной политике Реконструкции и переменам на Юге. Несмотря на призыв на законодательном съезде в январе 1866 г. принять закон, позволивший бы афроамериканцам давать показания в суде, Уорт остался разочарован новой конституцией штата, отражавшей наделение гражданскими правами чернокожих. Это послужило отказом баллотироваться на переизбрание в 1868 г. Уорт подумывал о созыве исполнительного совета для обсуждения вопроса об отказе покидать свой пост, если федеральное правительство назначит губернатора вместо него или если будут проведены другие выборы, на которых чернокожим жителям штата будет разрешено голосовать. Он зашел так далеко, что даже разработал план действий на случай, если будет арестован и заключен под стражу за отказ покинуть свой пост, надеясь, что такие действия потребуют

вмешательства Верховного суда Соединенных Штатов [12, pp. 12, 37, 55, 78].

Самым нестандартным образом голосование было построено в 2-х штатах Глубокого Юга – во Флориде и Джорджии. Первые после Гражданской войны выборы губернатора Джорджии состоялись 15 ноября 1865 г. После того, как конституционный съезд штата восстановил правительство, назначенный ранее губернатором-конфедератом Дж. Брауном судьей Верховного суда штата, кандидат от демократов Чарльз Дж. Дженкинс (1805—1883) [Рис. 6] победил практически без соперников, т.к. ни один другой кандидат не был выдвинутым [32, p. 2]. Газета *Savannah Daily Herald* отметила, что это были «самые упорядоченные и спокойные выборы, которые они когда-либо видели» [31, p. 2]. Как сообщала *Macon Telegraph*, Дженкинс набрал 37 200 голосов, в то время как ближайший преследователь, бывший губернатор Браун только 500 [30, p. 2]. Единогласное избрание судьи Дженкинса свидетельствовало о стремлении народа объединиться вокруг надежного, консервативного политика, выступавшего за признание новых сложившихся условий, но при этом не отрекавшегося от политики Джорджии в предыдущие 4 года. На выборах в штате никто не был лишен избирательных прав, в отличие от выборов делегатов на съезд. Таким образом, в новом законодательном собрании было меньше представителей элемента, контролировавшего съезд, – юнионистов или противников сецессии. В округах, где один кандидат был бывшим конфедератом, а другой не принимал участия в конфликте, выбор обычно падал на первого. Отчасти это было проявлением верности прошлому. Но в большей степени это означало, что «лучшие, наиболее достойные» граждане государства принимали активное участие в войне, а те, кто остался в стороне, воспринимались «людьми второго сорта» [33, p. 153]. Во Флориде выборы прошли 29 ноября 1865 г. Представитель старой партии вигов и бывший конфедерат, кандидат от демократов Дэвид С. Уокер (1815—1891) [Рис. 7] также баллотировался полностью без соперников. В тоже время не все белые смогли воспользоваться преимуществами Прокламации об амнистии от 29 мая, а многие и вовсе не проявили к этому особого интереса. Было зарегистрировано более 8000

избирателей. Таким образом, только половина из тех, кто мог голосовать, приняла участие в выборах. В тоже время, характеризуя обстановку в штате осенью 1865 г., южный корреспондент газеты *New York Herald* пришел к выводу, что «во Флориде было меньше столкновений между гражданами и солдатами Соединенных Штатов, а также с вольноотпущенниками, чем в любом другом южном штате, и настроения там лучше, чем в любом другом южном штате» [8, p. 366, 368].

В 1866 г. губернаторские выборы продолжились в Делавэре, поскольку 1 марта 1865 г. республиканский губернатор У. Кэннон скончался на посту. Несмотря на традиционное отнесение штата к числу «пограничных», позиции бывших конфедератов и расистов здесь оказались также весьма сильны. Спикер Сената штата, демократ Гоув Солсбери (1815—1881) [Рис. 8] был назначен губернатором, затем баллотировавшись на переизбрание. Он столкнулся с кандидатом от республиканцев, видным промышленником Джеймсом Риддлом. И снова, как и в аналогичных случаях, Солсбери победил с убедительным перевесом, обеспечив значительное демократическое большинство в обеих палатах законодательного собрания. По данным *Журнала Палаты представителей штата Делавэр*, Солсбери набрал 9 810 (53.29%) голосов [20, p. 73]. С Солсбери на посту губернатора делавэрские демократы взяли полный контроль в штате. Решительно выступая против Тринадцатой, Четырнадцатой и Пятнадцатой поправок, Солсбери и демократы предприняли все возможные шаги для срыва их реализации. Это включало в том числе рекомендацию продавать афроамериканцев, осужденных за определённые преступления, фактически обратно в рабство. Нагнетание страха оказалось настолько успешным, что в 1868 г. ни один республиканец не был избран в Генеральную ассамблею Делавэра, и почти никто из них не избирался в течение многих лет после этого [7, pp. 220–221].

Выборы губернатора Техаса состоялись 25 июня 1866 г. Назначенный президентом действующий губернатор Э. Гамильтон не стал баллотироваться на полный срок. В результате в политической борьбе одержал верх демократ Джеймс У. Трокмортон (1825—1894) [Рис. 9], набравший 80 % голосов [11]. Убеденный сторонник Союза был одним из

7 членов съезда, проголосовавших против отделения в 1861 г. Однако это не помешало ему поступить на службу в армию Конфедерации в качестве уполномоченного по делам индейцев и дослужиться до бригадного генерала. Будучи председателем съезда, Трокмортон все больше склонялся на сторону большинства и стал главным защитником политики президента Джонсона в Техасе [23, pp. 89–90].

Заключение. Таким образом, в 1865–1866 гг. на выборах разных уровней на Юге победили бывшие южные рабовладельцы при поддержке расистски настроенного белого населения. Об этом свидетельствует значительное количество голосов, отданных за бывших конфедератов их сторонниками. Примиренческая позиция президента Джонсона также не раз поспособствовала этому.

По мере подведения итогов северным наблюдателям казалось, что они видят все ту

же старую свору врагов, «с кинжалом в руке готовых сразить Богиню Свободы», как выразилась газета *Cleveland Leader*. В общей сложности были избраны 10 генералов Конфедерации, 5 офицеров рангом ниже, 10 членов Конгресса Конфедерации и 16 второстепенных чиновников правительства мятежников.

Фактически Юг вновь оказался под значительным влиянием участников мятежа против Севера – «консерваторов» (демократов, к которым присоединились остатки партии виггов – крыла южных виггов, слившись с ними воедино). В ответ Север перешел в наступление, отстранив практически всех оппозиционных демократов уже к концу 1867 г., тем самым завершив Президентскую Реконструкцию. Можно утверждать, что осенью 1865 г. впервые зафиксировано проявление такого политического конструкта, что в дальнейшем назовут «Твердым Югом».

Список литературы

1. Алексеева М.Н. К вопросу формирования расовой сегрегации в период Реконструкции на примере штата Миссисипи / М.Н. Алексеева, Е.Н. Павлов // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории и международных отношений: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 12–13 мая 2021 года. – Рязань: ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2021. С. 323–329.
2. Алентьева Т.В., Илюхина Е.В. Политическая борьба в США в последней трети XIX века в отражении карикатуры. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2019 – 300 с.
3. Блинов А.И. Основные социально-экономические проблемы периода реконструкции юга в истории США: в 2-х томах: диссертация доктора исторических наук. Новомосковск, 1968 – 884 с.
4. Allen J. S. Reconstruction: the Battle for democracy. International publishers Co, 1937. 256 p.
5. Binning F.W. "Carpetbaggers Triumph: The Louisiana State Election of 1868" // Louisiana History: The Journal of the Louisiana Historical Association, 1979. Vol. 14. № 1. Pp. 21–39.
6. Castel A. E. The Presidency of Andrew Johnson. American Presidency. Lawrence, Kan.: The Regents Press of Kansas, 1979 – 262 p.
7. Conrad H. C. History of the State of Delaware: From the Earliest Settlements to the Year 1907. Vol. 1. Lancaster, Pa.: Wickersham Company, Printers and Binders, 1908 – 1179 p.
8. Davis W.W. The Civil War and Reconstruction in Florida. New York: Columbia University; London: P.S. King & Son, 1913 – 769 p.
9. Dubin M. J. United States Gubernatorial Elections, 1861–1911: The Official Results by State and County. McFarland, 2010 – 664 p.
10. Eicher J.H., Eicher D.J. Civil War High Commands. Stanford: Stanford University Press, 2001 – 1009 p.
11. Elections of Texas 1845–2010. [Электронный ресурс]: Texas almanac. URL: <https://web.archive.org/web/20151119092417/http://texasalmanac.com/topics/elections/elections-texas-governors-1845–2010> (дата обращения: 1.02.2026)
12. Ellis E. "Branded as Cain": Jonathan Worth and Unionism in post-Civil War North Carolina, 2018 – 106 p.
13. Foner E. Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863–1877. New York: HarperPerennial, 2014 – 752 p.
14. Frois J. Louisiana Almanac, 2006–2007 Edition. Gretna, La: Pelican Pub. Co, 2006 – 757 p.
15. Garner J.W. Reconstruction In Mississippi. Louisiana State University Press, 1901 – 422 p.

16. Glashan R. R. American Governors and Gubernatorial Elections, 1775-1978. Westport, CT: Meckler Books, 1979 – 370 p.
17. Gubernatorial elections, 1787-1997. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc, 1998 – 183 p.
18. Herbert H. The abolition crusade and its consequences, four periods of American history. C. Scribner's Sons, 1912 – 247 p.
19. Journal of the House of Representatives of the State of Alabama. Montgomery, 1866 – 445 p.
20. Journal of the House of Representatives of the State of Delaware, 71st General Assembly, 1st Regular Session. Part 1. Dover, 1867 – 150 p.
21. McKittrick E. L. Andrew Johnson and reconstruction. University of Chicago Press, 1960 – 533 p.
22. "Memoirs of W.W. Holden". [Электронный ресурс]: Documenting the American South: The Southern Experience in 19-th Century America. URL: <https://docsouth.unc.edu/fpn/holden/holden.html> (дата обращения: 2.02. 2026)
23. Ramsdell Ch. W. Reconstruction in Texas. Gloucester, Mass., P. Smith, 1910 – 235 p.
24. Reynolds J. S. Reconstruction in South Carolina, 1865-1977. The State co. publishers, 1905 – 522 p.
25. Rogers W. W. "Robert M. Patton (1865-67)". [Электронный ресурс]: Encyclopedia of Alabama. URL: encyclopediaofalabama.org/article/robert-m-patton-1865-67/ (дата обращения: 1.02.2026)
26. Simkins F. B. South Carolina during Reconstruction. The University of North Carolina press, 1932 – 610 p.
27. Summers M. W. "The Moderates' Last Chance: The Louisiana Election of 1865". Louisiana History: The Journal of the Louisiana Historical Association, 1983. Vol. 24. № 1. Pp. 49–69.
28. Summers M. W. The Ordeal of the Reunion: A New History of Reconstruction. University of North Carolina Press, 2014 – 528 p.
29. The Charleston Daily Courier. November 30, 1865. P. 2.
30. The Macon daily telegraph. December 07, 1865. P. 2.
31. The Savannah daily herald. November 16, 1865. P. 2
32. The Savannah national republican. November 16, 1865. P. 2.
33. Thompson C. M. Reconstruction in Georgia, economic, social, political, 1865-1872. New York, Columbia university press, 1915 – 418 p.
34. Trefousse H. L. Andrew Johnson: A Biography. New York: W.W. Norton & Company, 1989 – 464 p.

THE FIRST GUBERNATORIAL ELECTIONS IN THE POST-WAR SOUTHERN UNITED STATES (1865-1866)

The article examines the conduct of the first local electoral process in the Southern United States during the era of Reconstruction. The study covers the chronological framework of the first years of the epoch. A systematic approach was chosen as the key method of work, which makes it possible to reveal the stated topic most fully. This study is mainly based on the study of the content of the sources of the specified period — the results of election campaigns in the southern states. Special attention is paid to the voting peculiarities of various strata of citizens of the South, which fall under the restriction. There is a conventionality in the presentation of racist forces. The reaction of the federal government to the election results is reflected. Based on the reviewed material, it is concluded that the resistance to the Reconstruction policy was reflected in the election of former officials directly related to the power structures of the former Confederation. As a result of studying previously unknown documents, as well as the works of domestic and foreign researchers, the author comes to the conclusion that these election campaigns have a significant impact on the policies of radical Republicans.

Keywords: American South, Presidential Reconstruction, elections, political struggle, Republicans, Democrats, Johnsonians, Whigs.

References

1. Alekseeva M. N. (2021). K voprosu formirovaniya rasovoi segregacii v period Rekonstrukcii na primere shtata Missisipi [On the issue of the formation of racial segregation during the Reconstruction period on the example of the State of Mississippi] / M. N. Alekseeva, E. N. Pavlov // Aktualnie problemi izucheniya i prepodavaniya vseobschei istorii i mejdunarodnih otnoshenii. Sbornik

statei Mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Ryazan, 12–13 maya 2021 goda [Actual problems of studying and teaching universal history and international relations : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ryazan, May 12-13, 2021]. S. 323-329.

2. Alent'eva T. V., Ilyuhina E. V. (2019). Politicheskaya borba v SShA v poslednei treti XIX veka v otrazhenii karikaturi [The political struggle in the United States in the last third of the 19th century reflected in the caricature]. Kursk: Kursk. gos. un-t. 300 s.

3. Blinov A.I. (1968). Osnovnie socialno-ekonomicheskie problemi perioda rekonstrukcii yuga v istorii SShA [The main socio-economic problems of the period of reconstruction of the South in the history of the USA]: v 2 chastyah : dissertaciya doktora istoricheskikh nauk. Novomoskovsk, 1968. 884 s.

4. Allen J.S. (1937). Reconstruction: the Battle for democracy. International publishers Co. 256 p.

5. Binning F.W. (1973). "Carpetbaggers' Triumph: The Louisiana State Election of 1868". *Louisiana History: The Journal of the Louisiana Historical Association*. Vol. 14. № 1. Pp. 21–39.

6. Castel A.E. (1979). The Presidency of Andrew Johnson. American Presidency. Lawrence, Kan.: The Regents Press of Kansas. 262 p.

7. Conrad H. C. (1908). History of the State of Delaware: From the Earliest Settlements to the Year 1907. Vol. 1. Lancaster, Pa.: Wickersham Company, Printers and Binders. 1179 p.

8. Davis W.W. (1913). The Civil War and Reconstruction in Florida. New York: Columbia University ; London : P.S. King & Son. 769 p.

9. Dubin M. J. (2010). United States Gubernatorial Elections, 1861-1911: The Official Results by State and County. McFarland. 664 p.

10. Eicher J.H., Eicher D.J. (2001) Civil War High Commands. Stanford: Stanford University Press. 1009 p.

11. Elections of Texas 1845—2010. [Elektronnii resurs]: Texas almanac. URL: <https://web.archive.org/web/20151119092417/http://texasalmanac.com/topics/elections/elections-texas-governors-1845-2010> (accessed: 1.02.2026)

12. Ellis E. (2018). "Branded as Cain": Jonathan Worth and Unionism in post-Civil War North Carolina. 106 p.

13. Foner E. (2014). Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863-1877. New York: HarperPerennial. 752 p.

14. Frois J. (2006). Louisiana Almanac, 2006–2007 Edition. Gretna, La: Pelican Pub. Co, 2006. 757 p.

15. Garner J.W. (1901). Reconstruction In Mississippi. Louisiana State University Press. 422 p.

16. Glashan R. R. (1979). American Governors and Gubernatorial Elections, 1775-1978. Westport, CT: Meckler Books. 370 p.

17. Gubernatorial elections, 1787-1997. (1998). Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 183 p.

18. Herbert H. (1912). The abolition crusade and its consequences, four periods of American history. C. Scribner's Sons. 247 p.

19. Journal of the House of Representatives of the State of Alabama. (1866). 445 p.

20. Journal of the House of Representatives of the State of Delaware, 71st General Assembly, 1st Regular Session. Part 1. (1867). 150 p.

21. McKittrick E. L. (1960). Andrew Johnson and reconstruction. University of Chicago Press. 533 p.

22. "Memoirs of W.W. Holden". (1998). [Elektronnii resurs]: Documenting the American South: The Southern Experience in 19-th Century America. URL: <https://docsouth.unc.edu/fpn/holden/holden.html> (accessed: 2.02. 2026)

23. Ramsdell Ch. W. (1910). Reconstruction in Texas. Gloucester, Mass., P. Smith. 235 p.

24. Reynolds J. S. (1905). Reconstruction in South Carolina, 1865-1977. The State co. publishers. 522 p.

25. Rogers W. W. "Robert M. Patton (1865-67)". [Elektronnii resurs]: *Encyclopedia of Alabama*. URL: encyclopediaofalabama.org/article/robert-m-patton-1865-67/ (accessed: 1.02.2026)

26. Simkins F. B. (1932). South Carolina during Reconstruction. The University of North Carolina press. 610 p.

27. Summers M. W. (1983). "The Moderates' Last Chance: The Louisiana Election of 1865".

Louisiana History: The Journal of the Louisiana Historical Association. Vol. 24. № 1. Pp. 49–69.

28. Summers M. W. (2014). The Ordeal of the Reunion: A New History of Reconstruction. University of North Carolina Press. 528 p.

29. The Charleston Daily Courier. November 30, 1865. P. 2.

30. The Macon daily telegraph. December 07, 1865. P. 2.

31. The Savannah daily herald. November 16, 1865. P. 2

32. The Savannah national republican. November 16, 1865. P. 2.

33. Thompson C.M. (1915). Reconstruction in Georgia, economic, social, political, 1865-1872. New York: Columbia university press. 418 p.

34. Trefousse H. L. (1989). Andrew Johnson: A Biography. New York: W.W. Norton & Company. 464 p.

Об авторе

Калашников Алексей Валерьевич – аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Kalashnikov Aleksey Valerievich — postgraduate student of the Department of General History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Иллюстрации к статье Калашникова А.В.

Фотографии из открытых источников.

Рис.1 Бенджамин Хамфрис, губернатор Миссисипи.
Источник: Library of Congress, attribution

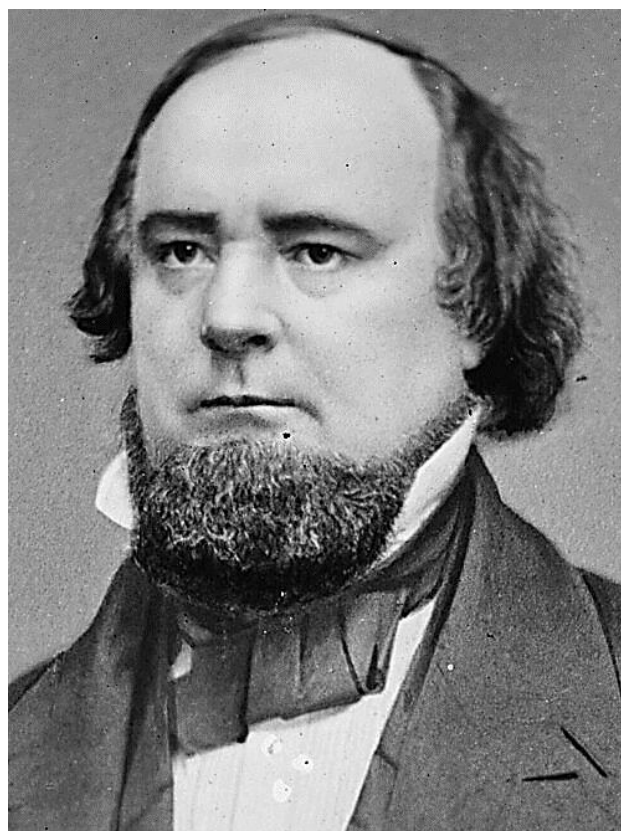

Рис. 2. Джеймс Опп. Источник: Library of Congress Prints and Photographs Division. Brady-Handy Photograph Collection. <http://hdl.loc.gov/loc.pnp/cwpbh.02852>.
CALL NUMBER: LC-BH82- 5262

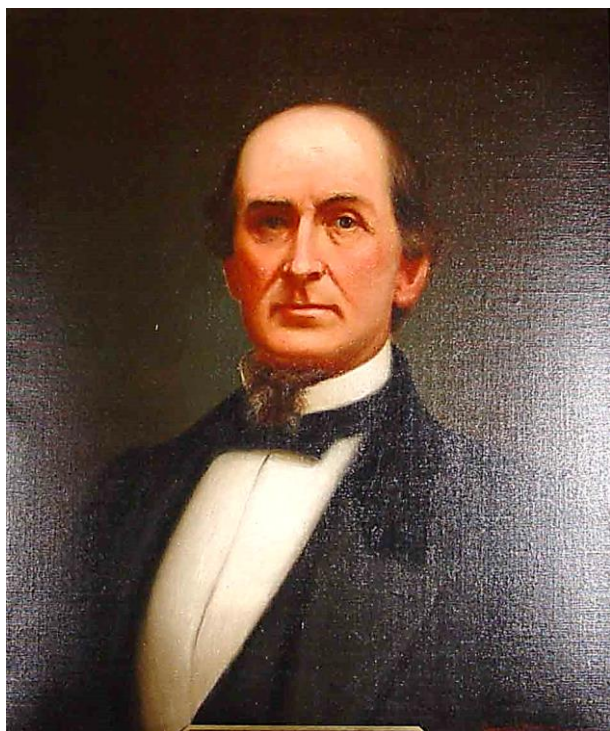

Рис. 3. Алабамский губернатор Роберт Паттон.
Источник: http://www.archives.alabama.gov/govs_list/g_patton.html

Рис. 4. Кандидат на пост губернатора Луизианы Джеймс Мэдисон Уэлс. Источник: *Harpers Weekly*, 11 November 1865.

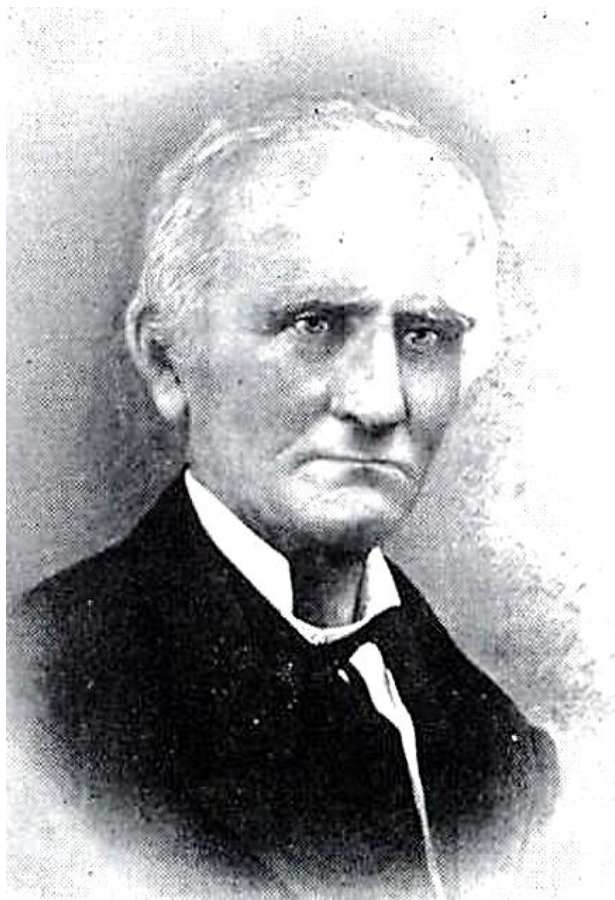

Рис. 5. Джонатан Уорт, губернатор Северной Каролины в 1865—1868 гг. Источник: <https://www.bluegrayreview.com/2011/05/18/tar-heel-turmoil/>

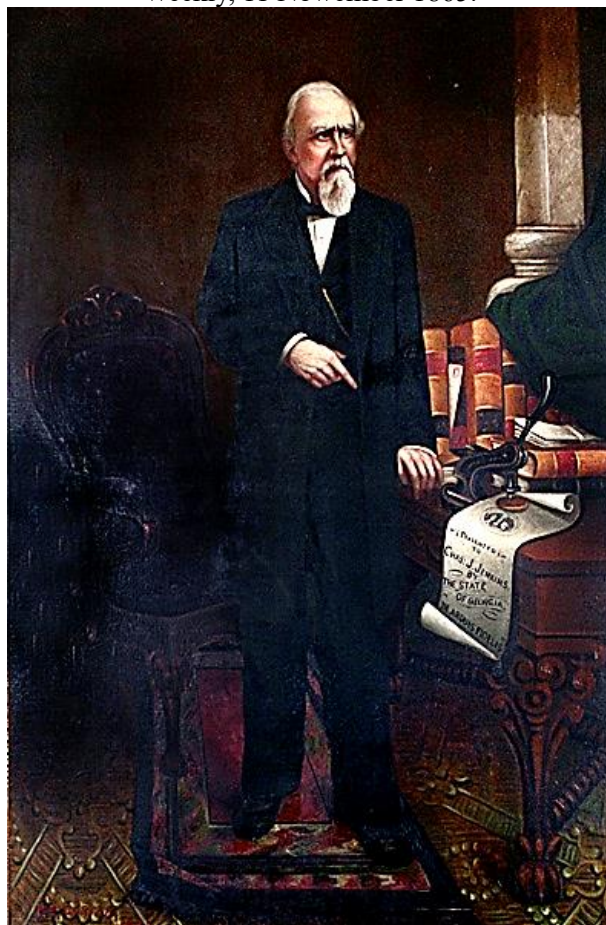

Рис. 6 Губернатор Джорджи Чарльз Дженкис.
URL: <http://www.georgiaencyclopedia.org/nge/Multimedia.jsp?id=m-9384>

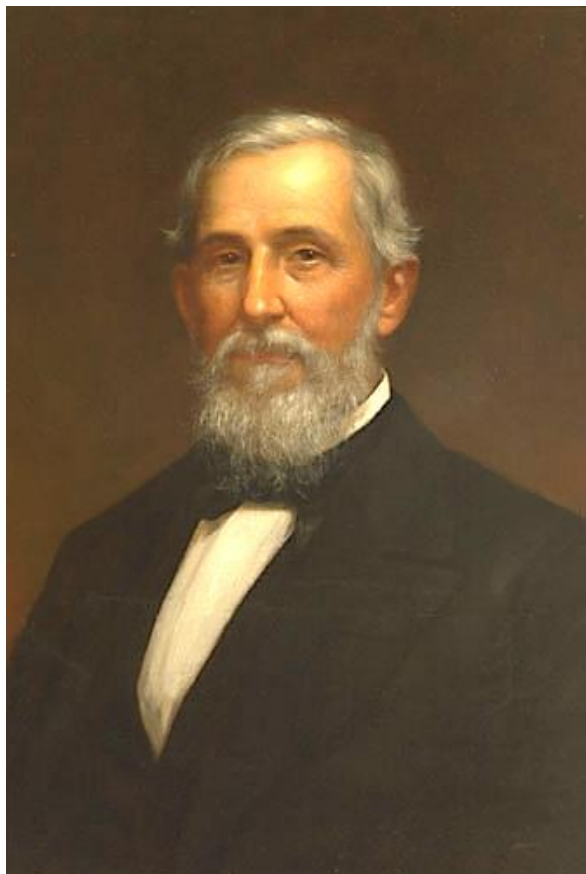

Рис. 7. Губернатор Флориды Дэвид С. Уокер. Автор неизвестен, картина подписана «R.L., 1883».

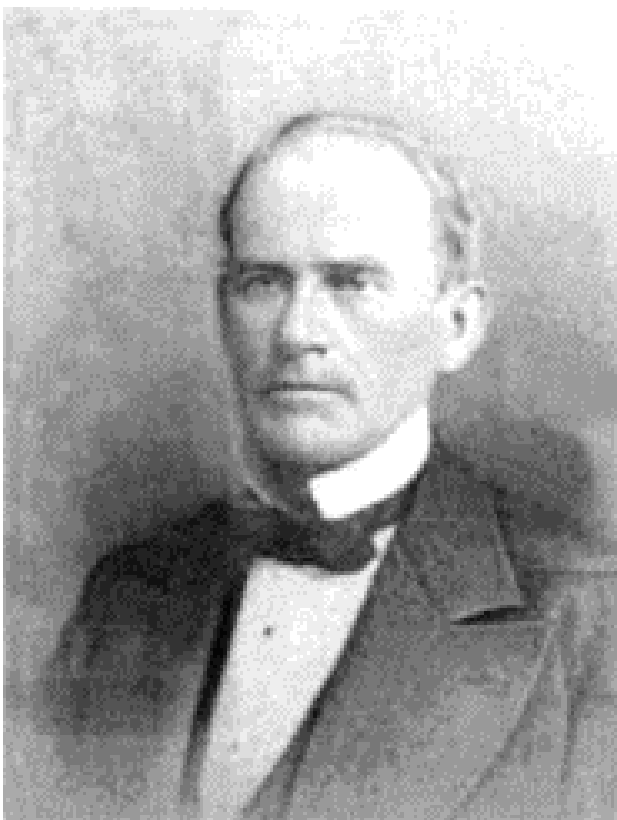

Рис. 8. Гоув Солсбери. Портрет, выполненный карандашом; 20 x 24 дюйма. Предоставлено Государственным департаментом Делавэра, отделом по историческим и культурным вопросам. Коллекция Государственных музеев Делавэра. Источник: Портретная галерея Зала губернаторов. URL: <http://regulations.delaware.gov/Tour/information/Governors/govs-19.shtml>

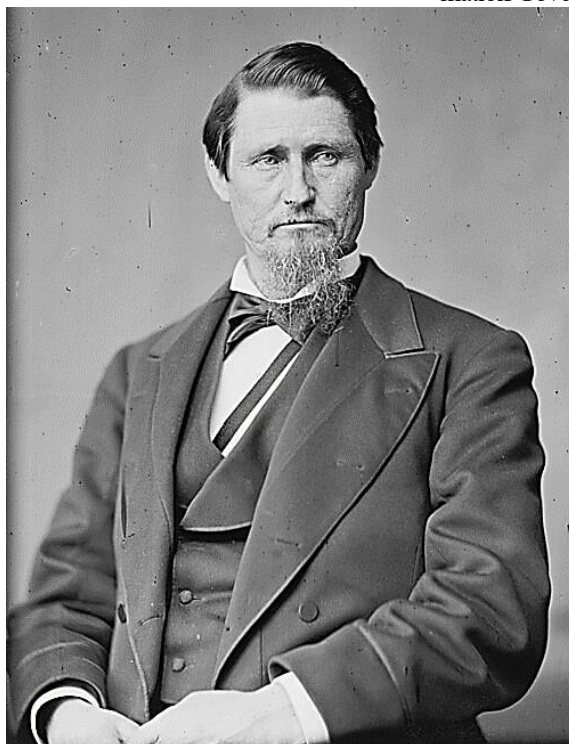

Рис. 9. Джеймс Трокмортон. Источник: Отдел эстампов и фотографий Библиотеки Конгресса США. Коллекция фотографий Брейди-Хэнди. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.pnp/cwpbh.04217>. CALL NUMBER: LC-BH832- 297

Комлякова Ю.Ю., кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА «БОЛЬШОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДА» В КОНТЕКСТЕ ВЫСТРАИВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2001-2010 гг.)

В статье рассматриваются динамика и актуальность выстраивания двусторонних энергетических отношений КНР со странами Центральной Азии в свете реализации Китаем политики «Большого освоения Запада», которая явилась ключевым инструментом развития западного региона Китая и укрепления его позиций в Центральной Азии в период 2001-2010 гг. В работе исследуются механизмы интеграции Синьцзяна в систему экономических связей с Центральной Азией, особенности реализации энергетической безопасности Китая в регионе, динамика развития торгово-экономических отношений, инвестиционная активность китайских компаний в некоторых странах Центральной Азии. Стратегия энергетической безопасности Китайской Народной Республики, ориентированная на диверсификацию источников энергоресурсов, наращивание объемов инвестиций в топливно-энергетический комплекс и активизацию геологоразведочных работ, продолжает реализовываться под руководством государственных нефтяных корпораций КНР. Одним из главных достижений в рамках укрепления двустороннего энергетического сотрудничества между Казахстаном и Китаем стало подписание рамочного соглашения о развитии всестороннего взаимодействия в сфере добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Данный шаг не только укрепляет энергетическую безопасность Китая, но и способствует экономической интеграции в Центральной Азии, повышая роль региона в глобальных энергетических потоках.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, энергетическая политика, «Большое освоение Запада», Синьцзян, Казахстан, нефтегазовый сектор, внешнеэкономическая политика, региональная интеграция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-52-63

Введение. Конец XX века для Китая стал переломным. В этот период времени руководством государства были приняты решения, оказавшие глубокое влияние на экономическое развитие и дальнейшую открытость страны в XXI веке. Одной из главных программ развития Китайской Народной Республики, повлиявшей как на развитие собственного западного региона, так и на интенсификацию отношений с центральноазиатскими государствами, непосредственно соседствующими с Китаем у его северо-западных границ (Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном) стала политика «Большого освоения Запада». Не взирая на то, что основная цель реализации данной стратегии заключалась в том, чтобы сбалансировать региональное развитие внутри самого Китая между востоком и западом страны. Реализации данной программы способствовало развитие инфраструктуры в Восточном Туркестане (части китайского Синьцзяна). Китай получил доступ к рынкам Центральной Азии, что позволило не только экспортировать товары и импортировать природные ресурсы, но и усилить контроль над вопросами

внутренней безопасности в регионе.

Объект и методы исследования. Объектом данного исследования выступает комплекс политических, экономических и энергетических отношений между Китаем и странами Центральной Азии. Предметом являются механизмы реализации китайской политики в регионе, включая развитие инфраструктуры, инвестиционное сотрудничество и энергетическую дипломатию. При написании статьи были использованы такие методы как историко-сравнительный метод — для анализа развития политики «Большого освоения Запада» и её влияния на отношения Китая со странами Центральной Азии, системный анализ — для изучения взаимосвязей между экономической, политической и энергетической составляющими китайской политики в регионе, структурный метод — для исследования институциональных аспектов взаимодействия. Комплексное применение этих методов позволило всесторонне исследовать механизмы реализации политики «Большого освоения Запада» и её влияние на энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии.

Результаты и их обсуждение. Китайская стратегия, разработанная в 1980-е годы, и основанная на «Двух великих стратегиях» Дэн Сяопина [29], предусматривала поэтапное развитие страны, сначала в восточном (прибрежном) регионе, путем ускорения реформ и открытости. Тогдашний генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Цзян Цзэминь приступил к реализации стратегии для содействия строительству четырех крупных объектов инфраструктуры, включая проекты в области гидравлики, транспорта, энергетики и телекоммуникаций, способствующие экономическому развитию западного региона Китая, после того как в 1999 году прибрежные города, такие как Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Шанхай, стали процветать благодаря производственному буму, который способствовал экономическому росту близлежащих провинций [21, с.3].

Экономическое развитие считается чрезвычайно важным фактором для поддержания политической и социальной стабильности в Китае. Его экономическая безопасность зависит от баланса трех составляющих: экономического роста, энергетической безопасности и защиты окружающей среды. В этом контексте энергетическая безопасность стала вопросом «большой политики» и национальной безопасности.

На момент начала реализации стратегии «Большого освоения Запада» (GWDD) в 1999 г. доля западного региона в притоке прямых иностранных инвестиций составляла 2,9 % [33]. Такие незначительные показатели продемонстрировали необходимость акцентуации не только на развитии внутреннего потенциала и инфраструктуры но и на необходимости выстраивания экономического взаимодействия с внешними акторами.

Еще одним фактором, повлиявшим на выстраивание отношений Китая со странами Центральной Азии посредством реализации стратегии «Большого освоения запада» стали сепаратистские движения, которые особо активно проявлялись в регионе Синьцзян (граничащим с центральноазиатскими республиками). Импульсом для подобного рода тенденций стала демографическая ситуация и исторический бэкграунд. Китайское влияние в Центральной Азии началось еще во времена династии Хань, однако реализовывалось с

переменным успехом до начала правления династии Цин. В конце 1750-х годов правительство Цин завоевало Синьцзян и предприняло меры для укрепления своего контроля, оформив Синьцзян в самостоятельную провинцию в 1884 г. [22, с. 35-38]. Следующей важной вехой в развитии данных территорий стало Илийское восстание 1944 года, которое привело к созданию Восточно-Туркестанской республики (современный Синьцзян, Китай), однако ее правительство было вынуждено покинуть страну в 1949 году под натиском китайской Народно-освободительной армии, сначала бежав в Индию, а затем в Турцию. В 1962 г. после ухудшения советско-китайских отношений десятки тысяч уйгуров, преимущественно мусульмане тюркского происхождения покидали стану. Следующая волна эмиграции была вызвана восстанием в Ичине 1997 г., по причине несогласия с политикой китайского правительства по ограничению религиозной деятельности уйгуров. В результате крупные национальные общины были сформированы в Казахстане и Турции.

Распад Советского Союза выступил одним из ключевых геополитических факторов, обусловивших интенсификацию внешнеполитических и экономических отношений Китайской Народной Республики со странами Центральной Азии, а также активизацию процессов внутренней интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в социально-экономическое пространство КНР. В рамках политики интеграции СУАР особое внимание уделялось углубленному включению неханьских этнических групп региона в структуру унитарного многоэтнического государства. Данная стратегия выполняла двойную функцию: с одной стороны, обеспечивала решение внутривнутриполитических задач (консолидацию национальной идентичности и укрепление территориальной целостности), с другой — выступала значимым фактором формирования двусторонних отношений Китая с государствами Центральной Азии. Системный подход Пекина к интеграции Синьцзяна как к комплексной цели и набору целенаправленных политических мер, сформировавшийся с 1991 года, предопределил последующую динамику развития региональных связей.

Таким образом стратегический вектор

политики КНР в отношении Синьцзяна с данного периода смещается в сторону формирования трансрегионального экономического узла. Регион призван выступить связующим звеном между западными территориями Китая и государствами Центральной Азии, что достигается посредством институционализации прямых торговых отношений с соседними странами, целенаправленного увеличения государственных капиталовложений в инфраструктурное развитие, полномасштабной эксплуатации местных нефтегазовых месторождений как ресурсной базы для укрепления региональной экономической интеграции.

В 90-е гг. XX века в Синьцзяне сохранялись проблемы с безработицей и экономикой, а Инин – политический центр бывшего Восточного Туркестана – продолжали воспринимать как центр сепаратизма. Для сдерживания подобного рода настроений Пекин активизировал усилия по развитию Синьцзяна и повышению уровня жизни населения. Китай также взаимодействовал с соседними центральноазиатскими государствами по данным вопросам. В апреле 1996 г. Китай вместе с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Россией провел первый саммит «Шанхайской пятерки», посвященный вопросам региональной безопасности и направленный на борьбу с сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом [2, с. 432-466].

В 1990-х годах в рамках политики «Большого освоения Запада» КНР инициировала комплексную стратегию, направленную на экономическую интеграцию Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) как с внутренними регионами Китая, так и со странами Центральной Азии. Данная стратегия предусматривала не только развитие торгово-экономических связей с центральноазиатскими государствами, но и обеспечение региональной безопасности, а также укрепление сотрудничества с соседними странами Центральной Азии в качестве неотъемлемого элемента внешнеполитической линии Пекина. Ключевой целью стратегии выступало использование геополитического и экономического потенциала Синьцзяна для интенсификации торгово-экономических отношений КНР со странами Центральной Азии, что соответствовало долгосрочным интересам Китая в развитии евразийских транспортных и

торговых коридоров.

После распада Советского Союза в 1991 году геополитическое положение Синьцзяна на пересечении евразийских путей перестало восприниматься как препятствие на пути к интеграции, а стало рассматриваться как важный ресурс для ее достижения.

С 1993 года все 33 приграничных уезда Синьцзяна и их крупные города, такие как Инин, Тачэн и Кашгар, пользовались теми же льготами, которые ранее предоставлялись особым экономическим зонам на восточном побережье Китая. Это сопровождалось крупными инвестициями в инфраструктуру, включая автомобильные и железные дороги, а также прямое авиасообщение с соседними Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном.

Только с 2002 года такие усилия включали в себя выделение 15 миллионов долларов на строительство автомагистрали, соединяющей Синьцзян и озеро Иссык-Куль в Кыргызстане, технико-экономическое обоснование строительства железной дороги между Кыргызстаном и Синьцзяном стоимостью 2,5 миллиона долларов, профинансированное правительством Китая, а также трехсторонний узбекско-киргизско-китайский проект по строительству железной и автомобильной дороги протяженностью 1000 километров, которая свяжет Андижан, Ош и Кашгар.

В 1993 году Китай впервые в своей истории стал страной-импортером нефти. В этой связи территория Центральной Азии стала играть ключевую роль в стратегии энергетической безопасности Пекина: во-первых, центр углеводородной промышленности Китая сместился из провинции Хэйлунцзян (где расположено богатое нефтью месторождение Дацин) в бассейны рек Ордос и Тарим в Синьцзяне. Геологическая схожесть самых западных китайских бассейнов с казахстанскими нефтяными месторождениями представляла для Китая огромный экономический интерес. Во-вторых, Центральная Азия, и, в частности, Казахстан, стала очень привлекательным местом для прямых китайских инвестиций как в разведку и разработку нефтяных месторождений, так и в строительство нефте- и газопроводов [17].

С 2001 года торгово-экономические отношения между Китаем и странами Центральной Азии значительно расширились:

товарооборот увеличился с 1,5 миллиарда долларов в 2001 году до 5,8 миллиарда долларов в 2005 году. Несмотря на рост торговых потоков, на долю Центральной Азии в начале XXI века приходилось всего 0,6 % от общего объема внешней торговли Китая. При этом на долю Китая приходилось 12 % внешней торговли постсоветской Центральной Азии. Доминирование Китая стало еще более очевидным, если рассматривать торговые данные в разрезе отдельных государств. Влияние Китая стало преобладать в странах Центральной Азии, с которыми он граничит. На долю Китая приходилось 34% внешней торговли Кыргызстана, 15% — Казахстана и 10% — Таджикистана.

85 % китайского экспорта в Центральную Азию составляли недорогие промышленные товары, в то время как более 85 % экспорта стран Центральной Азии в Китай приходится на сырье и нефть/природный газ.

Для Китая в контексте реализации западноориентированного вектора развития наиболее перспективным виделся Казахстан. Это было обусловлено тем, что вскоре после распада Советского Союза президент Казахстана Н. Назарбаев провозгласил курс на «многовекторную» внешнюю политику [12], чтобы максимально использовать свои огромные запасы углеводородов и стратегическое расположение между Китаем, Россией, Восточной Европой и Ближним Востоком. Заинтересованность Китая в обеспечении поставок углеводородов из Казахстана по внутренним маршрутам в обход морских перевозок позволила Казахстану снизить чрезмерную зависимость от российского рынка.

Интерес Китая к казахским энергоресурсам принципиально отличался от ситуации в других регионах, поскольку был связан с развитием собственной углеводородной промышленности в Китае. Наиболее перспективные, с точки зрения нефтедобычи, китайские регионы расположены в бассейнах рек Тарим и Ордос в Синьцзяне, которые имеют схожие геологические условия с Казахстаном [15]. Таким образом, западная граница Китая стала регионом, представляющим исключительный интерес для Пекина [19, с. 15-18].

Для правительства в Астане и других правительств стран Центральной Азии

установление и эффективная реализация внешнеэкономических отношений с Китаем (включая перспективы строительства газопровода) являлись ключевым элементом стратегии по снижению влияния России на их энергетические отрасли. Поскольку центральноазиатские государства не имеют выхода к морю, их единственной стратегией по коммерциализации своих энергетических ресурсов на момент обретения независимости было использование инфраструктуры российских компаний, таких как «Газпром» и «Роснефть». Новые перспективы сотрудничества являли собой альтернативный способ выхода на внешние рынки и, следовательно, возможность повышения геополитической самостоятельности стран региона [6, с. 31–39].

Информация о китайских проектах в Казахстане была крайне ограниченной до сентября 2019 года, когда Министерство промышленности и инфраструктурного развития Казахстана (МИИР) обнародовало информацию о 27 проектах, реализуемых под его эгидой [29]. Вскоре стал доступен полный список из 55 проектов, в который вошли 27 проектов из списка Министерства промышленности и инфраструктурного развития, семь — из списка Министерства сельского хозяйства, 20 — из списка Министерства энергетики и один — из списка Международного финансового центра «Астана» [26].

В 1997 году Китай и Казахстан провели первые переговоры на государственном уровне о сотрудничестве в нефтяной сфере [14]. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) приобрела 66,7% акций АО «АктобеМунайГаз» за 325 миллионов долл. США и согласилась увеличить объем инвестиций с 585 миллионов долл. США за пять лет до 4 миллиардов долл. США за 20 лет. В 2002, 2004 и 2006 годах CNPC в сотрудничестве с несколькими казахстанскими компаниями построила первый нефтепровод Казахстан — Китай и приобрела 49–50 % акций на каждом этапе строительства [4]. Первая очередь трубопровода протяженностью 962 км была введена в эксплуатацию в 2006 году [30].

С тех пор Китай инвестировал в различные казахские компании или сотрудничал с ними, в основном в сфере добычи полезных ископаемых и инфраструктуры связи. В

период с 1997 по 2012 год 20 из 28 китайских проектов в Казахстане были связаны с добычей топлива и инфраструктурой связи. Среди них 10 проектов по добыче нефти и газа и строительству трубопроводов, три телекоммуникационных проекта, три проекта по развитию транспортной инфраструктуры и четыре - Института Конфуция, на которые было потрачено не менее 30,82 млрд долларов США. Остальные восемь проектов включают в себя реконструкцию Мойнакской ГЭС, строительство предприятия по переработке продуктов питания в Цинкане [23], фермы в Алаколе (Grain.org Citation2008), трёх нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий, уранового рудника с выщелачиванием и кредит для Банка развития Казахстана.

Важной вехой в развитии энергетических отношений Китая со странами Центральной Азии стал визит главы китайского государства в Казахстан в июне 2003 года [8]. В Астане председатель КНР Ху Цзиньтао и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписали ряд двусторонних документов, которые ознаменовывали основные вехи межгосударственного взаимодействия, а также подчеркивали масштабные планы будущего взаимодействия. Одним из наиболее значимых документов, который также касался энергетической сферы стала Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Казахстан, в которой подчеркивается, что: «Стороны будут углублять сотрудничество в нефтегазовой сфере, предпринимать эффективные меры для обеспечения успешной реализации имеющихся проектов сотрудничества, и продолжат изучение проекта китайско-казахстанского нефтепровода и соответствующих проектов по освоению нефтяных месторождений, а также вопроса о возможности строительства газопровода из Республики Казахстан в Китайскую Народную Республику. Казахстанская сторона поддерживает участие китайской стороны в разведке и освоении нефтяных месторождений на шельфе Каспийского моря в Казахстане» [11].

В ходе указанного визита было заключено стратегически значимое соглашение о транспортировке энергоресурсов из Центральной Азии в Китай. Президенты Ху Цзиньтао и Нурсултан Назарбаев достигли договорённости о прокладке газопровода

«Туркменистан — Китай» через территорию Республики Казахстан. Реализация данного проекта позиционировалась как второй по масштабу энергетический проект КНР в Центральной Азии. Изначально инициатива рассматривалась как ограниченный по объёму и протяжённости проект с участием двух государств — Казахстана и Китая. Однако в ходе саммита 2003 года стороны приняли решение ускорить оценку технико-экономических параметров проекта с целью его последующего масштабирования, что отражало растущую заинтересованность Пекина в диверсификации маршрутов поставок энергоресурсов и укреплении энергетической безопасности.

Уже 18 августа 2007 года правительства Казахстана и Китая подписали Соглашение о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации газопровода Казахстан — Китай. Документ вступил в силу 8 июня 2010 года и предусматривал совместное строительство трубопровода с транзитом туркменского и казахстанского газа через территорию Казахстана в Китай [2].

Реализация данного проекта началась еще до его официального подписания - в апреле 2006 года, когда тогдашний президент Туркменистана Сапармурат Ниязов договорился в Пекине об условиях соглашения о сотрудничестве, которое предусматривало строительство прямого газопровода из Туркменистана в Китай и ежегодные поставки 30 миллиардов кубометров туркменского газа. Однако в декабре 2006 года президент Ниязов скоропостижно скончался, что поставило под сомнение реализацию этого соглашения [3].

Стратегия энергетической безопасности Китайской Народной Республики, ориентированная на диверсификацию источников энергоресурсов, наращивание объёмов инвестиций в топливно-энергетический комплекс и активизацию геологоразведочных работ, продолжает реализовываться под руководством государственных нефтяных корпораций КНР. В рамках укрепления двустороннего энергетического сотрудничества между Казахстаном и Китаем было подписано рамочное соглашение о развитии всестороннего взаимодействия в сфере добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Данный документ заложил институциональную основу для координации действий сторон по таким

направлениям как совместные геологоразведочные проекты на территории Казахстана, развитие инфраструктуры транспортировки углеводородов, обмен технологиями и инвестиционное сотрудничество в нефтегазовой отрасли, согласование долгосрочных контрактов на поставку энергоресурсов, а также с целью реализации совместных проектов по разведке, добыче, переработке и транспортировке нефти и газа на территории Республики Казахстан и Китайской Народной Республики, а также создании взаимовыгодных инвестиционных условий и получении предприятиями государств разрешений, льгот и преференций в соответствии с национальными законодательствами своих государств [10].

Для Китая одним из ключевых направлений энергетической дипломатии в рамках политики «Большого освоения Запада» стал не только импорт сырья и энергоресурсов из других стран, но и активное инвестирование в разведку и освоение нефтяных и газовых месторождений за рубежом [9].

Для Китая вопрос диверсификации углеводородных ресурсов представлял особую важность. С 2003 года КНР занимает второе место в мире (после США) по потреблению нефти [13, с. 681,701]. Кроме того, в 2004 году Китай занял третье место в мире по импорту нефти после США и Японии. Кроме того, в мае 2006 года Китай также начал импортировать сжиженный природный газ. По словам Сюэчэн Лю - старшего научного сотрудника Китайского института международных исследований: «в период с 1985 по 1995 год спрос на нефть в Китае удвоился с 1,7 до 3,4 миллиона баррелей в сутки. К 2005 году добыча снова удвоилась и достигла 6,8 млн баррелей в сутки. В результате в 2005 году Китай импортировал 2,46 млн баррелей в сутки, что составляло около 40 % его потребностей в нефти» [31]. К 2009 году объем импорта сырой нефти впервые превысил объем внутренней добычи, в результате чего зависимость от импорта составила более 50 % [32].

Принимая во внимание значительную потребность Китая в импортной нефти, сложные геополитические процессы на Ближнем востоке, а также тот факт, что 80% китайского нефтяного импорта в 90-е гг. XX в. осуществлялось через Малаккский пролив,

где существовали проблемы безопасности, необходимость диверсификации поставщиков энергоресурсов и развития северо-западного Китая стала очевидной [24]. Все эти факторы определили переориентацию внешней энергетической политики Китая на Центральную Азию и Россию. Здесь у Китая есть возможность обеспечить безопасность импорта энергоресурсов на всех этапах — от добычи до транспортировки по континентальным трубопроводам.

В этой связи уже начиная с 1997 г. Китай начал инвестировать у Казахскую нефтедобычу и основывают совместное предприятие разрабатывающее месторождения углеводородного сырья Актюбинской области на западе Казахстана CNPC (Китайская национальная нефтяная корпорация)-Актобемунайгаз. В 2002 года Китайская национальная нефтегазовая корпорация приобрела 50 % акций месторождения «Салезан» (Казахстан) [16, с. 103.]. В августе 2003 года CNPC купила 35 % акций нефтегазового месторождения «Северный Бузачи», а два месяца спустя приобрела оставшиеся 65 % у компании Chevron [34]. Далее было осуществлено приобретение PetroKazakhstan Китайской национальной нефтяной корпорацией (CNPС) в 2005 году за 4,2 миллиарда долларов США [18], а китайская группа CITIC приобрела 50 % «Каражанбасмунай» (Каражанбас). В 2006 году CNPC – PetroKazakhstan, а также в декабре 2006 года CITIC Group (Китай) приобрела компанию Nations Energy (Индонезия), получив права на разработку месторождения Каражанбас [23, с.52]. В ноябре 2007 года CNPC и «КазМунайГаз» подписали соглашение об экспорте 5 млрд кубометров газа в год в Китай. Обе компании также подтвердили двухэтапное строительство газопровода Казахстан — Китай, который является частью большого газопровода Китай — Центральная Азия [23]. В 2009 году CNPC купила 50 % «Мангистаумунайгаз». В апреле 2009 года CNPC совместно с «КазМунайГазом» приобрела «МангыстауМунайГаз» за 3,3 миллиарда долларов США, в рамках сделки CNPC предоставила «КазМунайГазу» кредитную линию на 5 миллиардов долларов [25, с. 24]. В 2013 году CNPC - долю ConocoPhillips (16.8 %) в Кашагане у «Казмунайгаза». На данный момент по разным оценкам, порядка 40 процентов добываемой в

Казахстане нефти принадлежит китайским компаниям [1, 5, 7].

Отношения в нефтегазовой сфере у Казахстана с Таджикистаном начались еще в 1992 г. с экспорта туркменского газа в КНР. В 2004 году китайская корпорация Petroleum Technology and Development и «Туркменгаз» подписали контракт на поставку оборудования на сумму 14,5 миллиона долларов, а в апреле 2006 года Китай и Туркменистан подписали соглашение о поставке 30 миллиардов кубометров туркменского газа в Китай в 2009 году [23, сс. 64-65].

Также CNPC выступила строителем и оператором узбекского участка нового много-миллиардного газопровода из Туркменистана в Китай, посредством эксплуатации которого в Китай могло поступать до 30 миллиардов кубометров среднеазиатского газа в год. В декабре 2005 года завершено строительство 1000-километрового нефтепровода, соединяющего Атасу в западном Казахстане и Алашанькоу в Синьцзяне и была произведена покупка доли в нефтяных месторождениях в западном Казахстане государственной Китайской Международной трстовой и инвестиционной корпорацией за 1,9 миллиарда долларов.

В ходе реализации отношений Китая с Туркменистаном в рамках реализации политики «Большого освоения Запада» имели место и определенные сложности. Так, из-за разницы в экономическом потенциале и структуры экспорта/импорта возникали торговые дисбалансы: Китай поставлял в основном машины, оборудование и товары широкого потребления, а Туркменистан экспортировал сырьё (газ, хлопок, цветные металлы). Это порождало дефицит торгового баланса у Туркменистана.

Двусторонние отношения осуществлялись посредством деятельности Туркмено-китайского комитета по сотрудничеству (на уровне вице-премьеров). В его структуре работали подкомитеты по торговле, энергетике, гуманитарной сфере и безопасности. К 2008 году стороны уже заключили около 70 соглашений на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях.

В Туркменистане действовало порядка 30 предприятий с участием китайского капитала, в стадии реализации находились десятки инвестиционных проектов

Заключение (выводы). Таким образом политика «Большого освоения Запада» стала ключевым инструментом развития западного региона Китая и укрепления его позиций в Центральной Азии. Реализация данной стратегии позволила не только сбалансировать региональное развитие внутри страны, но и значительно усилить влияние Китая в центральноазиатском регионе. Энергетическая безопасность выступила одним из приоритетных направлений китайской политики в регионе. Значительное увеличение импорта углеводородов из стран Центральной Азии (особенно из Казахстана) позволило Китаю диверсифицировать источники энергоресурсов и снизить зависимость от морских маршрутов поставок. Инфраструктурное развитие западного Китая и приграничных территорий стало катализатором экономического роста региона. Создание особых экономических зон, развитие транспортной инфраструктуры и открытие приграничных торговых пунктов способствовали росту товарооборота между Китаем и странами Центральной Азии. Торгово-экономические отношения между Китаем и странами Центральной Азии продемонстрировали значительный рост. Казахстан занял особое место в китайской стратегии развития региона. Значительные инвестиции CNPC в казахстанскую нефтедобычу и создание совместных предприятий позволили Китаю получить контроль над существенной частью добываемой в Казахстане нефти (около 40%). Исследование показывает, что политика «Большого освоения Запада» стала ключевым инструментом развития западного региона Китая и укрепления его позиций в Центральной Азии. Реализация данной стратегии позволила не только сбалансировать региональное развитие внутри страны, но и значительно усилить влияние Китая в центральноазиатском регионе.

Список литературы

1. Валентинова Л. Нефть Казахстана принадлежит казахстанцам в лучшем случае на треть [Электронный ресурс] // Bizmedia.kz. – URL: <https://bizmedia.kz/2024-12-02-neft-kazahstana-prinadlezhit-kazahstanczam-v-luchshem-sluchae-na-tret/> (дата обращения 26.05.2026).

2. Введение в эксплуатацию газопровода Центральная Азия – Китай [Электронный ресурс] // Китайская национальная нефтегазовая корпорация. – URL: https://www.cnpc.com.cn/ru/zytrqgdzt/zytrqgdzt_2.shtml (дата обращения 27.05.2026).
3. Габуев А.Т. Энергетическая политика Китая в Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. - № 1 (606). – 2008. – СС. 15-17. (Настоящий материал произведен иностранным агентом или касается деятельности иностранного агента, 18+).
4. Галиев А.А., Мамадалиев А.Р. Социально-экономические взаимоотношения Республики Казахстан и Китайской Народной Республики с начала 1990-х годов [Электронный ресурс] // Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение, 44(2). – URL: <file:///C:/Users/User-Lenovo/Downloads/95-Текст%20статьи-388-1-10-20210627.pdf> (дата обращения 11.06.2026). <https://doi.org/10.48371/ISMO.2021.44.2.010>
5. Грозин А. Казахстан перестал быть хозяином своих сырьевых ресурсов – эксперт [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. – URL: <https://eurasia.expert/kazakhstan-perestal-byt-khozyainom-svoikh-syrevykh-resursov-ekspert/> (дата обращения 26.05.2026).
6. Есдаулетова А. Энергетическая политика Казахстана: эволюция и тенденции // Journal of US-China Public Administration, том 6, № 4. - август 2009 г. - С. 31–39.
7. Латиф К. Китайцы в нефтянке Казахстана: угроза или вынужденная необходимость [Электронный ресурс] // Ulys Media Group. - URL: <https://ulysmedia.kz/analitika/18862-kitaitsy-v-neftianke-kazakhstana-ugroza-ili-vynuzhdennaia-neobkhodimost/> (дата обращения 26.05.2026)
8. Переговоры председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Казахстана Н. Назарбаева [Электронный ресурс] // Китайский информационный интернет-центр Информационного бюро Государственного совета. – URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2003-06/04/content_2073444.htm (дата обращения 23.05.2026).
9. Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии [Электронный ресурс] // Comparative Politics Russia 6(3(20)):85 URL: https://www.researchgate.net/publication/282796967_Comparative_Analysis_of_China's_Energy_Strategy_in_Central_Asian_States (дата обращения 27.05.2026)
10. Рамочное соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о развитии всестороннего сотрудничества в области нефти и газа (Пекин, 17 мая 2004 года) [Электронный ресурс] // ИС “Параграф”. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1048198&pos=3;156 (дата обращения 26.05.2026).
11. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Китайский информационный интернет-центр Информационного бюро Государственного совета. – URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2003-06/05/content_2073675.htm (дата обращения 23.05.2026).
12. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства - верный курс, заданный Президентом Н.Назарбаевым [Электронный ресурс] // Казинформ. – URL: https://www.inform.kz/ru/strategiya-stanovleniya-i-razvitiya-kazakhstana-kak-suverennogo-gosudarstva-vernyy-kurs-zadannyu-prezidentom-n-nazarbaevym_a2299544 (дата обращения 10.06.2026).
13. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии [Электронный ресурс] / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, на-учн. ред. – сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – 1040 с.
14. 1997 год: сентябрь [Электронный ресурс] // El.kz. – URL: https://el.kz/content-821_1269/ (дата обращения 11.06.2026).
15. Blank S. Turkmenistan and Central Asia after Niyazov [Электронный ресурс] / Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2007. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/46890/280907_Turkmenistan.pdf (дата обращения 17.06.2026).
16. Blank S., Stephen J. China, Kazakh Energy and Russia: An Unlikely Ménage à Trois // China and Eurasia Forum Quarterly, vol. 3, no. 3 (November 2005), p. 103.
17. Cesar B. Martinez Alvarez China-Kazakhstan Energy Relations Between 1997 and 2012 [Электронный ресурс] // Journal of International Affairs. - URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/news/china-kazakhstan-energy-relations-between-1997-and-2012> (дата обращения

11.06.2026).

18. CNPC Beats Off Mittal For PetroKazakhstan [Электронный ресурс] // Forbes Media. URL: https://www.forbes.com/2005/08/22/china-petrokazakhstan-mittal-cx_cn_0822autofacescan02.html (дата обращения 23.05.2026).

19. Guo S. The Business Development of China's National Oil Companies: The Government to Business Relationship in China // The Changing Role of National Oil Companies in International Energy Markets. - The James A. Baker III Institute for Public Policy, Rice University, 2007. – pp. 15-18.

20. Hongyi H. L. China's Western Development Program: Its Rationale, Implementation, and Prospects [Электронный ресурс] // 2002 SAGE Publications URL: file:///C:/Users/User-Lenovo/Downloads/Chinas_Western_Development_Program_Its_Rationale_.pdf (дата обращения 19.05.2026).

21. Kong T. Y. China's western region development strategy: promises and challenges [Электронный ресурс] // EAI Background Brief No. 1596, 20 p. - URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/2022/07/EAIBB-No.-1596-Chinas-western-region-devt-strategy-2.pdf> (дата обращения 16.05.2026).

22. Kong T.T. China's Western Region Development Strategy: Promises and Challenges [Электронный ресурс] // EAI Background Brief No. 1596 – URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/2022/07/EAIBB-No.-1596-Chinas-western-region-devt-strategy-2.pdf> (дата обращения 10.06.2026).

23. Mackerras C. China's Minorities: Integration and Modernization in the Twentieth Century [Электронный ресурс] // Hong Kong: Oxford Univ. Press. 1994. – URL: <https://archive.org/details/chinas-minorities-integration-and-modernization-in-the-twentieth-century/page/n3/mode/2up> (дата обращения 05.06.2026).

24. Peyrouse S. The Economic Aspects of the Chinese – Central Asia Rapprochement [Электронный ресурс] // Johns Hopkins University-SAIS, 1619 Massachusetts Ave. NW, Washington, D.C. 20036, U.S. Institute for Security and Development Policy, V. Finnbodav. 2, 131 30 Stockholm-Nacka, Sweden. – URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/publications/2007_peyrouse_economic-aspects-of-the-chinese-central-asia-rapprochement.pdf (дата обращения 27.05.2026)

25. Pop I. I. China's energy strategy in Central Asia: interactions with Russia, India and Japan [Электронный ресурс] // UNISCI Discussion Papers, № 24 (October / Octobre 2010). – URL: <https://www.redalyc.org/pdf/767/76715642013.pdf> (дата обращения 26.05.2026).

26. Seaman J. Energy Security, Transnational Pipelines and China's Role in Asia [Электронный ресурс] // Institut Français des Relations Internationales. – 2010. – URL: https://www.academia.edu/4460068/Energy_Security_Transnational_Pipelines_and_Chinas_Role_in_Asia (дата обращения 03.06.2026).

27. Simonov, E. Half China's Investment in Kazakhstan is in Oil and Gas [Электронный ресурс] // China Dialogue, October 29, 2019. – URL: <https://dialogue.earth/en/energy/11613-half-china-s-investment-in-kazakhstan-is-in-oil-and-gas-2/> (дата обращения 17.06.2026).

28. Strecker Downs E. China's Quest for Energy Security // Washington, D.C.: RAND Corporation, 2000. – PP. 5-16.

29. The Third Plenary Session of the 11th Central Committee of the Communist Party of China [Электронный ресурс] // Beijing Review No.52, 1978. – URL: https://www.bjreview.com/nation/txt/2009-05/26/content_197538.htm (дата обращения 26.05.2026).

30. Tjia L. Y. Kazakhstan's leverage and economic diversification amid Chinese connectivity dreams [Электронный ресурс] // Third World Quarterly. - Том 43, 2022 - Выпуск 4 - URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/01436597.2022.2027237?needAccess=true> (дата обращения 10.06.2026).

31. Xinhua. Pipeline carries Kazakh oil to China [Электронный ресурс] // *China Daily*, July 30.- 2006. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2006-07/30/content_652854.htm (дата обращения 17.06.2026).

32. Xuecheng L. China Energy Security and Its Grand Strategy [Электронный ресурс] // Stanley Foundation, Policy Analysis Brief (September, 2006), p. 3. – URL: <http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/pab06chinasenergy.pdf> (дата обращения 01.06.2026).

33. Yue Z. Strategic Change in China's Oil Policies to Further Strengthen Energy Security [Электронный ресурс] // Institute of Energy Economics of Japan (June 2010). – URL: <http://eneken.ieej.or.jp/data/3219.pdf> (дата обращения 10.06.2026).
34. Zhou G. Xibu da kaifa: Gei xibu diqu dai laile naxie bianhua? [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. – URL: http://www.stats.gov.cn/ztc/tjzdgg/hsyjh1/yjhxslh/hsfx/200911/t20091130_69166.html (дата обращения 10.06.2026).
35. Ziegler, Charles E. Competing for Markets and Influence: Asian National Oil Companies in Eurasia // Asian Perspective, vol. 32, no. 1. – 2008. - P. 146.

CHINA'S "BIG WEST DEVELOPMENT" POLICY IN THE CONTEXT OF MENDING ENERGY RELATIONS WITH CENTRAL ASIAN COUNTRIES (2001-2010)

The article examines the dynamics and relevance of building bilateral energy relations between China and Central Asian countries in light of China's implementation of the "Big West Development" policy, which was a key tool for developing China's western region and strengthening its position in Central Asia during the period of 2001-2010. The paper examines the mechanisms of Xinjiang's integration into the system of economic relations with Central Asia, the specifics of China's energy security in the region, the dynamics of trade and economic relations, and the investment activity of Chinese companies in some Central Asian countries. The energy security strategy of the People's Republic of China, which focuses on diversifying energy sources, increasing investments in the fuel and energy sector, and intensifying geological exploration, continues to be implemented under the leadership of China's state-owned oil corporations. One of the main achievements in strengthening bilateral energy cooperation between Kazakhstan and China was the signing of a framework agreement on the development of comprehensive cooperation in the extraction, transportation, and processing of oil and gas. This step not only strengthens China's energy security but also contributes to economic integration in Central Asia, increasing the region's role in global energy flows.

Keywords: China, Central Asia, energy policy, "Great Western Development," Xinjiang, Kazakhstan, oil and gas sector, foreign economic policy, regional integration.

References

1. Valentinova L. (2024) Neft' Kazahstana prinadlezhit kazahstancam v luchshem sluchae na tret' [At best, Kazakhstan's oil belongs to Kazakhstani citizens] [Elektronnyj resurs]// Bizmedia.kz. – URL: <https://bizmedia.kz/2024-12-02-neft-kazahstana-prinadlezhit-kazahstancam-v-luchshem-sluchae-na-tret/> (data obrashcheniya 26.05.2026).
2. Vvedenie v ehkspluatatsiyu gazoprovoda Central'naya Aziya – Kitaj (2026) [Commissioning of the Central Asia-China Gas Pipeline] [Elektronnyj resurs]// Kitajskaya nacional'naya neftegazovaya korporaciya. – URL: https://www.cnpc.com.cn/ru/zytrqgdzt/zytrqgdzt_2.shtml (data obrashcheniya 27.05.2026).
3. Gabuev A.T. (2008) Ehnergeticheskaya politika Kitaya v Central'noj Azii [China's Energy Policy in Central Asia]// Aziya i Afrika segodnya. - № 1 (606). – 2008. – SS. 15-17. (This material was produced by a foreign agent or relates to the activities of a foreign agent, 18+).
4. Galiev A.A., Mamadaliev A.R. (2021) Social'no-ehkonomicheskie vzaimootnosheniya Respubliki Kazahstan i Kitajskoj Narodnoj Respubliki s nachala 1990-h godov [Socio-economic relations between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China since the early 1990s] [Elektronnyj resurs]// Izvestiya. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya i regionovedenie, 44(2). – URL: <file:///C:/Users/User-Lenovo/Downloads/95-Tekst%20stat'i-388-1-10-20210627.pdf> (data obrashcheniya 11.06.2026). <https://doi.org/10.48371/ISMO.2021.44.2.010>
5. Grozin A. (2023) Kazahstan perestal byt' hozyainom svoih syr'evykh resursov – ehkspert [Kazakhstan has lost control of its natural resources – expert] [Elektronnyj resurs]// Evraziya Ehkspert. – URL: <https://eurasia.expert/kazahstan-perestal-byt-khozyainom-svoikh-syrevykh-resursov-ekspert/> (data obrashcheniya 26.05.2026).
6. Esdauletova A. (2009) Ehnergeticheskaya politika Kazahstana: ehvolyuciya i tendencii [Kazakhstan's Energy Policy: Evolution and Trends] // Journal of US-China Public Administration, tom 6, № 4. - avgust 2009 g. - S. 31–39.
7. Latif K. (2023) Kitajcy v neftyanke Kazahstana: ugroza ili vynuzhdennaya neobhodimost' [The Chinese in Kazakhstan's Oil Industry: A Threat or a Necessity] [Elektronnyj resurs]// Ulys Media Group. - URL: <https://ulysmedia.kz/analitika/18862-kitajtsy-v-neftyanke-kazahstana-ugroza-ili-vynuzhdennaia-neobkhodimost/> (data obrashcheniya 26.05.2026)
8. Peregovory pedsdatelya KNR Hu Czin'tao i prezidenta Kazahstana N. Nazarbaeva (2003)

[Negotiations between Chinese President Hu Jintao and Kazakh President Nursultan Nazarbayev] [Elektronnyj resurs]// Kitajskij informacionnyj internet-centr Informacionnogo byuro Gosudarstvennogo soveta. – URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2003-06/04/content_2073444.htm (data obrashcheniya 23.05.2026).

9. Poshtich M. (2015) Sravnitel'nyj analiz ehnergeticheskoy strategii KNR v otnoshenii stran Central'noj Azii [Comparative Analysis of China's Energy Strategy for Central Asian Countries] [Elektronnyj resurs]// Comparative Politics Russia 6(3(20)):85 URL: https://www.researchgate.net/publication/282796967_Comparative_Analysis_of_China's_Energy_Strategy_in_Central_Asian_States (data obrashcheniya 27.05.2026)

10. Ramochnoe soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii vsestoronnego sotrudnichestva v oblasti nefti i gaza (Pekin, 17 maya 2004 goda) (2004) [Framework Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Cooperation in the Field of Oil and Gas (Beijing, May 17, 2004)] [Elektronnyj resurs]// IS "Paragraf". – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1048198&pos=3;156 (data obrashcheniya 26.05.2026).

11. Sovmestnaya deklaraciya Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Kazahstan (2015) [Joint Declaration of the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan] [Elektronnyj resurs]// Kitajskij informacionnyj internet-centr Informacionnogo byuro Gosudarstvennogo soveta. – URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2003-06/05/content_2073675.htm (data obrashcheniya 23.05.2026).

12. Strategiya stanovleniya i razvitiya Kazahstana kak suverenno gosudarstva - vernyj kurs, zadannyj Prezidentom N.Nazarbaevym (2010) [The strategy of Kazakhstan's formation and development as a sovereign state is the right course set by President N. Nazarbayev] [Elektronnyj resurs]// Kazinform. – URL: https://www.inform.kz/ru/strategiya-stanovleniya-i-razvitiya-kazahstana-kak-suverennogo-gosudarstva-vernyy-kurs-zadannyj-prezidentom-n-nazarbaevym_a2299544 (data obrashcheniya 10.06.2026).

13. Ehnergeticheskie izmereniya mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii (2007) [Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia] / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, na-uchn. red. – sost. A.D. Voskresenskij. – M.: MGIMO, 2007. – 1040 s.

14. 1997 god: sentyabr' (1997) [1997: September] [Elektronnyj resurs]// El.kz. – URL: https://el.kz/content-821_1269/ (data obrashcheniya 11.06.2026).

15. Blank S. (2007) Turkmenistan and Central Asia after Niyazov [Elektronnyj resurs]// Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2007. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/46890/280907_Turkmenistan.pdf (data obrashcheniya 17.06.2026).

16. Blank S., Stephen J. (2005) China, Kazakh Energy and Russia: An Unlikely Ménage à Trois // China and Eurasia Forum Quarterly, vol. 3, no. 3 (November 2005), p. 103.

17. Cesar B. (2016) Martinez Alvarez China-Kazakhstan Energy Relations Between 1997 and 2012 [Elektronnyj resurs]// Journal of International Affairs. - URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/news/china-kazakhstan-energy-relations-between-1997-and-2012> (data obrashcheniya 11.06.2026).

18. CNPC Beats Off Mittal For PetroKazakhstan (2005) [Elektronnyj resurs]// Forbes Media. URL: https://www.forbes.com/2005/08/22/china-petrokazakhstan-mittal-cx_cn_0822autofacescan02.html (data obrashcheniya 23.05.2026).

19. Guo S. (2007) The Business Development of China's National Oil Companies: The Government to Business Relationship in China // The Changing Role of National Oil Companies in International Energy Markets. - The James A. Baker III Institute for Public Policy, Rice University, 2007. – pp. 15-18.

20. Hongyi H. L. (2002) China's Western Development Program: Its Rationale, Implementation, and Prospects [Elektronnyj resurs]// 2002 SAGE Publications URL: file:///C:/Users/User-Lenovo/Downloads/Chinas_Western_Development_Program_Its_Rationale_.pdf (data obrashcheniya 19.05.2026).

21. Kong T. Y. (2022) China's western region development strategy: promises and challenges [Elektronnyj resurs]// EAI Background Brief No. 1596, 20 p. - URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/2022/07/EAIBB-No.-1596-Chinas-western-region-devt-strategy-2.pdf> (data obrashcheniya 16.05.2026).

22. Kong T.Y. (2022) China's Western Region Development Strategy: Promises and Challenges [Elektronnyj resurs]// EAI Background Brief No. 1596 – URL:

<https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/2022/07/EAIBB-No.-1596-Chinas-western-region-devt-strategy-2.pdf> (data obrashcheniya 10.06.2026).

23. Mackerras C. (1994) China's Minorities: Integration and Modernization in the Twentieth Century [Elektronnyj resurs]// Hong Kong: Oxford Univ. Press. 1994. – URL: <https://archive.org/details/chinas-minorities-integration-and-modernization-in-the-twentieth-century/page/n3/mode/2up> (data obrashcheniya 05.06.2026).

24. Peyrouse S. (2007) The Economic Aspects of the Chinese – Central Asia Rapprochement [Elektronnyj resurs]// Johns Hopkins University-SAIS, 1619 Massachusetts Ave. NW, Washington, D.C. 20036, U.S. Institute for Security and Development Policy, V. Finnbodav. 2, 131 30 Stockholm-Nacka, Sweden. – URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/publications/2007_peyrouse_economic-aspects-of-the-chinese-central-asia-rapprochement.pdf (data obrashcheniya 27.05.2026)

25. Pop I. I. (2010) China's energy strategy in Central Asia: interactions with Russia, India and Japan [Elektronnyj resurs]// UNISCI Discussion Papers, № 24 (October / Octubre 2010). – URL: <https://www.redalyc.org/pdf/767/76715642013.pdf> (data obrashcheniya 26.05.2026).

26. Seaman J. (2010) Energy Security, Transnational Pipelines and China's Role in Asia [Elektronnyj resurs]// Institut Français des Relations Internationales. – 2010. – URL: https://www.academia.edu/4460068/Energy_Security_Transnational_Pipelines_and_Chinas_Role_in_Asia (data obrashcheniya 03.06.2026).

27. Simonov, E. (2019) Half China's Investment in Kazakhstan is in Oil and Gas [Elektronnyj resurs]// China Dialogue, October 29, 2019. – URL: <https://dialogue.earth/en/energy/11613-half-china-s-investment-in-kazakhstan-is-in-oil-and-gas-2/> (data obrashcheniya 17.06.2026).

28. Strecker Downs E. (2000) China's Quest for Energy Security // Washington, D.C.: RAND Corporation, 2000. – PP. 5-16.

29. The Third Plenary Session of the 11th Central Committee of the Communist Party of China [Elektronnyj resurs]// Beijing Review No.52, 1978. – URL: https://www.bjreview.com/nation/txt/2009-05/26/content_197538.htm (data obrashcheniya 26.05.2026).

30. Tjia L. Y. (2022) Kazakhstan's leverage and economic diversification amid Chinese connectivity dreams [Elektronnyj resurs]// Third World Quarterly. - Tom 43, 2022 - Vypusk 4 - URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/01436597.2022.2027237?needAccess=true> (data obrashcheniya 10.06.2026).

31. Xinhua (2006) Pipeline carries Kazakh oil to China [Elektronnyj resurs]// China Daily, July 30.- 2006. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2006-07/30/content_652854.htm (data obrashcheniya 17.06.2026).

32. Xuecheng L. (2006) China Energy Security and Its Grand Strategy [Elektronnyj resurs]// Stanley Foundation, Policy Analysis Brief (September, 2006), p. 3. – URL: <http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/pab06chinasenergy.pdf> (data obrashcheniya 01.06.2026).

33. Yue Z. (2010) Strategic Change in China's Oil Policies to Further Strengthen Energy Security [Elektronnyj resurs]// Institute of Energy Economics of Japan (June 2010). – URL: <http://eneken.ieej.or.jp/data/3219.pdf> (data obrashcheniya 10.06.2026).

34. Zhou G. (2009) Xibu da kaifa: Gei xibu diqu dai laile naxie bianhua? [Elektronnyj resurs]// National Bureau of Statistics. – URL: http://www.stats.gov.cn/ztjc/tjzdgg/hsyjh1/yjhxslh/hsfx/200911/t20091130_69166.html (data obrashcheniya 10.06.2026).

35. Ziegler, Charles E. (2008) Competing for Markets and Influence: Asian National Oil Companies in Eurasia // Asian Perspective, vol. 32, no. 1. – 2008. - P. 146.

Об авторе

Комлякова Юлия Юрьевна - доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. E-mail: komlyakova@bsuedu.ru

Julia U. Komlyakova - PhD in history, Associate Professor of the chair of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. E-mail: komlyakova@bsuedu.ru

Костров А.В., доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия);

Лахтюк С.А., магистр истории, научный сотрудник, Иркутский историко-мемориальный музей декабристов (Россия);

Елохина Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет (Россия).

ОБРАЗ ШВЕЙЦАРСКОГО НАЁМНИКА XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВВ. В СИНХРОННЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В статье на основе методов визуальной антропологии предпринимается анализ образа швейцарского наёмника в изобразительных источниках XIV – первой половины XVII вв. Прежде всего к ним относятся иллюстрации хроник, живописные произведения и гравюры, в которых нашли своё отражение разные сюжеты истории и быта представителей этой специфической социокультурной группы. Обращение к ним позволяет выявить многие вопросы, которые нашли слабое отражение в письменных источниках эпохи. Кроме прочего это такие важные аспекты социальной психологии как самовосприятие и самопозиционирование, а также восприятие представителями других групп населения. Делается вывод, что в синхронных визуальных материалах нашли своё отражение история наёмничества, разные стороны военного и гражданского быта его представителей, а также характер его внешних рефлексий и саморефлексий. При этом проявилось выраженное стремление наёмников обозначать границы своей интегрированной группы разными маркерами. И если крест на одежде мог выступать в качестве религиозного, территориально-национального и тактического, а хорошее оружие в качестве профессионального, то богатая и даже роскошная одежда – в качестве социального символа.

Ключевые слова: швейцарский наёмник, наёмничество, визуальная антропология, изобразительные источники, иллюстрации хроник, живопись, гравюра.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-64-72

Введение. В реконструкции сложных социокультурных феноменов большую роль играет анализ образа героя, как человека, через которого этот феномен реализуется. В этом смысле важно понимать разные вопросы, связанные как с самовосприятием и самопозиционированием, так и с восприятием другими представителями общества. Применительно к швейцарским ополченцам и наёмникам подобные презентации нашли отражение не только в письменных источниках [6-7, 18], но и в достаточно информативных визуальных материалах. Прежде всего, это иллюстрации хроник, живописные произведения и гравюры. И если письменные источники подвергались всестороннему анализу [1-3, 15], то изобразительные материалы требуют своего историко-антропологического осмысления. В связи с этим возникает вопрос: каким образом отражался и эволюционировал образ швейцарского наёмника в «зеркале культуры» своего времени?

Объекты и методы исследования. Визуальные материалы, отражающие швейцарских наёмников XIV – XVII вв. делятся на

синхронные и поздние. Подобное разделение опирается на критерий периодизации создания, которое может совпадать с хронологическими рамками исследования, или выходить за них.

Синхронные источники созданы современниками в XIV – первой половине XVII вв., а поздние потомками в последующее время. Каждая из этих групп имеет свою специфику и уровень информативности. Синхронные материалы визуализируют самопозиционирование швейцарского воина эпохи, его восприятие современником (художником) и презентацию на созданном произведении искусства. Таким образом, они в полном смысле выступают как изобразительный исторический источник и способны заметно обогатить источниковую базу исследования этого феномена. Поздние материалы отражают рефлексии в сменяющие друг друга последующие эпохи. Их создатели опирались как на синхронные текстовые и визуальные свидетельства, так и на стереотипы, имеющие место в их время. Поэтому они в большей мере являются источниками не по истории интересующего вопроса, а по характеру

развития стереотипов о нём в более поздние времена. Это позволяет, с известными оговорками, сравнить поздние материалы с историографией. «Послойная расчистка» подобного художественного наследия позволяет выявить логику последующего развития стереотипов и, соответственно, приблизиться к более адекватному анализу и синхронных источников и самого феномена.

Известно, что от научного исследования художественное произведение отличается основной целью. У первого это реконструкция объективной реальности в её динамике, у второго это воплощение художественного образа. Тем не менее, многие визуальные материалы эпохи (эпох), несмотря на соответствующие стилизации, претендуют на документальность и стремятся донести информацию о том, что изображено. Поэтому в данном случае нас не интересует искусствоведческий анализ этих произведений. В центре нашего внимания информативный потенциал синхронных изображений с точки зрения исторического источниковедения и визуальной антропологии. И если источниковедение предлагает специфические подходы к классификации и анализу изобразительных материалов, которые выделяются в отдельный тип источников, то визуальная антропология реализует прикладные подходы, связанные с препарированием художественного или технического фиксирования социальной реальности. При этом, в силу специфики темы, нас интересует не теория и практика технического (фото и видео) фиксирования человека в среде его существования (естественном и искусственном пространстве), как и не рассмотрение уже существующих технических (фотографий и видеосюжетов) впечатлений реальности. В силу хронологии темы нас интересует раздел визуальной антропологии, в центре внимания которого находится анализ образов, зафиксированных в соответствующую эпоху с помощью произведений изобразительного искусства.

В основу видовой классификации привлекаемых материалов ложится жанровый подход, выделяющий для отдельного рассмотрения иллюстрации хроник, портреты и сюжетные композиции (батальные и другие сцены). С точки зрения технологии исполнения они делятся на рисунки в смешанной технике, живописные

произведения и гравюры.

Периодизация рассматриваемых визуальных источников совпадает с основными эпохами развития швейцарского наёмничества в XIV – середине XVII вв. Первый этап (XIV в. – 1515 г.) в хронологическом смысле включает в себя расцвет швейцарского наёмничества вплоть до битвы при Мариньяно 1515 г., где швейцарская армия, сражавшаяся на стороне Милана потерпела первое крупное поражение. В изобразительных источниках этот период, несмотря на существование единичных портретов и отдельных сюжетных произведений, можно в полном смысле этого слова назвать «хроникальным» [6]. Это вызвано тем, что наиболее информативными источниками того времени были хроники и их иллюстрации. Для второго этапа (1515 г. – середина XVII в.) характерен регресс феномена швейцарского наёмничества. В это время, озаменованное тиражированием результатов европейского Возрождения, происходит развитие живописи (портретной, батальной и др.) и гравёрного дела.

Помимо классификации изобразительных материалов, а также периодизации их появления и функционирования, важным вопросом является проблема авторства. Нам известно большинство имён художников, которые иллюстрировали хроники или создавали отдельные произведения искусства. Так, авторы хроник чаще всего также выступали и как их иллюстраторы [1, с. 112]. То есть текстуальный и визуальный компоненты, дополняющие друг друга, создавались одним человеком. В частности, это швейцарцы Диболд Шиллинг Младший, Генрих Томанн и др. Соответственно, швейцарские военные являлись для них или «своими», как в большинстве швейцарских хроник (Хроника Шпица, Хроника Шахтлана, Хроника Генриха Томанна, Люцернская хроника и др.) или прямыми заказчиками, как в ряде портретов. Более того, нам известен сюжет, в котором в качестве художника выступил один из представителей этой группы [6]. Это гравюра «Швейцарские наёмники и куртизанка», которую в 1524 г. создал Урс Граф Старший [19]. Он заметно идеализирует образ своих коллег, представляя их в выгодном свете. Известен и обратный пример. Последователь швейцарского реформатора Ульриха Цвингли

Николаус Мануэль, проповедовавший отказ от наёмничества, в 1514 г. создал картину «Аллегория войны» [16]. На ней он изобразил собирательный образ наёмника, лицо и голова которого проткнуты стрелой. При этом одна его половина одета в пышные одежды, а другая предстаёт в образе обросшего нищего в дырявом одеянии. Очевидно, что подобный антивоенный месседж отражает противоречивое отношение к этому феномену на рубеже эпох даже в самом швейцарском обществе.

Результаты и их обсуждение. В хрониках разных швейцарских кантонов ополченцы и вышедшие из их среды наёмники предстают в образе динамичной группы, которая прославлена участием в разных военных сюжетах. Это могли быть разные этапы пути представителей группы: сбор отряда перед походом, встреча с заказчиком, поле боя как основное поприще и т. д. Например, иллюстрация «Райслойферы из Люцерна, направляются в Ури на общий сбор для дальнейшего продвижения в Милан. 1509 год» [12] из Люцернской хроники Диебольда Шиллинга младшего, созданная в 1513 году, презентует отправление отряда на небольшом корабле в место сбора. На фоне местной природы, представляющей собой поросшую лесом пересечённую местность с разными строениями, изображено несколько десятков вооружённых людей, стоящих на небольшом корабле. Они одеты в схожую одежду, характерную для мужчин этого региона. При этом у всех она имеет разную расцветку (доминируют белый, синий, красный и жёлтый цвета). То есть нет единой военной формы или индивидуальных маркеров принадлежности к группе. Их функцию выполняет одежда, распространённая в этом кантоне, одинаковое оружие (все вооружены пиками), а также общий знак в виде полосатого зелёно-красного треугольного флага с белым крестом. Этот флаг держит человек, который стоит на корме и, очевидно, является руководителем отряда, так как он имеет явные отличия от других. Он единственный, кто одет в защитную кирасу и также единственный, на шляпе которого имеются три пышных пера, которые, скорее всего, выступают как военный иерархический символ. Рядом с ним стоит барабанщик и флейтист, играющие на

своих инструментах. Это «озвучивает» иллюстрацию, погружая в атмосферу события.

Свидетельством другого этапа пути швейцарских военных является иллюстрация «Французский король Людовик XI приветствует швейцарских наёмников в августе 1480 года перед Шалон-сюр-Сон» из Люцернской хроники Диебольда Шиллинга Младшего [11]. От этого события до создания изображения прошло 33 года, его автор не был очевидцем и опирался на те образы, которые видел сам в Люцерне. Символически показан Париж, в крепостных воротах которого король стоит и встречает длинную колонну швейцарцев. Последние одеты в разноцветную одежду и вооружены пиками, мечами и кинжалами. В центре композиции знаменосцы с перьями на шляпах, которые вместе несут 8 разных флагов. Не исключено, что таким образом показаны командиры отрядов, пришедших из разных земель. Практически каждый воин, изображённый на иллюстрации, имеет на своей одежде белый крест.

Представляет интерес такая иллюстрация Люцернской хроники Диебольда Шиллинга Младшего как «Миланский герцог Людовико Сфорца по прозвищу «Иль Моро» передан французским войскам своими швейцарскими наемниками после осады Новары» [9]. На ней показаны два больших сборных (о чём говорит множество флагов в каждом из них) отряда, представляющие миланское (левая сторона) и французское (правая сторона) войско. Поскольку французская и миланская армии состояли в основном из швейцарских наемников, и они хотели предотвратить братоубийственную битву, французский король разрешил швейцарцам из состава миланского войска свободно уйти. И если на предыдущих изображениях показана только пехота, то здесь, помимо неё показаны два всадника, которые имеют отношение к командованию отрядами. При этом всадник на левой (миланской) стороне поднял руки. На первом плане изображены два человека, идущие от миланской к французской стороне. Один из них в латах и с алебардой на плече, а также с белым крестом на ноге. Очевидно, что это один из руководителей швейцарских наёмников. Второй – это герцог, он единственный, кто не имеет лат, а также не маркирован крестом. Таким образом, если на предыдущих

иллюстрациях все (или почти все) одеты в гражданскую одежду, то здесь все (или почти все) облачены в доспехи, а вооружение показано более многообразно – помимо пика также изображены алебарды и меч. На флагах французской стороны, а также на одежде фигур первого плана начертаны прямые белые кресты. Очевидно, что применительно к одному из двух отрядов, белый крест – это одновременно групповой и тактический маркер.

Таким образом, иллюстраторы швейцарских хроник презентуют разные этапы движения наёмников. В начале пути это обычно одетые мужчины «налегке» из одной территории (один флаг) с простым вооружением в виде пика, среди которых латами выделяется только тот, кто их ведёт. В середине пути, когда уже собрано много территориальных отрядов под своими флагами. На поле предстоящей битвы они уже в латах и с разнообразным оружием. Более того, показана ситуация, когда выходцы из швейцарских Альп включены не только в разные, но и в противоборствующие европейские армии.

Апофеозом истории швейцарских военных и её отражением в визуальных источниках являются битвы и баталистика. В «хроникальный» период подобных картин довольно много [18]. Из известных иллюстраций – «Швейцарское ополчение в битве при Моргартене», которая содержится в «Иллюстрированной хронике Бенедикта Чахтлана. 1431 г.» [5]. На ней рядом с густым лесом и оврагом, заполненным тёмной водой, происходит битва между героическим швейцарцем и многочисленными врагами. Он имеет шляпу с пером, вооружён алебардой и противостоит сразу четверым противникам. При этом в овраге обозначены поверженные им оппоненты, которые, как и атакующая четвёрка, и как войска, идущие к ним из леса, маркированы красными косыми крестами. Сторона героя, а именно воины, идущие ему на помощь, как и их флаг, маркированы белыми прямыми крестами. Таким образом презентуется героизм швейцарских ополченцев, лучшие из которых могли противостоять сразу нескольким рыцарям и выходить из подобного боя с победой.

Другим любопытным произведением, позиционирующим швейцарцев не только как воинов, но и как религиозных людей

является иллюстрация Хроники Шпица (1485 г.) «День Благодарения на поле боя после битвы при Лаупене» [8]. На ней изображён отряд сразу после большой битвы. Он находится посреди моря убитых людей и лошадей и всё ещё сохраняет построение баталией. Его бойцы вооружены пиками и алебардами, стоят на коленях с поднятыми к нему руками, чем подчёркивается их благодарственная молитва за победу. На переднем плане люди, чьи головные уборы отличаются украшениями из разноцветных перьев. Помимо статусных маркеров у группы имеются и коллективные – это пять разных знамён, которые говорят о швейцарских землях, выставивших воинов. Вообще подобная апелляция к религиозности наёмников скорее является попыткой формирования светлого образа, несмотря на все ужасы войны. То есть хронист выступает как союзник и не отказывает им в христианской добродетели и возможности спасения.

Конец пути наёмного отряда показан на иллюстрации Люцернской хроники Диеболда Шиллинга Младшего «Швейцарские райслёйферы пересекают Альпы», созданной в 1513 г. [10]. На ней изображены швейцарцы, которые тайно возвращаются домой по узким горным тропам после того, как получили вознаграждение от французского короля. Они идут «налегке» без лат, вооружены мечами, пиками и алебардами. Характерно, что наряду с 13 мужчинами также изображена одна женщина, которая идёт с ними. Так открывается одна из сторон военного быта, которая обычно не отражается в сохранившихся письменных источниках.

К началу второго этапа истории экспорта швейцарской военной силы, а именно с начала XVI в. её образ начинает всё чаще отражаться в живописных и гравюрных портретах. Это связано как с текущей возрожденческой индивидуализацией сознания, так и с тем, что швейцарский наёмник к тому времени уже стал культурным героем для одной части общества и антигероем для другой. Более того, став относительно интегрированной социальной группой, наёмники, тем не менее, включали представителей разных профессий, в том числе художников. Поэтому после начала XVI в. мы видим произведения, на которых презентуется личность наёмника.

Образ, создаваемый индивидуальными и групповыми портретами, написанными самими наёмниками, можно назвать собирательным социокультурным автопортретом. Они показывают самопрезентацию представителей группы, то есть то, как они воспринимали себя и какими хотели выглядеть перед друг другом и перед другими. Примером подобного позиционирования может быть живописный парадный портрет швейцарского наёмника и художника Никлауса Мануэля Дойча Младшего, созданный в начале XVI в. [17]. Как и другие подобные произведения, он содержит изображение в рост, так как, во-первых, для воина важно всё его тело, а во-вторых, наёмники любили презентовать себя не только оружием, но и роскошной одеждой. Помимо яркого одеяния изображённого молодого человека отличают аккуратные усы и борода, а также причёска. Непременными атрибутами выступают уверенно удерживаемая алебарда, меч и кинжал, висящие на поясе. Герой стоит на фоне широкой перспективы, включающей горы, леса, города и море, по которому плывут корабли. В небе изображён косяк перелётных птиц. Так подчёркивается широкая география деятельности, а также её командный (артельный) и «перелётный» (истoki закрепившегося в конце XVII в. уже по отношению к ирландцам на службе французского короля прозвища «дикие гуси») характер. При этом наёмник стоит на крепкой основе из отёсанных камней. Дополняют картину такие символы как герб, обозначающий принадлежность, и собака у ног, обозначающая верность. Подобная аллегорическая живопись не нуждается в хроникальном тексте и представляет собой отдельное информативное произведение.

К коллективным портретам, созданным художником-наёмником, относится гравюра Урса Графа Старшего, созданная в 1524 году [19]. На ней изображены два героя, которые разговаривают между собой возле толстого дерева на фоне гор и города. Их осанка горделива, икры ног нарочито рельефны, в чём отразилась мужская мода того времени, а одежда и оружие вычурно красивы. Подле них сидит красиво одетая куртизанка, которая держит на коленях щенка как символ её покорности. На ветвях дерева над наёмниками фатальный символ – смерть, которая

указывает на песочные часы и держит на руке ворона. То есть вместе с красотами этой жизни (достаток, красивые оружие, одежда, куртизанки и др.) эта аллегория указывает на её скоротечность и близость конца. Характерно, что именно рискованность подобного образа жизни актуализировала тягу к роскоши у представителей этой социальной группы.

Это подтверждается другим произведением подобного жанра. На гравюре Ганса Гольбейна Младшего, созданной в 1525 году, также два наёмника [13]. И если один из них молодой, то второй зрелый. Этим подчёркивается не только родовое и профессиональное наставничество, которое существовало в подобных военных артелях, но и возможность дожить до зрелости, несмотря на очень бурную жизнь, полную опасностей. Мужчины одеты традиционно богато и красиво. На них чулки, облегающие икры, многослойные панталоны с вырезами и завязками, рубахи с очень широкими рукавами, на которых в соответствии с модой эпохи также имеются красивые складки, вырезы и другой декор. Поверх одеты изящные кирасы тонкой работы. На головах шляпы с перьями страуса, а в руках непереносимое оружие. Последнее, особенно меч и кинжал, находящиеся на боках зрелого наёмника, красиво украшено. Как и в предыдущей гравюре их позы очень динамичны, что могло символизировать крайне активную жизнь изображённых. Фоном композиции служит среда, породившая этих героев – Альпы и крыши одного из швейцарских городков. В центре геральдический щит, а по бокам и сверху барочные колонны и арка. Таким образом, перед нами предстают положительные герои, которых отличает смелость и военные навыки, активная жизнь и роскошь.

Не всё швейцарское общество воспринимало наёмников так положительно. Свидетельством этого является произведение Николаса Мануэля «Аллегория войны», которое он создал в 1514 году [16]. Этот художник, как уже отмечалось, поддерживал Ульриха Цвингли в его проповедях против наёмничества. Он создал не только собирательный образ швейцарского наёмника как человека войны, но и одновременно нищего как её жертву. В центре композиции находится

человек с арбалетным болтом (стрелой) в голове. Он разделён на две части, посредством которых показывается парадная и разрушительная суть вооружённых конфликтов. При этом стрела уравнивает и красиво одетого наёмника с мечом, и оборванного нищего с посохом. Кроме прочего этим подчёркивается, что сиюминутное богатство быстро переходит в необеспеченность и смерть.

На фоне заката швейцарского наёмничества в начале XVII в. стали появляться полотна, ориентированные или на ополченское прошлое швейцарских наёмников или на их критику. В первом случае акцент стал смещаться на актуализацию историй, связанных не с иностранной службой и победами, а с примиренческими сюжетами, в которых проявилась общешвейцарская идентичность. Имеется в виду иллюстрация «Каппельский молочный суп» из Хроники Генриха Томанна 1606 г. [14]. Она посвящена Первой Каппельской войне 1529 г., в результате которой швейцарцы разных кантонов в лице солдат противоборствующих сторон примирились. Символом этого национального примирения стал молочный суп, как блюдо, которое имело место у швейцарцев горных и равнинных кантонов. Поэтому в центре изображена большая чаша, из которой едят воины двух армий. Часть из них только в одежде, другая в доспехах, но оружие отложено в сторону. Так исторически, ментально и визуально проявилась социальная функция совместной трапезы, которая, к тому же, основана на

знаковом блюде для этой общности.

В определённом смысле точку в визуальной истории швейцарского наёмничества ставит полотно «Иностранные услуги» неизвестного художника, созданное около 1625 года и хранящееся в Швейцарском национальном музее (г. Цюрих) [4]. На нём представлена аллегория предосудительности наёмничества и системы оплаты военного предпринимательства XV – начала XVII вв. Наёмник, одетый в характерные одежды и прикованный золотой цепью к воротам княжеского двора, как пёс охраняет местную элиту, включающую светских и церковных сановников. При этом у него находится большой мешок, наполненный золотыми монетами, а иностранные правители, стоящие перед ним, готовятся ещё больше наполнить этот и без того огромный кошелёк.

Заключение. Можно сделать вывод, что в синхронных визуальных материалах нашли своё отражение история наёмничества, разные стороны военного и гражданского быта его представителей, а также характер его внешних рефлексий и саморефлексий. При этом проявилось выраженное стремление наёмников обозначать границы своей интегрированной группы не только флагами, но и другими маркерами. И если крест на одежде мог выступать в качестве религиозного, территориально-национального и тактического, а хорошее оружие в качестве профессионального, то богатая и даже роскошная одежда – в качестве социального символа.

Список литературы

1. Давыдов А. Г. и др. Воинские традиции швейцарского средневековья. Н. Новгород : «Поволжье», 2013. 312 с.
2. Костров А. В., Лахтюк С. А. Генезис швейцарского милитаризма в эпоху Реформации // Вестник Брянского государственного университета. 2020. №1 (43). С. 76-85.
3. Лахтюк С.А., Костров А.В., Саитгареев Р.Р. Геополитический фактор развития швейцарского милитаризма в контексте военного предпринимательства XIV-XVI вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. №2. С. 102-110
4. Allegorie auf das Söldnerwesen, 1625. [Elektronische Ressource]. // Zürich. Schweizerisches <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/008608/2023-10-31/> (дата обращения: 21.04.2026).
5. Bendicht Tschachtlan. Schlacht am Morgarten 1315 (mit Hofnarr Kuoni von Stocken). [Elektronische Ressource]. // Tschachtlanchronik. Zentralbibliothek Zürich, 1470. S. 110. URL: <https://picryl.com/media/bendicht-tschachtlan-die-schlacht-am-morgarten-c-1470-e1308b> (дата обращения: 21.04.2026).
6. Carl Pfaff. Bilderchroniken. [Elektronische Ressource] // Historisches Lexicon der Schweiz (HLS). URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/011210/2004-09-01/> (дата обращения: 20.12.2022).
7. Diebold Schilling der Jüngere. Luzernerchronik. [Elektronische Ressource].// e-codices –

Virtuelle Handschriftenbibliothek der Schweiz. 688 s. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (дата обращения: 22.12.2022).

8. Diebold Schilling der Ältere. Actions de grâce sur le champ de bataille après la bataille de Laupen. [Elektronische Ressource]. // Schilling Spiezer Chronik. Luzern, 1485, S. 282. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/419/Sequence-1291> (дата обращения: 21.04.2026).

9. Diebold Schilling der Jüngere. Der Mailänder Herzog Ludovico Sforza, genannt "il moro", wird nach der Belagerung von Novara von seinen Schweizer Söldnern den französischen Truppen übergeben. [Elektronische Ressource]. // Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern, 1513. S. 418. Pergament. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/419/Sequence-1291> (дата обращения: 27.04.2024).

10. Diebold Schilling der Jüngere. Schweizer Reisläufer ueberqueren die Alpen. [Elektronische Ressource]. // Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern, 1513. S. 327. Pergament. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (дата обращения: 21.04.2026).

11. Diebold Schilling der Jüngere. König Ludwig XI. von Frankreich begrüßt im August 1480 Schweizer Söldner. [Elektronische Ressource]. // Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/279/Sequence-1291>. Luzern, 1513. S. 278. Pergament. (дата обращения: 27.04.2024).

12. Diebold Schilling der Jüngere. Reisläufer aus Luzern reisen nach Uri zu einer Generalversammlung für den weiteren Vormarsch nach Mailand, 1509 Jahr. [Elektronische Ressource]. // Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern, 1513. S. 627. Pergament. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/623/Sequence-1291> (дата обращения: 27.04.2024).

13. Hans Holbein the Younger. Two Swiss Mercenaries, design for a Stained Glass Window, 1525. [Electronic resource]. // Christian Müller; Stephan Kemperdick; Maryan Ainsworth; et al, Hans Holbein the Younger: The Basel Years, 1515–1532. Munich: Prestel, 2006. URL: <https://picryl.com/media/two-swiss-mercenaries-design-for-a-stained-glass-window-workshop-of-hans-holbein-c1309f> (дата обращения: 21.04.2026).

14. Heinrich Thomann. Kappeler Milchsuppe 1531. [Elektronische Ressource]. // Heinrich Thomann Chronik. Lehrmittelverlag Zürich (ZB Zürich). Zürich, 1606. URL: <https://picryl.com/media/kappeler-milchsuppe-zb-602d65> (дата обращения: 21.04.2026).

15. Hitz B. Kämpfen um Sold. Eine Alltags- und Sozialgeschichte schweizerischer Söldner in der Frühen Neuzeit. Köln: Böhlau, 2015. 370 s.

16. Niklaus Manuel Deutsch. Allegorie eines Kriegers, der zum Bettler wird. [Elektronische Ressource]. // Kunstsammlungen und Museen Augsburg, Augsburg 1514. URL: <https://i.pinimg.com/736x/88/7d/23/887d23ee1dfa62d9fd7ec9dbb4760fb4.jpg>. (дата обращения: 21.04.2026).

17. Porträt von Niklaus Manuel Deutsch dem Jüngeren, Schweizer Reisläufer und Künstler. [Elektronische Ressource]. // Bernisches Historisches Museum. Bern, 1553. URL: <https://picryl.com/media/niklaus-manuel-1553-91503c> (дата обращения: 21.04.2026).

18. Rohde M. Urs Graf (der Ältere). [Elektronische Ressource] // Historisches Lexicon der Schweiz (HLS). URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/018294/2005-12-01/> (дата обращения: 19.12.2022).

19. Urs Graf. Zwei Reisläufer und eine Kurtisane, 1524. [Elektronische Ressource]. // Abenteuer Schweiz. Geschichte in Jahrhundertschritten. Lausanne, 1991. S. 132. URL: <https://picryl.com/media/urs-graf-reislaeufer-1-d6d840> (дата обращения: 21.04.2026).

THE IMAGE OF A SWISS MERCENYOR OF THE 14TH – FIRST HALF OF THE 17TH CENTURIES IN SYNCHRONOUS VISUAL SOURCES

Using anthropology methods, the present article analyzes the image of the Swiss mercenary in visual sources from the 14th to the first half of the 17th centuries. These include primarily chronicle illustrations, paintings, and engravings, which reflect various narratives about the history and everyday life of this specific socio-cultural group. The examination reveals a number of issues poorly reflected in the written sources of the epoch. The mentioned issues include important aspects of social psychology such as self-perception and self-positioning, as well as the perception of other groups. It is concluded

that the synchronic visual materials depict the history of mercenary, various aspects of the military and civilian lives of its representatives, and the nature of their external reflections and self-reflection. Furthermore, a pronounced tendency on the part of mercenaries to delineate the boundaries of their integrated group using various markers was evident. While a cross on clothing could serve as a religion, territorial, national, and tactical symbol, and a good weapon as a professional one, rich and even luxurious clothing served as a social symbol.

Keywords: Swiss mercenary, mercenary, visual anthropology, pictorial sources, chronicle illustrations, painting, engraving.

References

1. Davydov A. G. i dr. (2013) Voinskie tradicii shvejcarskogo srednevekov'ya [Military Traditions of the Swiss Middle Ages]. N. Novgorod: "Povolzh'e". 312 s.
2. Kostrov A. V., Lakhtyuk S. A. (2020) Genезis shvejcarskogo militarizma v ehpoхu Reformacii [The Genesis of Swiss Militarism in the Reformation]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. №1 (43). S. 76-85.
3. Lakhtyuk S.A., Kostrov A.V., Saitgareev R.R. (2023) Geopoliticheskij faktor razvitiya shvejcarskogo militarizma v kontekste voennogo predprinimatel'stva XIV-XVI vv. [The geopolitical factor in the development of Swiss militarism in the context of military entrepreneurship in the 14th-16th centuries] Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. №2. S. 102-110
4. Allegorie auf das Söldnerwesen (1625) [Allegory of mercenary work]. Schweizerisches Zürich. Nationalmuseum. Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/008608/2023-10-31/> (accessed: 21.04.2026).
5. Bendicht Tschachtlan (1470). Schlacht am Morgarten 1315 (mit Hofnarr Kuoni von Stocken). [Battle of Morgarten 1315 (with court jester Kuoni von Stocken)]. Tschachtlanchronik. Zentralbibliothek Zürich. S. 110. Available at: <https://picryl.com/media/bendicht-tschachtlan-die-schlacht-am-morgarten-c-1470-e1308b> (accessed: 21.04.2026).
6. Carl Pfaff. Bilderchroniken (2004) [Picture chronicles]. Historisches Lexicon der Schweiz (HLS). Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/011210/2004-09-01/> (accessed: 20.12.2022).
7. Diebold Schilling der Jüngere (1513). Luzernerchronik [Lucerne Chronicle]. e-codices – Virtuelle Handschriftenbibliothek der Schweiz. 688 s. Available at: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (accessed: 22.12.2022).
8. Diebold Schilling der Ältere (1485). Actions de grâce sur le champ de bataille après la bataille de Laupen. [Actions of grace on the champion of the battle before the battle of Laupen]. Schilling Spiezer Chronik. Luzern, S. 282. Available at: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/419/Sequence-1291> (accessed: 21.04.2026).
9. Diebold Schilling der Jüngere (1513). Der Mailänder Herzog Ludovico Sforza, genannt "il moro", wird nach der Belagerung von Novara von seinen Schweizer Söldnern den französischen Truppen übergeben. [The Milanese Duke Ludovico Sforza, called "il moro", is surrendered to the French troops by his Swiss mercenaries after the siege of Novara.]. Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern. S. 418. Pergament. Available at: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/419/Sequence-1291> (accessed: 21.04.2024).
10. Diebold Schilling der Jüngere (1513). Schweizer Reisläufer ueberqueren die Alpen. [Swiss mercenaries cross the Alps]. Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern, S. 327. Pergament. Available at: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (accessed: 21.04.2026).
11. Diebold Schilling der Jüngere (1513). König Ludwig XI. von Frankreich begrüßt im August 1480 Schweizer Söldner. [King Louis XI of France greets Swiss mercenaries in August 1480]. Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern, 1513. S. 278. Pergament. Available at: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/279/Sequence-1291>. (accessed: 21.04.2024).
12. Diebold Schilling der Jüngere (1513). Reislofers aus Luzern reisen nach Uri zu einer Generalversammlung für den weiteren Vormarsch nach Mailand, 1509 Jahr. [Reislofers from Lucerne travel to Uri for a general meeting to discuss their further advance towards Milan, 1509]. Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Schilling (Luzerner Schilling). Luzern, S. 627. Pergament. Available at: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/doubleview/kol/S0023-2/623/Sequence-1291>.

(accessed: 21.04.2024).

13. Hans Holbein the Younger (1525). Two Swiss Mercenaries, design for a Stained Glass Window. [Two Swiss Mercenaries, design for a Stained Glass Window]. Christian Müller; Stephan Kemperdick; Maryan Ainsworth; et al, Hans Holbein the Younger: The Basel Years, 1515–1532. Munich: Prestel. Available at: <https://picryl.com/media/two-swiss-mercenaries-design-for-a-stained-glass-window-workshop-of-hans-holbein-c1309f> (accessed: 21.04.2026).

14. Heinrich Thomann (1606). Kappeler Milchsuppe 1531. [Kappeler Milk Soup 1531]. Heinrich Thomann Chronik. Lehrmittelverlag Zürich (ZB Zürich). Available at: <https://picryl.com/media/kappeler-milchsuppe-zb-602d65> (accessed: 21.04.2026).

15. Hitz B. (2015) Kämpfen um Sold. Eine Alltags- und Sozialgeschichte schweizerischer Söldner in der Frühen Neuzeit [Fighting for Pay: A Social and Everyday History of Swiss Mercenaries in the Early Modern Period]. Köln: Böhlau. 370 s.

16. Niklaus Manuel Deutsch (1514). Allegorie eines Kriegers, der zum Bettler wird. [Allegory of a warrior who becomes a beggar]. Kunstsammlungen und Museen Augsburg. Available at: <https://i.pinimg.com/736x/88/7d/23/887d23ee1dfa62d9fd7ec9dbb4760fb4.jpg>. (accessed: 21.04.2026).

17. Porträt von Niklaus Manuel Deutsch dem Jüngeren, Schweizer Reisläufer und Künstler (1553). [Portrait of Niklaus Manuel Deutsch the Younger, Swiss mercenary and artist]. Bernisches Historisches Museum. Available at: <https://picryl.com/media/niklaus-manuel-1553-91503c> (accessed: 21.04.2026).

18. Rohde M. Urs Graf (der Ältere) (2005). [Urs Graf (the Elder)]. Historisches Lexicon der Schweiz (HLS). Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/018294/2005-12-01/> (accessed: 19.12.2022).

19. Urs Graf (1524). Zwei Risleifers und eine Kurtisane [Two Risleifers and a courtesan]. Abenteuer Schweiz. Geschichte in Jahrhundertschritten. Lausanne, 1991. S. 132. Available at: <https://picryl.com/media/urs-graf-reislauer-1-d6d840> (accessed: 21.04.2026).

Об авторах

Костров Александр Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, Россия, E-mail: a_kostrov@mail.ru

Лахтюк Сергей Александрович - магистр истории, научный сотрудник Иркутского историко-мемориального музея декабристов, Россия, E-mail: lahtiuk.serey@gmail.com

Елохина Юлия Валерьевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, Россия, E-mail: julflower@yandex.ru

Kostrov Aleksandr Valeryevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (Russia), E-mail: a_kostrov@mail.ru

Lakhtyuk Sergey Aleksandrovich - Master of History, research fellow, Irkutsk Historical and Memorial Museum of the Decembrists (Russia), E-mail: lahtiuk.serey@gmail.com

Elokhina Yulia Valerievna - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (Russia), E-mail: julflower@yandex.ru

Манукян А.Р., кандидат политических наук, МГИМО МИД России.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ УНИВЕРСИТЕТА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И КНР

В статье предпринята попытка выявить и дать сравнительный анализ особенностей формирования и развития национальных моделей цифрового университета в России и КНР, а также установить особенности их политико-институциональной организации и механизмов практической реализации цифровой трансформации высшего образования. В результате исследования выявлены характерные черты российской и китайской моделей цифрового университета и проведен их сравнительный политико-институциональный анализ. При этом установлено, что российская модель характеризуется сочетанием государственного стратегического регулирования с существенной самостоятельностью университетов в выборе цифровых решений, тогда как китайская модель отличается более высокой степенью централизации и формированием единой национальной платформенной инфраструктуры.

Ключевые слова: цифровизация, университет, Китай, Россия, модели, операционализация, государственная политика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-73-79

Введение. Категория «цифровой университет» является сравнительно новым понятием, содержание которого продолжает формироваться по мере развития цифровых технологий и их интеграции в систему высшего образования. Первоначально цифровизация университета связывалась преимущественно с внедрением отдельных цифровых сервисов, обеспечивающих дистанционное взаимодействие со студентами и преподавателями, доступ к образовательным ресурсам, электронным библиотекам, лекционным материалам, заданиям и другим элементам образовательного процесса. Однако современное понимание цифрового университета существенно шире и предполагает трансформацию не только образовательных технологий, но и системы управления, научной деятельности, коммуникаций и цифровой инфраструктуры образовательной организации.

В работе Е. В. Неборского цифровой университет рассматривается не как совокупность переведённых в цифровую форму образовательных продуктов или наличие соответствующей сетевой архитектуры, а как целостная цифровая экосистема, объединяющая информационно-техническую инфраструктуру, участников взаимодействия, систему связей между ними, цифровизированные функции университета, ценности и цифровую продуктивность [6]. Подобное понимание позволяет рассматривать цифровизацию не как простое технологическое обновление традиционного университета, а как изменение принципов организации его образовательной, научной и

управленческой деятельности.

В исследованиях П.В. Терелянского, А.В. Троицкого, С.И. Ашмариной, А.В. Балановской, К.В. Раева и других авторов [8] развитие цифрового университета связывается с созданием единого информационного пространства, обеспечивающего автоматизацию основных бизнес-процессов образовательной организации. Предлагаемая ими целевая модель включает цифровизацию документооборота, научно-исследовательской деятельности, административных процедур, контроля успеваемости, дистанционного обучения, коммуникаций и процессов разработки образовательных программ [8].

Китайские авторы рассматривают «цифровой университет» в контексте системной цифровой трансформации высшего образования, предполагающей не только внедрение цифровых технологий, но и преобразование образовательной, научной и управленческой деятельности, цифровой инфраструктуры, данных и организационных механизмов университета [9; 10]. В отличие от российского подхода, в китайской научной традиции более выражена ориентация на включение цифровой трансформации отдельного университета в общенациональную систему цифрового образования, формируемую при активной координирующей роли государства.

Данные отличия формируют две национальные модели цифрового университета, сравнение которых позволяет выявить особенности государственного регулирования, институциональной организации и механизмов

цифровой трансформации высшего образования в России и КНР.

Методология исследования основана на применении сравнительного, институционального и системного методов, позволивших выявить общие и специфические характеристики национальных моделей цифрового университета России и КНР.

Результаты и их обсуждение. Цифровой университет может быть определён как интегрированная организационно-технологическая модель университета, в рамках которой образовательные, научные, административные и коммуникационные процессы объединяются посредством цифровой инфраструктуры, данных и интеллектуальных технологий. В технологическом отношении такая модель предполагает интеграцию информационных систем, цифровых образовательных платформ, аналитических инструментов и средств автоматизации управления. В организационном отношении её принципиальным признаком становится переход от использования разрозненных цифровых сервисов к формированию единой цифровой среды университета.

Подобная трактовка получила нормативное закрепление и в российской практике. В ГОСТ Р 59870–2021 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровой университет. Общие положения» цифровой университет определяется как инновационная форма организации деятельности университета, основанная на цифровой модели представления и применения физических и виртуальных объектов для обеспечения эффективного менеджмента и управления организацией посредством цифровой трансформации основных направлений её деятельности. При этом формирование цифрового университета связывается с цифровой стратегией развития, реинжинирингом процессов управления, применением сквозных технологий, менеджментом знаний и управлением человеческими ресурсами [2].

Такая концепция цифрового университета развивается как в России, так и в Китае, однако при концептуальном сходстве общих целей цифровой трансформации национальные модели существенно различаются по своей институциональной архитектуре. Общими направлениями выступают интеграция цифровых ресурсов, развитие онлайн-

образования, использование образовательных данных, автоматизация управления и формирование цифровой образовательной среды. Вместе с тем различия проявляются прежде всего в степени централизации цифровой трансформации, роли государства, характере взаимодействия университетов и принципах построения общей цифровой инфраструктуры.

Операционализация концепции «цифрового университета» в государственной политике России и КНР предполагает перевод её теоретического содержания в систему конкретных целей, инструментов, организационных механизмов и измеримых результатов цифровой трансформации высшего образования. При этом в обеих странах исходная идея комплексной цифровизации университета получает различное институциональное воплощение.

В России операционализация данной концепции осуществляется, прежде всего, через стратегическое направление цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 г., федеральные программы развития университетов и отдельные проекты цифровизации [3; 4]. В действующем стратегическом направлении цифровая трансформация связывается с достижением конкретного целевого состояния системы науки и высшего образования, включая повышение соответствия компетенций выпускников требованиям рынка труда, развитие цифровых сервисов и совершенствование управления отраслью [4]. На уровне университетов эти положения конкретизируются через внедрение информационных систем управления, цифровых образовательных платформ, электронных сервисов, аналитических инструментов и технологий искусственного интеллекта. Таким образом, российская модель характеризуется сочетанием федерального стратегического регулирования с существенной ролью самих университетов в выборе конкретных технологических и организационных решений.

В КНР операционализация концепции цифрового университета имеет более выраженный централизованный и платформенный характер. Национальная стратегия цифровизации образования реализуется посредством единой государственной инфраструктуры **Smart Education of China**, объединяющей цифровые ресурсы общего, профессионального и высшего образования, а также

непрерывного обучения [11]. К 2025 г. платформа превратилась в масштабную национальную инфраструктуру, объединяющую образовательные ресурсы и цифровые сервисы и используемую также для поддержки управления и принятия решений на основе данных [10]. Одновременно был начат национальный пилотный проект углублённого применения платформы, предусматривающий развитие интегрированной, интеллектуальной и международно-ориентированной цифровой образовательной среды [13].

Следовательно, различия проявляются не столько в понимании необходимости цифровой трансформации университета, сколько в механизме её практической реализации. В России концепция операционализируется через совокупность государственных стратегических ориентиров, федеральных проектов и институциональных цифровых решений университетов [4], тогда как в КНР ключевым механизмом выступает централизованно формируемая национальная платформенная инфраструктура, обеспечивающая интеграцию ресурсов, данных и цифровых сервисов [12]. Это позволяет характеризовать российский подход как преимущественно координационно-институциональный, а китайский – как централизованный государственно-платформенный.

При рассмотрении китайского опыта необходимо, прежде всего, обратить внимание на выраженный государственно-стратегический характер цифровой трансформации образования и на то, что особое место в данной системе занимает Национальная платформа интеллектуального высшего образования. Её создание было ориентировано на объединение ранее распределённых образовательных ресурсов и обеспечение их централизованной доступности для студентов, преподавателей, университетов и органов управления образованием. Наряду с предоставлением образовательного контента платформа предусматривает использование данных онлайн-обучения для мониторинга, анализа и управления образовательными процессами [13].

При этом китайская модель изначально строилась не исключительно как государственная информационная система, а на принципе сочетания ведущей роли государства, активности университетов и участия других субъектов образовательной системы. По официальным данным Министерства

образования КНР, развитие онлайн-высшего образования осуществлялось по формуле «университеты как основные субъекты – государственная поддержка – общественное участие». К моменту запуска национальной платформы в стране уже функционировали более 30 комплексных и специализированных платформ онлайн-курсов высшего образования [12].

Масштаб интеграции цифровых образовательных ресурсов является одной из отличительных особенностей китайской модели. Уже в апреле 2022 г. раздел высшего образования Smart Education of China содержал более 25 тыс. онлайн-курсов, а к началу 2023 г. объединял около 27 тыс. высококачественных массовых открытых онлайн-курсов и виртуальных симуляционных ресурсов [11]. Тем самым цифровой университет в китайской практике развивается не только на уровне отдельной образовательной организации, но и как элемент общенациональной цифровой образовательной инфраструктуры.

Именно данное обстоятельство принципиально отличает китайский подход: цифровизация отдельных университетов включается в более широкий государственный информационно-образовательный контур. Университет сохраняет собственные образовательные и управленческие функции, однако получает возможность использовать национальные платформы, общие цифровые ресурсы и стандартизированные механизмы информационного взаимодействия. Поэтому китайская модель может быть охарактеризована как преимущественно централизованная государственно-стратегическая модель с выраженными элементами датацентричной интеграции.

В настоящее время данный подход продолжает развиваться. В 2025 г. Министерство образования КНР определило дальнейшую интеграцию искусственного интеллекта в образовательную систему одним из направлений национальной стратегии цифрового образования и представило Smart Education of China 2.0 с расширенными возможностями применения искусственного интеллекта. Одновременно поставлены задачи развития национального центра образовательных ресурсов, цифровых государственных образовательных услуг и инфраструктуры непрерывного образования. В августе 2025 г. был также запущен национальный пилотный проект по углублению

использования Smart Education Platform, связанный с реализацией образовательных ориентиров на период до 2035 г. [10].

Российская модель цифровой трансформации высшего образования формировалась по несколько иной институциональной траектории. В России сформирована нормативная концепция цифрового университета [1], реализуются проекты цифровизации образовательных и управленческих процессов, создаются университетские информационные системы, цифровые образовательные платформы и инструменты аналитики. Значительное место в данном процессе занимают проекты, реализуемые университетами в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» [3].

Одним из таких направлений стал проект «Цифровые кафедры», реализация которого в университетах – участниках «Приоритета-2030» началась в 2022 г. Основной задачей проекта является предоставление студентам возможности получения дополнительной квалификации по ИТ-профилю наряду с основной образовательной программой [3]. Вместе с тем данный проект направлен преимущественно на развитие цифровых компетенций обучающихся и подготовку кадров для цифровой экономики и поэтому лишь частично соответствует более широкому пониманию цифрового университета как интегрированной системы цифрового управления, образования, науки и инфраструктуры.

На уровне отдельных российских университетов формируются собственные модели цифрового развития, предусматривающие автоматизацию административных процессов, расширение цифровых сервисов для студентов, применение технологий виртуальной и дополненной реальности, создание цифровых личных кабинетов и повышение цифровой зрелости управления. Например, в стратегических проектах отдельных участников «Приоритета-2030» устанавливаются показатели доли автоматизированных процессов управления и использования студентами университетских цифровых сервисов.

Вместе с тем сопоставление российского и китайского опыта позволяет выявить существенное институциональное различие. Китайская модель характеризуется

формированием масштабной общенациональной цифровой образовательной инфраструктуры, в которой государственная платформа выступает связующим звеном между образовательными ресурсами, университетами, пользователями и механизмами управления. Российская практика в большей степени представлена совокупностью федеральных проектов и цифровых инициатив отдельных университетов [4; 8], вследствие чего конкретные конфигурации цифровой инфраструктуры, набор используемых платформ и степень интеграции управленческих систем могут существенно различаться между образовательными организациями.

Поэтому было бы некорректно характеризовать российскую модель как отсутствие цифровой трансформации. Более точным является вывод о её меньшей институциональной интегрированности по сравнению с китайской централизованной моделью. Российские университеты располагают значительным пространством для формирования собственных цифровых решений, что способствует институциональной вариативности, но одновременно затрудняет формирование единой архитектуры цифрового университета, обеспечивающей сквозную совместимость образовательных, научных и управленческих информационных систем.

С политико-институциональной точки зрения различие двух моделей заключается, прежде всего, в механизме координации. В Китае государство выступает не только регулятором цифровой трансформации, но и непосредственным инициатором создания общенациональной цифровой инфраструктуры, задавая единый стратегический вектор её развития.

В России государственное регулирование также играет существенную роль [4], однако практическая цифровая трансформация в большей степени распределена между отдельными программами, проектами и университетскими инициативами [1]. В результате китайская модель демонстрирует более выраженную вертикальную интеграцию, тогда как российская характеризуется большей организационной и технологической неоднородностью.

В таблице 1 представлены сравнительные характеристики российской и китайской моделей цифрового университета.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика моделей цифрового университета России и КНР
(составлено автором)

Критерий сравнения	Россия	КНР
Роль государства	Стратегическое регулирование и координация	Централизованное стратегическое управление
Организация цифровизации	Федеральные проекты и инициативы отдельных университетов	Единая национальная цифровая стратегия
Цифровая инфраструктура	Преимущественно распределённая	Централизованная платформенная инфраструктура
Основной механизм	Институциональные цифровые решения университетов	Smart Education of China
Роль университетов	Значительная самостоятельность в выборе цифровых решений	Реализация цифровой трансформации в общенациональном контуре
Интеграция данных и ресурсов	Различается между университетами	Высокая степень интеграции на национальном уровне
Тип модели	Координационно-институциональная	Централизованная государственно-платформенная

Представленное сравнение показывает, что ключевое различие национальных моделей заключается в степени централизации цифровой трансформации: российская модель сохраняет значительную институциональную самостоятельность университетов, тогда как китайская основана на интеграции цифровых ресурсов в единый государственно-платформенный контур. При этом обе модели ориентированы на комплексную цифровую трансформацию университетской деятельности, однако используют различные политико-институциональные механизмы её реализации.

Заключение (выводы). Таким образом, российский и китайский подходы объединяет переход от локального применения информационных технологий к пониманию цифрового университета как комплексной системы, охватывающей образование,

управление, научную деятельность и цифровую инфраструктуру. Однако в Китае данный переход сопровождается формированием централизованной национальной платформенной архитектуры и единых механизмов интеграции цифровых ресурсов, тогда как в России цифровая трансформация сохраняет более распределённый характер и во многом реализуется посредством отдельных федеральных и университетских проектов. Это позволяет, используя китайский опыт, определить дальнейшее развитие российской модели цифрового университета как задачу не только расширения набора применяемых технологий, но, прежде всего, повышения совместимости цифровых систем, интеграции данных и формирования устойчивых механизмов межуниверситетского и государственного цифрового взаимодействия.

Список литературы

1. Болсуновская Л.М., Ганина О.А. Цифровая трансформация современного образовательного пространства: плюсы и минусы // Векторы благополучия: экономика и социум. 2025. №3. С. 156-174.
2. ГОСТ Р 59870–2021. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровой университет. Общие положения: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 24 ноября 2021 г. № 1559-ст. – URL: <https://vsegost.com/Catalog/76/76986.shtml>
3. Коровяковский Д.Г., Лавеч Е.В. Тренды цифровой трансформации управления в сфере высшего образования // Management of Education 202414(9-2):187-196.
4. Днепровская Н.В. Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике // Статистика и экономика. 2018. № 4. С. 16-28.

5. Кочергин Д.Г., Жернов Е.Е. Опыт цифровой трансформации зарубежных университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 3. С. 37-48.
6. Неборский Е.В. Цифровая экосистема как средство цифровой трансформации университета // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 4. С. 1-11. – DOI: 10.15862/02PDMN421.
7. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 3759-р. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509357/
8. Целевая модель цифровой трансформации университетов / П. В. Терелянский, А. В. Троицкий, С. И. Ашмарина [и др.] // Управление образованием: теория и практика. – 2021. – Т. 11, № 1 (41). – С. 22–36.
9. China to advance national pilot program on Smart Education Platform // Ministry of Education of the People's Republic of China: official website. – 2025. – 5 Aug. – URL: http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202508/t20250814_1388511.html
10. MOE outlines 2025 national strategy for digital education // Ministry of Education of the People's Republic of China. March 31, 2025. – URL: https://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202504/t20250403_1186060.html
11. Smart Education of China platform receives positive response // Ministry of Education of the People's Republic of China: April 28, 2022. – URL: http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202205/t20220518_628506.html
12. Xiao Guangde, Wang Zhehe. *Digital Transformation in Higher Education: Key Areas, Content Structures, and Practice Paths* // Front. Educ. China. 2022. Vol. 17, No. 4. P. 557–580. – DOI: 10.3868/s110-007-022-0024-5.
13. 国家高等教育智慧教育平台建设与应用有关工作情况 (Прогресс в создании и применении национальной платформы интеллектуального образования в сфере высшего образования. Департамент высшего образования, Министерство образования КНР. – URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2022/54324/sfcl/202203/t20220329_611591.html

UNIVERSITY DIGITAL SOVEREIGNTY: CONCEPTUALIZATION AND OPERATIONALIZATION IN THE STATE POLICIES OF RUSSIA AND CHINA

This article deals with the comparative analysis of the formation and development of national models of the digital university in Russia and China. Particular attention is paid to the political and institutional foundations of both models under consideration. The mechanisms through which the digital transformation of higher education is implemented in practice in Russia and China are presented. Within the framework of the study the key characteristics of the Russian and Chinese approaches to the development of the digital university are revealed, and a comparative political and institutional analysis is made. The findings demonstrate that the Russian model is characterized by the combination of state-led strategic regulation and a relatively high degree of institutional autonomy, giving universities considerable discretion in the selection and implementation of digital solutions. Conversely, the Chinese model is characterised by a higher level of centralisation, stronger coordination at the national level, and the development of an integrated nationwide platform-based digital infrastructure.

Keywords: digitalization, university, China, Russia, models, operationalization, state policy.

References

1. Bolsunovskaya L.M., Ganina O.A. (2025) Cifrovaya transformaciya sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva: plyusy` i minusy [Digital transformation of the modern educational space: pros and cons] // Vektory` blagopoluchiya: e`konomika i socium. №3. S. 156-174.
2. GOST R 59870–2021 (2021) Informacionno-kommunikacionny`e texnologii v obrazovanii. Cifrovoj universitet. Obshhie polozheniya: nacional`ny`j standart Rossijskoj Federacii: utverzhden i vveden v dejstvie prikazom Federal`nogo agentstva po texniceskomu regulirovaniyu i metrologii ot 24 noyabrya 2021 g. [Information and communication technologies in education. Digital University. General provisions: national standard of the Russian Federation] № 1559-st. URL: <https://vse gost.com/Catalog/76/76986.shtml>
3. Korovyakovskij D.G., Lavech E.V. (2024) Trendy` cifrovoj transformacii upravleniya v

sphere of higher education [Trends in the digital transformation of management in higher education] // Management of Education. 14(9-2):187-196.

4. Dneprovskaya N.V. (2018) Ocenka gotovnosti rossijskogo vy'sshego obrazovaniya k cifrovoj e'konomie [Assessment of Russia's higher education system's readiness for the digital economy] // Statistika i e'konomika. № 4. S. 16-28.

5. Kochergin D.G., Zhernov E.E. (2019) Opy't cifrovoj transformacii zarubezhny'x universitetov [The experience of digital transformation at foreign universities] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. № 3. S. 37-48.

6. Neborskij E.V. (2021) Cifrovaya e'kosistema kak sredstvo cifrovoj transformacii universiteta [The digital ecosystem as a means of digital transformation of the university] // Mir nauki. Pedagogika i psixologiya. T. 9. № 4. S. 1-11. – DOI: 10.15862/02PDMN421.

7. Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti cifrovoj transformacii otrasli nauki i vy'sshego obrazovaniya do 2030 goda i priznanii utrativshim silu rasporyazheniya Pravitel'sta Rossijskoj Federacii ot 21 dekabrya 2021 g. № 3759-r. (2021). [On the approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the science and higher education sector until 2030 and on declaring the order of the Government of the Russian Federation dated December 21, 2021, No. 3759-r, to be invalid.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509357/

8. Celevaya model' cifrovoj transformacii universitetov (2021) [Target model for the digital transformation of universities] / P. V. Terelyanskij, A. V. Troiczkiy, S. I. Ashmarina [i dr.] // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. T. 11, № 1 (41). S. 22–36.

9. China to advance national pilot program on Smart Education Platform // Ministry of Education of the People's Republic of China: official website.2025. 5 Aug. URL: http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202508/t20250814_1388511.html

10. MOE outlines 2025 national strategy for digital education // Ministry of Education of the People's Republic of China. March 31, 2025. URL: https://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202504/t20250403_1186060.html

11. Smart Education of China platform receives positive response // Ministry of Education of the People's Republic of China: April 28, 2022. URL: http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202205/t20220518_628506.html

12. Xiao Guangde, Wang Zhehe. *Digital Transformation in Higher Education: Key Areas, Content Structures, and Practice Paths* // Front. Educ. China. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 557–580. – DOI: 10.3868/s110-007-022-0024-5.

13. 国家高等教育智慧教育平台建设和应用有关情况 (2022) Progress v sozdanii i primenenii nacional'noj platformy` intellektual'nogo obrazovaniya v sfere vy'sshego obrazovaniya. Departament vy'sshego obrazovaniya, Ministerstvo obrazovaniya KNR [Progress in the creation and implementation of a national platform for intelligent education in the field of higher education. Department of Higher Education, Ministry of Education of the People's Republic of China]. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2022/54324/sfcl/202203/t20220329_611591.html

Об авторе

Манукян Артак Ростомович - кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 6 Факультета управления и политики МГИМО МИД России. E-mail: artmanukyan@id.mgimo.ru

Manukyan Artak Rostomovich - Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of English Language No. 6, School of Governance and Politics, MGIMO-University. E-mail: artmanukyan@id.mgimo.ru

УДК 930.1(470)

Невзорова И.В., кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА В ТРУДАХ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

В отечественной историографии тема истоков русского дворянства давно занимают исследователей, а вот эволюция концептуальных взглядов Н. П. Павлова-Сильванского (1869–1908), одного из крупнейших представителей петербургской исторической школы рубежа XIX–XX вв., изучена пока недостаточно. Настоящая работа ставит целью проследить на материале основных трудов историка становление и развитие его концепции происхождения русского дворянства, определить её методологические основания и историографический контекст. В центре внимания стоят научные взгляды Н. П. Павлова-Сильванского на природу и развитие служилого сословия в России, а инструментом анализа служат историко-генетический, сравнительно-исторический и историографический методы. Концепция историка прошла путь от институционально-правового описания «государевых служилых людей» к сравнительно-историческому синтезу в рамках теории «русского феодализма». На раннем этапе автор опирался на наследие государственной школы (С. М. Соловьёв, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский) и юридической школы (В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов), а позднее обратился к трудам Ф. Гизо, Н.-Д. Фюстеля де Куланжа, Г. Вайца, К. Ф. Эйхгорна, переосмыслив русскую сословную историю как часть общеевропейского феодального процесса. Итог этой эволюции можно свести к следующему: Н. П. Павлов-Сильванский первым в отечественной науке представил происхождение дворянства как закономерный процесс, типологически сопоставимый с западноевропейским.

Ключевые слова: Н. П. Павлов-Сильванский, отечественная историография, русское дворянство, служилое сословие, теория феодализма, петербургская историческая школа, история сословий, рубеж XIX–XX вв.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-80-88

Введение. Происхождение и эволюция русского дворянства составляет один из самых важных вопросов отечественной медиавистики и социальной истории России. За этим сюжетом стоят более общие проблемы связанные с характером политической власти Московского государства, природой сословного строя, спецификой землевладения и службы. Особое место в этой традиции исследования занимает Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908), историк петербургской школы. Его монография «Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства» (1898) и последующие труды о феодализме в Древней и удельной Руси заложили основы системного изучения служилого сословия на широкой источниковой базе [6].

Цель настоящей работы – проследить на материале основных трудов Н. П. Павлова-Сильванского становление и эволюцию его концепции происхождения русского дворянства, определить её методологические основания и место в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. В центре внимания находятся научные взгляды историка на природу, происхождение и развитие служилого сословия в России, рассмотренные в контексте

отечественной историографической традиции.

Оценка взглядов Н. П. Павлова-Сильванского на происхождение дворянства в отечественной историографии складывалась не сразу, а постепенно. Дореволюционная наука приняла его книгу 1898 г. как обстоятельный обзор служилого сословия, построенный на значительном актовом материале. А. Е. Пресняков, готовивший к изданию посмертные «Сочинения» ученого, в биографическом очерке к третьему тому отметил, что именно в «Государевых служилых людях» Павлов-Сильванский впервые предложил последовательную «генетическую» схему дворянства – от боярства и вольной службы к обязанному служилому классу московского времени [12, с. V–XVI].

В советской историографии для изучения концепции истории дворянства многое дал сборник «Феодализм в России» (1988), где были опубликованы статьи С. Н. Валка и С. В. Чиркова, восстанавливающие текстологический и творческий контекст работ Павлова-Сильванского. С. В. Чирков указал, что «Государевы служилые люди» стоят в центре раннего творчества ученого. Именно при работе над происхождением дворянства историк выработал представление о «вольных

слугах», «закреплении» службы и переходе боярства в служилый класс, которые затем перенес в общую схему «русского феодализма» [16, с. 604]. С. Н. Валк, прослеживая судьбу текстов Павлова-Сильванского, обратил внимание на то, что концепция дворянства в редакции 1898 г. и в редакции «Сочинений» 1909 г. содержит ряд авторских уточнений, в частности, они отражают движение взглядов историка от «государственной» к сравнительно-исторической парадигме [2, с. 580–599; 1, с. 605–614].

М. Б. Свердлов в монографии о русской исторической науке XVIII–XX вв. рассмотрел труды Павлова-Сильванского и их рецепцию в отечественной медиевистике. Применительно к концепции дворянства он подчеркивал, что главное достижение ученого – постановка вопроса о «горизонтальной» структуре служилого сословия (княжеская дружина, земское боярство, вольные слуги, дворные люди, дети боярские) и реконструкция перехода от вольной к обязательной службе. Схема Павлова-Сильванского, по наблюдению Свердлова, была воспринята советскими медиевистами 1930–1950-х гг. такими как Б. Д. Греков, С. В. Юшков, Л. В. Черепнин. Они учитывали её при разработке проблемы складывания служилого класса в Московском государстве, хотя сами в большинстве случаев избегали ссылок на «буржуазного» предшественника [14, с. 161–179].

В современной литературе оценка концепции истории дворянства Павлова-Сильванского неоднородна. Б. Н. Миронов, рассматривая дворянство в общей системе сословий имперской России, относит его построения к «государственной школе» и обращает внимание на то, что формирование сословного строя историк объяснял органическим развитием при ведущей роли государства [5, с. 77]. Т. А. Лаптева в монографии о провинциальном дворянстве XVII в. оценивает «Государевых служилых людей» как обобщающий труд, вобравший в себя весь круг доступных к концу XIX в. источников и поставивший почти все ключевые проблемы изучения служилого сословия. Вместе с тем она указывает на ограниченность преимущественной опоры автора на указной материал – без широкого учёта данных делопроизводственного и статистического характера это

привело, по её мнению, к преувеличению роли государства и недооценке внутренней самоорганизации провинциального дворянства [4, с. 52–55]. Оценку концепции «Государевых служилых людей» даёт также Е. В. Соколова. Она включает книгу Павлова-Сильванского в число основополагающих исследований по истории русского дворянства и отмечает, что главным критерием принадлежности к сословию у историка выступали наследственная служба и поместное землевладение, а его построения сохраняют значение для понимания происхождения служилых корпораций XVIII в. [15, с. 169].

При всём внимании названных авторов к отдельным сторонам научного наследия Н. П. Павлова-Сильванского специального исследования, прослеживающего становление и эволюцию именно его концепции истории дворянства, в отечественной литературе так и не появилось. В большинстве работ на первый план выходит общая теория русского феодализма, тогда как монография о происхождении дворянства анализируется фрагментарно. В этом и состоит новизна настоящего исследования – впервые предпринят опыт сравнительного анализа ранней («Государевы служилые люди», 1898) и поздних («Феодализм в Древней Руси», 1907; «Феодализм в удельной Руси», 1910) концепций Павлова-Сильванского применительно к истории дворянства, с реконструкцией влияния отечественной и западноевропейской историографии на их эволюцию.

Объекты и методы исследования. Источниковую базу работы составляют главные сочинения Н. П. Павлова-Сильванского – «Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства» (СПб., 1898; переиздание в составе первого тома «Сочинений», СПб., 1909) [6; 7], «Феодализм в Древней Руси» (СПб., 1907) [8] и посмертно изданный «Феодализм в удельной Руси» (СПб., 1910) [10], а также сборник его работ под редакцией С. О. Шмидта [9]. К ним примыкают труды предшественников, формирующие историографический контекст такие как: «История сословий в России» В. О. Ключевского [3], «История дворянского сословия в России» М. Т. Яблочкова [17], «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» А. В. Романовича-Славатинского [13], «Очерк истории русского

дворянства от половины IX до конца XVIII века» И. А. Порай-Кошица [11].

Состояние источниковой базы по истории русского дворянства к концу XIX в., времени работы Павлова-Сильванского над «Государевыми служилыми людьми», было достаточно представительным. В распоряжении историков к этому моменту находился обширный массив опубликованных и архивных материалов. Археографическая комиссия и Русское историческое общество к 1890-м гг. ввели в научный оборот летописи (Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Воскресенскую, Никоновскую, Новгородские летописи в составе «Полного собрания русских летописей»), фундаментальные публикации актового материала – «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Акты, относящиеся до юридического быта Древней России» под редакцией Н. В. Калачова, «Акты Археографической экспедиции», «Собрание государственных грамот и договоров». К числу опубликованных законодательных памятников относились Русская Правда в изданиях Н. В. Калачова и М. Ф. Владимирского-Буданова, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., Полное собрание законов Российской империи. Для генеалогии служилого сословия имели значение «Бархатная книга» (под редакцией Н. И. Новикова), родословные сборники П. В. Долгорукова, В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, П. Н. Петрова.

Принципиальное значение имела начавшаяся в 1890-х гг. публикация материалов разрядного делопроизводства. В. Н. Сторожев подготовил «Материалы для истории русского дворянства» (вып. I «Десятни и Тысячная книга XVI века», М., 1891), вводившие в оборот именные списки служилых людей «по отчеству». Именно эти издания открыли возможность системного исследования генезиса дворянства. Большой массив актов Северо-Восточной Руси, договорных и духовных грамот великих и удельных князей был доступен в собраниях С. В. Веселовского и в более ранних публикациях. Архивные исследования велись преимущественно в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (фонды Разрядного и Поместного приказов), Сенатском архиве и Архиве департамента герольдии. Н. П. Павлов-Сильванский, занимая с 1899 г. должность в Государственном архиве МИД, имел прямой

доступ к этим материалам и активно использовал их при подготовке своих трудов. К концу XIX в. источниковая база изучения служилого сословия включала летописные, актовые, законодательные, генеалогические, разрядные и писцовые материалы – именно это сочетание позволило историку выстроить целостную картину многовекового процесса становления дворянства.

Результаты и их обсуждение.

Концепция в «Государевых служилых людях» (1898). Центральная идея ранней работы Н. П. Павлова-Сильванского заключалась в следующем. Русское дворянство сложилось в результате длительной трансформации различных категорий служилого населения, от княжеских дружинников и земских бояр древнерусского периода до единого «однородного служилого класса дворян и детей боярских», окончательно сформировавшегося при Иване Грозном. По словам самого историка, «к числу важнейших дел этого замечательного царствования принадлежат меры по образованию однородного служилого класса дворян и детей боярских из потомков князей, вольных слуг и других разрядов лиц времени уделов» [6, с. 1]. Отправной точкой этого процесса историк считал княжескую дружину Киевской Руси. Он выделял два основных слоя древнерусского высшего класса – бояр-дружинников, принадлежавших к княжескому окружению, и земских бояр, крупных землевладельцев, не связанных первоначально со службой в дружине [6, с. 1–4, 11–12]. Постепенная оседлость дружинников привела к слиянию обоих слоёв в единое боярство, ставшее основой будущего служилого сословия.

Ключевым этапом в становлении дворянства Павлов-Сильванский считал переход от «вольной службы» к обязательной. В удельный период бояре оставались «вольными слугами князей», и, как писал сам историк, «служба бояр была вольной... она не составляла обязанности землевладельца по отношению к князю; служба государству стала обязательной только позднее, в московское время» [6, с. 21–22]. Право свободного отъезда от одного князя к другому, зафиксированное в договорных грамотах формулой «боярам и слугам межи нас вольным воля», обеспечивало независимость боярского

класса [6, с. 22]. Московский период знаменовал собой закрепощение вольных слуг через ограничение, а затем отмену права отъезда, подчинение служилых князей, формирование наследственного служилого класса с обязательной поместной службой. Эти процессы историк прослеживал на материале «укреплённых грамот», политики Ивана III и опричнины, видя в них «искоренение удельных порядков» [6, с. 39–72].

Существенное внимание автор уделит внутренней градации служилого класса. Дворные люди удельного времени, по его наблюдению, принципиально отличались от позднейшего дворянского сословия. «От дворных слуг отличались дворные люди, или дворяне... Слугами назывались независимые лица, землевладельцы... Дворные люди, или дворяне, были зависимыми дворовыми людьми... большинство их были несвободными» [6, с. 27]. Это положение позволило показать, что привилегированное сословие сложилось из социально неоднородной среды и не было «изначальной» аристократией. Завершающим этапом истории служилого класса в изложении Павлова-Сильванского стало «освобождение дворянства от обязательной службы» Манифестом 18 февраля 1762 г. и Жалованной грамотой Екатерины II, ознаменовавшее переход дворянства из обязанного служилого разряда в привилегированное «вольное» сословие [6, с. 287].

Методологические основания. В «Государевых служилых людях» Н. П. Павлов-Сильванский сочетал несколько подходов, характерных для исторической науки рубежа XIX–XX вв. Прежде всего его работа основывалась на социально-юридическом анализе, который позволял сосредоточить внимание на правовых нормах, регулировавших статус разных категорий служилого населения. В отличие от Н. В. Калачова, ограничивавшегося комментированием правовых памятников, Павлов-Сильванский использовал их для построения динамичной модели социальных изменений. Показательно его обращение к материалам жалованной грамоты Ивана Калиты Ивану Петелину, где сказано: «волостели мои и их тиуны... не судят их ни в чём, опричь душегубства и татбы с поличным... а ведаёт свои люди сам Иван или кому прикажет» [6, с. 19]. Здесь правовой памятник

интерпретируется как свидетельство иммунитета вотчинника и его места в системе зависимостей.

Вторая черта методологии проявляется в использовании сравнительно-исторического метода, который был применен более последовательно в поздних работах. В «Государевых служилых людях» западноевропейские параллели использовались лишь эпизодически, а в «Феодализме в Древней Руси» (1907) и «Феодализме в удельной Руси» (1910) они стали главным аналитическим инструментом. Сам автор в предисловии к книге 1907 г. указывал на её связь с ранее опубликованными статьями. Многие положения «Государевых служилых людей» нашли продолжение в четвёртой главе указанного издания [8, с. 124–142].

Третья особенность метода заключается во внимании к институциональной структуре. Историк выстраивал иерархию служебных зависимостей и, опираясь на работы Б. Н. Чичерина, сравнивал её с «феодальной лестницей вассалов». «Боярин, слуга князя, имел, в свою очередь, слуг, вотчинников, стоявших к нему в таких же служебных отношениях, какие сам он имел к своему князю... Создавшийся таким образом иерархический ряд слуг-землевладельцев проф. Чичерин сравнивает с феодальной лестницей вассалов» [7, с. 18–19].

Источниковая база «Государевых служилых людей» прослеживается в обширном примечании к книге [7, с. 261–297]. Главную роль здесь играли летописные своды – Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, Воскресенская, Никоновская, Тверская, Первая Новгородская летописи, и на их основе реконструировался социальный состав дружины и характер взаимоотношений князей и боярства. Обширную группу составляли договорные грамоты великих и удельных князей, позволявшие исследовать право отъезда и статус «вольных слуг». Жалованные грамоты использовались для реконструкции иммунитетов вотчинников. Писцовые книги XVI в. (в том числе Тверского уезда 1581 г.) фиксировали пережитки прежних, боярских схем зависимости. Привлекались также законодательные памятники: Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., Табель о рангах 1722 г., Манифест

1762 г. и Жалованная грамота дворянству. Существенное место занимали разрядные книги, десятины, кабальные книги, наказы верстания, духовные и укрепленные грамоты. Использовались историком записки иностранных путешественников: С. Герберштейна, Дж. Флетчера, Дж. Горсея, Р. Ченслора. Широкий охват источников позволил выстроить целостную картину многовекового процесса формирования дворянства.

Влияние предшественников и эволюция взглядов. Концепция Н. П. Павлова-Сильванского формировалась не изолированно, а вписывалась в развитую к 1890-м гг. историографическую традицию. Её основу безусловно составили достижения «государственной» школы. Например, от С. М. Соловьёва историк воспринял представление о государстве как ведущей силе исторического процесса и о смене «родового» и «государственного» начал. У Б. Н. Чичерина была заимствована не только идея «феодальной лестницы», но и более общее понимание сословной структуры как формы юридического оформления общественных отношений. В. О. Ключевский дал ключ к пониманию связи землевладения и службы.

Среди специалистов по истории служилого сословия существенное значение для Павлова-Сильванского имели работы С. В. Рождественского «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века» (СПб., 1897), Н. П. Загоскина «Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси» (Казань, 1875), М. Т. Яблочкова «История дворянского сословия в России» (СПб., 1876) [17], А. В. Романовича-Славатинского «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» (СПб., 1870) [13]. Правовые аспекты концепции опирались на труды В. И. Сергеевича («Лекции и исследования по древней истории русского права») и М. Ф. Владимирского-Буданова («Обзор истории русского права»). Для уточнения генеалогических связей внутри служилого класса привлекались справочные издания П. В. Долгорукова, П. Н. Петрова, В. В. Руммеля и В. В. Голубцова. Исследования А. С. Лаппо-Данилевского о выслуженных вотчинах, Н. П. Лихачёва о разрядных дьяках, В. Н. Сторожева о десятинах и провинциальном дворянстве позволяли

верифицировать общие выводы на конкретном региональном материале [7, с. 261–297].

Существенное значение для понимания эволюции взглядов историка имеет его эпистолярное наследие и творческая биография. Письма к С. Ф. Платонову, учителю и старшему коллеге по петербургской школе, показывают, что концепция «Государевых служилых людей» формировалась в постоянном диалоге с традицией, одобрение и поддержка Платоновым основных её положений во многом определили завершённость книги [16, с. 605–612].

Для понимания новаторства Павлова-Сильванского принципиальное значение имеет сравнение его подхода с работами ближайших предшественников и современников. В. О. Ключевский в «Истории сословий в России» рассматривал дворянство в макро-социальной перспективе, как один из элементов сословного строя империи [3]. Оба историка видели в дворянстве служилый класс, связанный с землевладением и крепостничеством, однако Ключевский сводил источники в крупную картину социального строя государства, тогда как Павлов-Сильванский сосредоточился на генезисе и внутренней иерархии служилых людей, реконструируя их социальные градации шаг за шагом.

М. Т. Яблочков в «Истории дворянского сословия в России» первым задал общую концептуальную рамку – дворянство как служилое и господствующее сословие, связанное с поместным строем и крепостничеством [17]. Однако он выстраивал историю уже сложившегося сословия, тогда как Павлов-Сильванский «выводил» дворянство «снизу», через эволюцию социальных статусов и служилой практики, детально реконструируя механизм превращения многих групп населения в «однородный служилый класс дворян и детей боярских» [6, с. 1].

Работа И. А. Порай-Кошица, изданная двумя десятилетиями ранее «Государевых служилых людей», носила во многом компилятивный и идеологически окрашенный характер [11]. Автор трактовал дворянство как органического преемника древней знати – дружинников, бояр, «лучших людей», а внутренние конфликты не выступали движущей силой процесса. У Павлова-Сильванского, напротив, формирование однородного сословия описывается как результат конфликтов и

принуждения, превращения вольных слуг в обязанных служилых людей. Дворянство для него не «благородное сословие», а «государевы холопы», вынужденные нести тягло ратной службы. Если для Порай-Кошица русское дворянство это самодостаточное национальное явление, то Павлов-Сильванский видит главную силу его формирования в государстве и лишь с XVIII в. усматривает процесс эмансипации сословия.

А. В. Романович-Славатинский относил оформление дворянства преимущественно к XVIII в. и связывал его с реформами Петра I и Екатерины II [13]. Павлов-Сильванский настаивал на более ранних корнях служилой знати, в частности, уже к моменту формирования «однородного служилого класса» при Иване Грозном русское дворянство, по его мысли, существовало как сложившееся сословие. Этот тезис стал концептуальной основой «Государевых служилых людей».

Эволюция концепции и западноевропейские влияния. Главной особенностью научного пути Н. П. Павлова-Сильванского стала эволюция взглядов от институционально-правового описания к сравнительно-историческому синтезу в рамках теории «русского феодализма». Если в первой книге дворянство представало продуктом внутри-русского процесса, то в работах позднего периода оно уже прямо отождествлялось с западноевропейским ленным рыцарством. Причины этого поворота заслуживают отдельного внимания.

К концу 1890-х гг. в отечественной науке заметно возрос интерес к сравнительно-историческому методу. В частности работы М. М. Ковалевского по общинному землевладению, его «Происхождение современной демократии» (1895–1899), курсы Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова по истории средневековой Европы давали материал для сопоставлений и обнаруживали типологическое сходство социальных институтов. Знакомство с трудами западноевропейских историков становится прямым стимулом для теоретического переосмысления исторических процессов. Например, на определение феодализма у Павлова-Сильванского решающее влияние оказали Ф. Гизо и Н.-Д. Фюстель де Куланж, вслед за которыми он понимал феодализм как социальный строй,

характеризующийся «раздробленностью территории на домены – сеньории, объединением их вассальной иерархией и условностью землевладения». От немецкой правоведческой школы (Г. Л. Маурер, Г. Вайц, К. Ф. Эйхгорн, отчасти Г. Бруннер) историк воспринял трактовку «общины-марки», «коммандации» и феодальной службы как сословной обязанности. Именно у Эйхгорна, как указывал сам Павлов-Сильванский, конная служба ленного дворянства давно «приравнивалась к особой земской тягости» [8, с. 130–131]. Общим интеллектуальным фоном, в котором работал историк, были позитивистская и эволюционистская традиции, в частности взгляды Г. Т. Бокля, О. Конта, Г. Спенсера, ориентировали исследователя на поиск общих закономерностей.

Заметно, что в поздних работах изменилась и трактовка ключевых институтов. Если ранее обязательная служба дворянства интерпретировалась как «закрепощение служилого класса», которое шло параллельно закрепощению крестьян, то теперь она была переосмыслена как «сословная обязанность, обусловленная преимуществом», аналогичная обязанностям западноевропейских сословий. Конная военная служба с земли понималась не как тягло, а именно как сословная привилегия [8, с. 130–131]. Местничество в новой интерпретации «охраняло наследственные права высших княжеских и боярских родов на занятие высших правительственных должностей» и составляло «нечто, совершенно не зависящее от воли московского государя». Историк сопоставлял его с западной «сословно-оборонительной системой» аристократии и приводил характеристику В. О. Ключевского – «Феодальный барон едва ли сумел бы аристократичнее формулировать одно из основных воззрений феодальной политической аристократии» [8, с. 126].

Земский собор в этой системе получал значение русского аналога западноевропейского сословного представительства (*Ständetag*). Именно дворянство, по мысли историка, «победило» на соборе 1648 г. и добилось удовлетворения своих челобитий через Уложение [8, с. 131–140]. Значение петровских реформ при этом было относительно преуменьшено. Дворянство, по мысли историка, уже существовало до Петра в своём

«западном» виде, а «сословный строй государства вышел из эпохи преобразований без существенных перемен». Единственной по-настоящему значимой оказывалась военная реформа, заменившая иррегулярную дворянскую конницу регулярной армией, но и она была подготовлена задолго до Петра. Полки иноземного строя появились с 1632 г. и к 1681 г. в пять раз превосходили дворянскую конницу [8, с. 143–145].

В посмертно изданном «Феодализме в удельной Руси» (1910) ряд положений был развит ещё дальше. Дружина, ранее описывавшаяся как специфически русское явление, теперь сопоставлялась с германской, вплоть до правовых и терминологических параллелей и сходства штрафов за убийство [10, с. 348–351]. Право отъезда переосмысливалось как русский аналог западной свободы вассальной связи, присущей всем феодальным обществам [10, с. 372–381]. Особое место в работе заняла глава о подвассалитете – боярские послужилцы интерпретировались здесь не как холопы, а как военные слуги частных лиц, и ключевым доказательством служила Тверская писцовая книга 1548 г. [10, с. 370–371, 390–399]. Первые соображения по этому поводу историк высказал ещё в работе «Феодальные отношения в удельной Руси» (1901), где «распущение» Иваном III боярских служилых людей из «боярских дворов» трактовалось как целенаправленное уничтожение феодальной структуры подвассалитета. Отдельной темой стал «вассалитет без лена» – бенефиций-лен «был весьма часто фикцией; он мог состоять не только из земли, но из должностей и денег», что позволяло снять упрёк «нет лена – нет феодализма» [10, с. 390–404]. Наконец, был сформулирован тезис о том, что на Западе иммунитет привёл к узурпации суверенитета графами-вотчинниками, а на Руси этого не произошло благодаря быстрому размножению рода Рюриковичей, т.к. «окняженье» земли предупредило её «обояренье» [10, с. 308].

Таким образом, ранние «Государевы служилые люди» – книга об истории сословия,

выстроенная на отечественном источниковом материале с акцентом на правовом статусе разных категорий населения. В дальнейших трудах историк предпринял попытку создания общей истории феодализма в России, в которой дворянство выступает одним из элементов системы, а институт боярской службы получает универсальный, общеевропейский контекст. Юридическая норма, прежде изучавшаяся как самоценный факт русской истории, в методологии Павлова-Сильванского становится «лишь проявлением общественных отношений, их закреплением»; не законы создают общество, а общество создаёт законы [9, с. 502].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько обобщающих положений. Во-первых, концепция истории русского дворянства Н. П. Павлова-Сильванского прошла путь от институционально-правовой модели «Государевых служилых людей» к сравнительно-историческому синтезу в рамках теории «русского феодализма». На раннем этапе она опиралась на достижения «государственной» и «юридической» школ отечественной историографии, затем впитала в себя элементы западноевропейской науки о феодальном праве.

Кроме того, методологически историк соединил социально-юридический анализ с последовательно применяемым сравнительно-историческим методом, опираясь на обширный корпус летописных, актовых, законодательных, делопроизводственных и генеалогических источников. К концу XIX в. источниковая база изучения русского дворянства была достаточно представительной, чтобы позволить такому синтезу состояться.

И в заключении, главной заслугой Н. П. Павлова-Сильванского следует признать то, что он впервые в отечественной науке представил происхождение дворянства как закономерный процесс, вписывающийся в общую логику развития средневековых обществ. Дворянство из объекта монографического описания превратилось у него в аргумент, доказывающий типологическое сходство русского и западноевропейского исторического процесса.

Список литературы

1. Валк С.Н. Вступительная лекция Н.П. Павлова-Сильванского // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 605–614.
2. Валк С.Н. О текстах Н.П. Павлова-Сильванского // Павлов-Сильванский Н.П.

Феодализм в России / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1988. С. 580–599.

3. Ключевский В.О. История сословий в России. Пг.: Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. 276 с.

4. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. 596 с.

5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.

6. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб.: Гос.тип., 1898. 330 с.

7. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные // Сочинения. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 336 с.

8. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. 149 с.

9. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1988. 690 с.

10. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси // Сочинения. Т. 3. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 506 с.

11. Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1874. 225 с.

12. Пресняков А.Е. Биографический очерк // Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения. Т. 3: Феодализм в удельной Руси. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. XI–XIV.

13. Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1870. 564 с.

14. Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 330 с.

15. Соколова Е.В. Изучение истории русского дворянства XVIII в. в отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-2 (15). С. 168–174.

16. Чирков С.В. Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1988. С. 600–638.

17. Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1876. 680 с.

THE CONCEPT OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE WORKS OF N.P. PAVLOV-SILVANSKY: FORMATION AND EVOLUTION

In Russian historiography, the origins of the Russian nobility have long been a subject of research, but the evolution of the conceptual views of Nikolai Pavlov-Silvansky (1869-1908), one of the most prominent representatives of the St. Petersburg historical school at the turn of the 19th and 20th centuries, has been insufficiently studied. This article traces, on the basis of his works, the formation and evolution of his concept of the origin of the Russian nobility, and identifies its methodological foundations and historiographical context. At the center of attention are Pavlov-Silvansky's scholarly views on the nature and development of the service class in Russia, examined through historical-genetic, comparative-historical and historiographical analysis. The historian's concept evolved from an institutional and legal description of the "sovereign's service people" to a comparative-historical synthesis within the theory of "Russian feudalism". At the early stage the author relied on the legacy of the "state" school (S.M. Soloviev, B.N. Chicherin, V.O. Klyuchevsky) and the "juridical" school (V.I. Sergeyevich, M.F. Vladimirovsky-Budanov); later he turned to the works of F. Guizot, N.-D. Fustel de Coulanges, G. Waitz and C.F. Eichhorn, reinterpreting Russian estate history as part of the general European feudal process. The outcome of this evolution can be summarized as follows: N. P. Pavlov-Silvansky was the first in Russian science to present the origin of the nobility as a natural process that is typologically comparable to that of Western Europe. **Keywords:** N.P. Pavlov-Silvansky, Russian historiography, Russian nobility, service class, theory of feudalism, St. Petersburg historical school, history of estates, turn of the 19th–20th centuries.

References

1. Valk S.N. (1963) Vstupitel'naya lektsiya N.P. Pavlova-Sil'vanskogo [Introductory lecture of N.P. Pavlov-Silvansky] // Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya istorii SSSR: sbornik statey. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. S. 605–614.

2. Valk S.N. (1988) O tekstakh N.P. Pavlova-Sil'vanskogo [On the texts of N.P. Pavlov-Silvansky] // Pavlov-Sil'vanskiy N.P. Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia] / otv. red. S.O. Shmidt. M.: Nauka. S. 580–599.
3. Klyuchevskiy V.O. (1918) Istoriya sosloviy v Rossii [History of social estates in Russia]. Pg.: Lit.-izd. otv. Komissariata narodnogo prosveshcheniya. 276 s.
4. Lapteva T.A. (2010) Provintsial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke [Provincial nobility of Russia in the 17th century]. M.: Drevlekhranilishche. 596 s.
5. Mironov B.N. (2003) Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. [Social history of Russia in the imperial period (18th – early 20th century): in 2 vols.] SPb.: Dmitriy Bulanin. T. 1. 548 s.
6. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. (1898) Gosudarevy sluzhilye lyudi. Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva [The sovereign's service people. The origin of the Russian nobility]. SPb.: Gos. tip. 330 s.
7. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. (1909) Gosudarevy sluzhilye lyudi. Lyudi kabal'nye i dokladnye [The sovereign's service people. Bonded and registered people] // Sochineniya [Works]. T. 1. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. 336 s.
8. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. (1907) Feodalizm v Drevney Rusi [Feudalism in Ancient Rus]. SPb.: Brokgauz-Efron. 149 s.
9. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. (1988) Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia] / otv. red. S.O. Shmidt. M.: Nauka. 690 s.
10. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. (1910) Feodalizm v udel'noy Rusi [Feudalism in appanage Rus] // Sochineniya [Works]. T. 3. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. 506 s.
11. Poray-Koshits I.A. (1874) Ocherk istorii russkogo dvoryanstva ot poloviny IX do kontsa XVIII veka. 862–1796 [An essay on the history of the Russian nobility from the middle of the 9th century to the end of the 18th century. 862–1796]. SPb.: tip. V.S. Balasheva. 225 s.
12. Presnyakov A.E. (1910) Biograficheskiy ocherk [Biographical essay] // Pavlov-Sil'vanskiy N.P. Sochineniya. T. 3: Feodalizm v udel'noy Rusi [Works. Vol. 3: Feudalism in appanage Rus]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. S. XI–XIV.
13. Romanovich-Slavatinskiy A.V. (1870) Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava [The nobility in Russia from the beginning of the 18th century to the abolition of serfdom]. SPb.: tip. M-va vn. del. 564 s.
14. Sverdlov M.B. (1996) Obshchestvennyy stroy Drevney Rusi v russkoy istoricheskoy nauke XVIII–XX vekov [The social order of Ancient Rus in Russian historical scholarship of the 18th–20th centuries]. SPb.: Dmitriy Bulanin. 330 s.
15. Sokolova E.V. (2012) Izuchenie istorii russkogo dvoryanstva XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The study of the history of the Russian nobility of the 18th century in Russian historiography] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. N 1-2 (15). S. 168–174.
16. Chirkov S.V. (1988) N.P. Pavlov-Sil'vanskiy i ego knigi o feodalizme [N.P. Pavlov-Silvansky and his books on feudalism] // Pavlov-Sil'vanskiy N.P. Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia] / otv. red. S.O. Shmidt. M.: Nauka. S. 600–638.
17. Yablochkov M.T. (1876) Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii [History of the noble estate in Russia]. SPb.: tip. A.M. Kotomina. 680 s.

Об авторе

Невзорова Инна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: i_nevzorova@mail.ru

Nevzorova Inna Valerevna – PhD in History, Associate Professor at the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, (Russia). E-mail: i_nevzorova@mail.ru

Никифоров Ю.С., кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского (Россия)

КОММУНИКАЦИЯ РЕГИОН-ЦЕНТР В СССР 1970-1980-Х ГГ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЛАСТЕЙ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ)

Ключевым сюжетом исследования являются региональная политика в СССР 1970-1980-х гг. В качестве типичного региона выступают Верхневолжские области (Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская). В статье исследуются особенности коммуникации регионов и центра в решении социально-экономических проблем, анализируется соотношение установок центра и инициатив регионов, роль региональных программ. Основное внимание уделено Программе развития Нечерноземья и ее влиянию на взаимодействие регионов и центра. Анализируются и другие региональные программы («Программа мелиорации», «Продовольственная программа»). Корпус источников включает неопубликованные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Ярославской области (ГЯО), Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО), официальные нормативные документы, данные устной истории и научной литературы. Подчеркивается, что программы регионального развития в СССР были инструментом «сглаживания» социально-экономических диспропорций территорий. Делается вывод, что реализация региональных программ в СССР 1970-1980-х гг. носила противоречивый характер. С одной стороны, они замедлили негативные демографические тенденции, связанные с исходом населения из деревень, способствовали росту уровня жизни населения в Нечерноземье. С другой стороны, региональные программы поощряли потенциально опасное для центра стремление регионов к самодостаточности, нередко способствовали нецелевому расходованию средств руководителями региональной власти. В статье утверждается, что в 1970-1980-е гг. региональные программы были катализатором других нормативных актов центра, точно стимулировавших экономический рост и социальное развитие.

Ключевые слова: СССР, Нечерноземье, Верхневолжские области, региональная политика, коммуникация, власть, неравенство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-89-96

Введение. Региональная политика / политика регионального развития - постоянный приоритет для власти в современной России [27;28]. Показательна в этом смысле новая «Стратегия пространственного развития РФ» [26]. Во многом этот документ является ответом власти на возникшие дисбалансы между территориями, демографические трудности, отток молодежи из провинции в Москву и Санкт-Петербург, региональное неравенство [10]. В этом смысле актуален и практически значим для современности исторический опыт взаимодействия регионов с центром в послевоенную советскую эпоху, приближающий к пониманию исторических корней некоторых текущих проблем: депопуляция населения и сжатия освоенного пространства в центральной России [14]. С 1970-х гг. значимым механизмом реализации региональной политики в СССР, инструментом «сглаживания» социально-экономических диспропорций территорий стали программы регионального развития. Для областей Верхней Волги (Владимирская, Ивановская,

Костромская, Ярославская) [15], находящихся в центре внимания настоящего исследования, они были значимы, прежде всего, как источник дополнительного финансирования. Историографические аспекты исследуемой проблемы многогранны. Подчеркнем, что после принятия «Программы развития Нечерноземья» в 1974 г. [17] наступил кардинально новый этап как в региональной политике СССР [7], так и в жизни самих регионов Нечерноземья, к которым относятся и области Верхней Волги [15]. Вместе с тем, некоторые авторы придерживаются мнения, что региональные программы лишь усиливали территориальное неравенство, существовавшее в СССР [2, с.309]. В работах А.И. Шевелькова присутствует обстоятельный анализ сельского хозяйства и аграрной программы развития для Нечерноземья. Одна из его последних публикаций содержит важную информацию об участии министра сельского хозяйства РСФСР Л.Я. Флорентьева (ранее – первого секретаря Костромского обкома КПСС, 1956-1965) в обсуждении проблем

развития сельского хозяйства [30], предшествовавшее принятию «Программы развития Нечерноземья». В этом смысле карьера Л.Я. Флорентьева интегрировала и региональный, и центральный опыт [8].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть коммуникации регионов и центра в СССР при решении социально-экономических проблем в областях Верхней Волги 1970-х – первой половины 1980-х гг., оценив соотношение установок центра и инициатив регионов, роль и реализацию региональных программ развития.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма объективности, обусловленных критическим анализом источников, рассмотрением исторических явлений в контексте советской эпохи. Применен метод исторической реконструкции, связанный с воссозданием исторической картины прошлого процесса посредством комплексного анализа различных аспектов исторической проблемы.

Результаты и их обсуждение. Упомянутая «Программа развития Нечерноземья», получившая высокую оценку в интервью представителей региональной власти 1970-1980-х гг. [16, с.206-220], заложила нормативную основу для ресурсной поддержки Нечерноземья. Продолжением этой линии стали постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 12 марта 1981 г. «О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1981-1985 гг.» [11, с.124-135] и от 27 августа 1981 г. «Об оказании шефской помощи в строительстве объектов сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности в Нечерноземной зоне РСФСР в 1981-1985 гг.» [11, с.198-200]. При поверхностном рассмотрении этих документов, ориентированных на интенсификацию, создавалось впечатление динамичности сельского хозяйства, которому требовалась незначительная корректировка и помощь со стороны центра. В реальности аграрный сектор экономики СССР оставался проблемным. Значительные усилия и центральной, и региональной власти в 1960-1980-е гг. были направлены на сглаживание кризисных процессов в сельском хозяйстве. Уже в первые недели после отставки Н.С. Хрущева новое коллективное

руководство предприняло некоторые меры по развитию личных подсобных хозяйств и промыслов: Постановление ЦК КПСС от 27.10.1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих» [19, с. 517], Постановление Совмина СССР от 16.09.1967 г. «О дальнейшем развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве» [20, с. 596-600]. На уровне экспертных институтов также звучали предложения по развитию кадрового потенциала советской деревни. Председатель Совета по изучению производительных сил (СОПС) В.П. Можихин в аналитической записке от 23 марта 1984 г. «Об улучшении управления территориальным развитием» предлагал более широко поддерживать среднее профессиональное образование в сельской местности - «организовывать СПТУ» [25, Л.423].

К началу 1980-х гг. принимались уже адресные решения центральных органов власти, касающиеся развития и финансирования конкретного региона - отдельной области Верхней Волги. Программа поддержки Нечерноземья «запустила» цепочку постановлений, призванных способствовать развитию конкретных территорий. Так, группа документов «О выполнении Роспотребсоюзом Постановления Совмина РСФСР от 08.10.1974г. №541 «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (1976 г.) касалась развития торговли и общественного питания во Владимирской области [3]. Ключевая выписка из протокола заседания Комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по вопросам производства и поставки товаров народного потребления от 8 октября 1976 г. содержала указание В. Казакова, зам. председателя Совмина РСФСР, адресованное Роспотребсоюзу. Она предписывала «ускорить организацию передвижных механизированных колонн для строительства предприятий потребительской кооперации в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР в соответствии с распоряжением Совмина СССР №2767р от 18.12.1975 г.» [3, Л.3]. Анализ этого и аналогичных архивных документов свидетельствовал о разнонаправленной работе центральной власти в решении проблем Нечерноземья. Оценивая представленные

нормативные акты, последовательно дублирующие друг друга с интервалом в несколько месяцев, не трудно заметить, что реализация региональных программ наталкивались на бюрократические препятствия со стороны промежуточных структур институциональной цепи управления. В анализируемом документе, в частности, были встречены отсылки к трем подзаконным актам.

Интенсивная переписка по линии «регион-центр» за сентябрь-ноябрь 1980 г., отложившаяся в ГАРФ, свидетельствовала о росте мер помощи Владимирской области со стороны центра [5]. На 1981-1985 гг. для данного региона был заложен финансовый фундамент «дальнейшего развития сельского хозяйства» [5, Л.1]. Практически аналогичные меры центральная власть предприняла для выправления социально-экономической обстановки в Ивановском и Костромском регионах. Архивное дело из ГАРФ «О состоянии и мерах по развитию...», датированное маем 1980 г. - декабрем 1987 г., фиксировало устойчивую линию центра на поддержку роста «производства местных строительных материалов в Ивановской и Костромской областях» [4].

Важным аспектом региональной политики было сохранение трудовых ресурсов на селе, прежде всего, молодежи. В 1970-1980-е гг. региональные власти предпринимали собственные шаги в этом направлении. Их инициативные попытки решения проблемы, связанной с оттоком молодежи из сельской местности, встречали отклик как у местного населения, так и у центрального руководства. Так, в Костромской области с середины 1970-х гг. широкое распространение получила комсомольская инициатива «С аттестатом зрелости, с комсомольской путёвкой - на вторую целину в родное Нечерноземье» [13]. Инициаторами этого массового молодёжного движения стали сами выпускники сельских школ (Николо-Шангской, Шулевской, Игодовской, Веденской, Межевской, Мантуровской, Кологривской, Чухломской), получив поддержку первого секретаря Костромского обкома КПСС Ю.Н. Баладина [13]. В 1976 г. приветствие слету выпускников прислал Л.И. Брежнев, а инициатива получила развитие на всесоюзном уровне. Как следствие, в сельское хозяйство Костромской области механизаторами, животноводами, строителями пришли

работать более 20 тыс. выпускников школ [1, с.5-6]. В рабочих записях Л.И. Брежнева за октябрь-декабрь 1976 г. сохранилось краткое упоминание о поддержке инициативы: «Принимал Кострому, т. Баландина Юрия Николаевича... Ребята поехали на село — благодарил за поддержку» [12, с.698].

Оборотной стороной промышленного подъема Ярославской области стало оскудение людских ресурсов ярославской деревни [9]. Среди проблем аграрного сектора региона, Т.П. Колпаков в интервью называл недостаток техники и удобрений, невысокую урожайность, кадровую проблему, нехватку лимитов на электроэнергию для трансформаторов [16, с.206-220]. К началу 1980-х гг. аграрные проблемы области стали одним из главных упреков в адрес многолетнего первого секретаря Ярославского обкома Ф.И. Лощенкова. В 1982 г. М.С. Горбачев, тогдашний секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству, в период визита в область подверг критике аграрный сектор региона на пленуме Ярославского обкома [29]. По воспоминаниям очевидца, М.С. Горбачев жестко раскритиковал Ф.И. Лощенкова: «За 22 года работы в Ярославской области вы довели сельское хозяйство до развала, разграбили людей из села, рабочий класс нечем кормить» [6, Л.2]. Со стороны простых жителей Ярославской области в центр направлялись анонимные письма, содержавшие критику Лощенкова - «за развал» сельского хозяйства и продовольственные проблемы [22].

Противоположной точки зрения придерживался в интервью Т.П. Колпаков, секретарь Ярославского обкома КПСС в 1970–1980-е гг. Эти годы позиционируются респондентом как период расцвета сельского хозяйства Ярославской области и социального равновесия: по занятости населения и размещению на территории области [16, с.206-220].

Оценивая эти аргументы Т.П. Колпакова, учитываем желание интервьюируемого в более выгодном свете представить свою роль, поскольку в 1970-1980-х гг. именно он как секретарь обкома напрямую отвечал за аграрную сферу региона. Другой респондент - И.А. Толстоухов, преемник Ф.И. Лощенкова на посту первого секретаря Ярославского обкома КПСС в 1986-1990 гг. - признавал ответственность региональной власти за

диспропорцию между городом и селом: «Существенной ошибкой... вызванной влиянием директив центра, было неверное размещение производительных сил области, дисбаланс в пользу города и промышленности. В 1970–1980-е гг. наблюдался отток сельского населения особенно из районов ближайших к городам; своевременно не были созданы достойные условия для жизни на селе. Запоздалые попытки предпринимались: вышла директива о запрете строительства новых производств, которая была призвана остановить процесс обезлюдения нечерноземной деревни. Нужно, видимо было, эти решения принять на 5–10 лет раньше, и был бы сокращен отток сельского населения в города» [16, с.232-233]. Вместе с тем, как видно из интервью, главным виновником И.А. Толстоухов называл неверные и запоздалые указания Москвы.

Противоречивыми по результатам, но существенными с точки зрения финансирования были и другие программы регионального развития. Специальным актом была зафиксирована «Программа мелиорации» - Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 28.05.1981 г. №501 «О комплексной программе развития мелиорации земель на 1981-1985 гг.» [21, с.29-31]. Нормативные документы были формально направлены, главным образом, на развитие аграрного сектора экономики. Однако в реальности часто имело место нецелевое расходование финансовых средств и ресурсов. В этой связи представителями региональной власти 1970-1980-х гг. высоко оценивалась именно «Программа мелиорации». Т.П. Колпаков в ходе интервью отмечал ее роль в реализации инфраструктурных региональных проектов, напрямую не связанных с сельским хозяйством [16, с.214]. Это обстоятельство свидетельствовало о некотором росте самостоятельности региональной власти в части распорядительных функций. Из интервью очевидны широкие возможности областного руководства по своему усмотрению управлять значительными финансовыми ресурсами, которые выделялись в рамках союзных / республиканских региональных программ [15].

С формальной точки зрения, такая тенденция означала нецелевое расходование средств, но в реальности способствовала развитию важных для региона социальных,

культурных и логистических объектов, необходимость строительства которых не всегда была очевидна для центра [15]. Как вспоминал Т.П. Колпаков, в рамках «Программы мелиорации» были возведены корпуса Ярославского технического университета [16, с.214]. Однако простые жители областей Верхней Волги видели и негативные следствия мелиорации, связанные, главным образом, с ее непродуманной реализацией на местах [15]. Жители Шарьи Костромской области в неопубликованном письме в газету «Сельская жизнь» подчеркивали негативные экологические последствия для природной среды: «Пришли мелиораторы, чтобы осушить болото и уничтожили плантацию клюквы» [23, Л.4].

Большие надежды центральные и региональные власти также возлагали на «Продовольственную программу», принятую правительством РСФСР [18]. В рамках ее реализации регионы, по свидетельству одного из респондентов, нередко решали проблемы, связанные с развитием инфраструктуры: «было проведено строительство жилья, дорог, больниц, школ и других объектов соцкультбыта» [16, с.214].

В 1983 г., спустя почти 9 лет после начала реализации Программы развития Нечерноземья, сотрудники Экономического отдела ЦК КПСС в служебной записке осторожно констатировали неэффективность капиталовложений в аграрный сектор: «средства, вложенные в сельское хозяйство, еще не дают должной отдачи» [24, Л.6]. Отметим, что к 1980-м гг. в фокусе союзной власти оказались и более успешные регионы РСФСР (например, Центрального Черноземья). Для их поддержки также принимались совместные постановления ЦК КПСС и Совмина СССР. Так, 19 марта 1981 г. датируется подобный нормативный акт «О дальнейшем развитии сельского хозяйства Центрально-Черноземного района РСФСР» [11, с.136-147].

Заключение. Подводя итоги, отметим, что механизмом дополнительного финансирования областей Верхней Волги в 1970-1980-е гг. стали программы регионального развития, направленные на спасение нечерноземной деревни. Ведущим инструментом была «Программа развития Нечерноземья» - катализатор других решений центра, точечно стимулировавших экономический рост и социальное развитие. Другие программы

(«Программа мелиорации», «Продовольственная программа») при некоторой самостоятельности местной власти в распределении ресурсов породили нецелевое расходование средств, перенаправленных на развитие региональной инфраструктуры. В 1970-1980-х гг. коммуникация в системе регион-центр в сфере решения местных социально-экономических проблем Верхневолжья балансировала между установками центра и собственными инициативами регионов, которые в сравнении с 1950-1960-ми гг. стали более активными субъектами региональной политики. В числе важных инициатив региональной власти Верхневолжья 1970-1980-х гг. были меры по удержанию сельской молодежи в деревне, поддержанные центром.

«Поворот 1974 г.», связанный с Программой развития Нечерноземья, несомненно, позитивно сказался на областях

Верхней Волги, включенных в эту региональную программу. Меры по развитию инфраструктуры и росту уровня жизни сыграли положительную роль, затормозив негативные демографические тенденции, связанные с исходом населения из деревень. При этом выстраивание цепочки решений, принимаемых в центре, не всегда носило системный и целенаправленный характер. Это отразилось в размещении производительных сил, вызвавшем дисбаланс в пользу города и промышленности, кризис аграрного сектора и нечерноземной деревни. Ответом на просчеты центра стало латентное движение Верхневолжских областей к самодостаточности, проявившейся в стремлении концентрировать максимальное количество всевозможных ресурсов внутри региона. Данный аспект, безусловно, перспективен для отдельного специального исследования.

Список литературы

1. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970-1980. М.: Наука, 2007. 381 с.
2. Балыбердин В.И. Мы строили комсомол, комсомол строил нас // Губернский дом. 2018. №4. С.3-8
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А259. Оп. 46. Д.6887.
4. ГАРФ. Ф.А259. Оп.48. Д.1577
5. ГАРФ. Ф.Р5446. Оп.136. Д.834
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р-1054. Оп.1. Д.105.
7. Горизонтов Л.Е. Конфликты в советском руководстве. Приоритеты в развитии регионов: Нечерноземье – целина // Вестник архивиста. 2013. №4. С.184-191; 2014. №1. С.160-177.
8. Горизонты Нечерноземья. Партийное руководство комплексным развитием сельского хозяйства / Сост. Л.Я. Флорентьев. М.: Политиздат, 1977. 255 с.
9. Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М.: Наука, 1996. 215 с.
10. Зубаревич Н.В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х гг.: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. №6. С. 15-26.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.14. 1981-1984. М.: Политиздат, 1987. 638 с.
12. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. / отв. ред. С.В. Кудряшов. Т.1: 1964–1982 гг. М.: Историческая литература, 2016. 1264 с.
13. Молодые хозяева земли / Сост. В.А.Тупиченков. М.: Политиздат, 1980. 206 с.
14. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т.7. №2. С.31-53.
15. Никифоров Ю.С. Области Верхней Волги в системе отношений «регион–центр»: институты, направления и форматы взаимодействия (1953–1985 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Ярославль, 2026. 547 с.
16. Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950-1980-е гг.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 275 с.

17. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г. №206 «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР // Собрание постановлений Правительства СССР. 1974. №9. Ст.39
18. Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации. М.: Политиздат, 1984. 111 с.
19. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.5. М.: Политиздат, 1968. 750 с
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.6. М.: Политиздат, 1968. 816 с.
21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.14. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
22. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.100. Оп.6. Д.195.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.591. Оп.1. Д.246.
24. РГАСПИ. Ф.653. Оп.1. Д.38.
25. РГАСПИ. Ф.653. Оп.1. Д.39.
26. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р // Собрание законодательства РФ. 2025. №2. Ст. 74.
27. Указ Президента РФ от 03.06.1996 г. №803 «Об Основных положениях региональной политики в РФ» // Собрание законодательства РФ. 1996. №23. Ст. 2756.
28. Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.» // Собрание законодательства РФ. 2017. №4. Ст. 637.
29. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНІЯО). Ф.272. Оп.270. Д.71.
30. Шевельков А.И. Документы федеральных архивов об истории формирования аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР // Проблемы аграрной истории. Липецк: ЛГПУ им. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 149-154

REGIONAL-CENTER COMMUNICATION IN THE USSR IN THE 1970S-1980S THROUGH THE LENS OF REGIONAL PROGRAMS (BASED ON THE UPPER VOLGA REGIONS)

The key focus of this study is regional policy in the USSR in the 1970s-1980s. The Upper Volga regions (Vladimir, Ivanovo, Kostroma, and Yaroslavl) serve as a typical region. The article examines the specifics of regional-center communication in addressing socioeconomic issues, analyzes the relationship between central government policies and regional initiatives, and the role of regional programs. The focus is on the Non-Black Earth Region Development Program and its impact on regional-center interactions. Other regional programs (the Land Reclamation Program and the Food Program) are also analyzed. The source corpus includes unpublished documents from the State Archives of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the State Archives of the Yaroslavl Region (GAYaO), the Center for Documentation of Contemporary History of the Yaroslavl Region (TsDNIYAO), official regulatory documents, oral history data, and scientific literature. It is emphasized that regional development programs in the USSR were a tool for "smoothing out" socioeconomic disparities between territories. It is concluded that the implementation of regional programs in the USSR in the 1970s and 1980s was contradictory. On the one hand, they slowed the negative demographic trends associated with the exodus from rural areas and contributed to an increase in the standard of living in the Non-Black Earth Region. On the other hand, regional programs encouraged the regions' desire for self-sufficiency, which was potentially dangerous for the center, and often contributed to the misuse of funds by regional government leaders. The article argues that in the 1970s and 1980s, regional programs were a catalyst for other central regulations that targeted economic growth and social development.

Keywords: USSR, Non-Black Earth Region, Upper Volga Region, regional policy, communication, power, inequality.

References

1. Bokarev Yu.P. (2007) SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970-1980. [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West. 1970-1980]. М.: Nauka, 2007. 381 s.

2. Balyberdin V.I. (2018) My stroili komsomol, komsomol stroil nas [We Built the Komsomol, the Komsomol Built Us] // Gubernskij dom [Gubernsky Dom]. 2018. №4. S.3-8
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation]. F.A259. Op.46. D.6887.
4. GARF. F.A259. Op.48. D.1577
5. GARF. F.R5446. Op.136. D.834
6. Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti (GAYAO) [The State Archives of the Yaroslavl Region]. F.R-1054. Op.1. D.105.
7. Gorizontov L.E. (2014) Konflikty v sovetskom rukovodstve. Prioritety v razvitii regionov: Nechernozem'e – celina [Conflicts in the Soviet Leadership. Priorities in Regional Development: Non-Black Earth Region – Virgin Lands] // Vestnik arhivista [Archivist's Bulletin]. 2014. №1. S.160-177.
8. Gorizonty Nechernozem'ya. Partijnoe rukovodstvo kompleksnym razvitiem sel'skogo hoz'yajstva [Horizons of the Non-Black Earth Region. Party Leadership of the Integrated Development of Agriculture] / Sost. L.Ya. Florent'ev. M.: Politizdat, 1977. 255s.
9. Denisova L.N. (1996) Ischezayushchaya derevnya Rossii: Nechernozem'e v 1960–1980 [The Disappearing Village of Russia: Non-Black Earth Region in the 1960s–1980s]. M.: Nauka, 1996. 215s.
10. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2013) Neravenstvo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regionov i gorodov Rossii 2000: rost ili snizhenie? [Inequality of Socioeconomic Development of Regions and Cities of Russia in the 2000s: Growth or Decline?] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 2013. №6. S.15–26
11. KPSS v rezolyuciyah i resheniyah "ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986) [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898-1986)]. T.14. 1981-1984. M.: Politizdat, 1987. 638 s.
12. Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi [Leonid Brezhnev. Work and Diary Entries] v 3 t. / otv. red. S.V.Kudryashov. T.1: 1964–1982. M.: Istoricheskaya literatura, 2016. 1264 s.
13. Molodye hozyaeva zemli [Young Masters of the Land] / Sost. V.A.Tupichenkov. M.: Politizdat, 1980. 206 s.
14. Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2020) Polyarizaciya i szhatie osvoennyh prostranstv v Centre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and compression of developed spaces in the center of Russia: trends, problems, possible solutions] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 2020. T.7. №2. S.31–53.
15. Nikiforov Yu.S. (2025) Oblasti Verhnej Volgi v sisteme otnoshenij «region–centr»: instituty, napravleniya i formaty vzaimodejstviya (1953–1985) [Upper Volga regions in the system of "region-center" relations: institutions, directions and formats of interaction (1953-1985)]: dis. ... dokt. ist. nauk. Yaroslavl', 2026. 547 s.
16. Nikiforov Yu.S. (2021) Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980) [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980)]. Yaroslavl, YGPU. 275 p.
17. Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 20.03.1974 g. №206 «O merah po dal'nejshemu razvitiyu sel'skogo hoz'yajstva Nechernozemnoj zony RSFSR [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of March 20, 1974, No. 206 "On Measures for the Further Development of Agriculture in the Non-Black Earth Zone of the RSFSR"] // Sobranie postanovlenij Pravitel'stva SSSR [Collected Resolutions of the USSR Government]. 1974. №9. St.39
18. Prodovol'stvennaya programma SSSR na period do 1990 g. i mery po ee realizacii [Food Program of the USSR for the Period up to 1990 and Measures for its Implementation]. M.: Politizdat, 1984. 111 s.
19. Resheniya partii i pravitel'stva po hoz'yajstvennym voprosam [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. T.5. M.: Politizdat, 1968. 750 s
20. Resheniya partii i pravitel'stva po hoz'yajstvennym voprosam [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. T.6. M.: Politizdat, 1968. S. 596-600. 816 s.
21. Resheniya partii i pravitel'stva po hoz'yajstvennym voprosam [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. T.14. M.: Politizdat, 1983. 703 s.

22. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI) [The Russian State Archive of Contemporary History]. F.100. Op.6. D.195.
23. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History]. F.591. Op.1. D.246.
24. RGASPI. F.653. Op.1. D.38.
25. RGASPI. F.653. Op.1. D.39.
26. Strategiya prostranstvennogo razvitiya RF na period do 2030 g. s prognozom do 2036 g. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.12.2024 g. № 4146–r [Strategy for Spatial Development of the Russian Federation through 2030 with a Forecast through 2036. Order of the Government of the Russian Federation dated 28.12.2024 No. 4146-r]. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2025. №2. St. 74.
27. Ukaz Prezidenta RF ot 03.06.1996 g. №803 «Ob Osnovnyh polozheniyah regional'noj politiki v RF» [Decree of the President of the Russia of June 3, 1996, No.803 "On the Basic Provisions of Regional Policy in the Russia"] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]. 1996. №23. St. 2756.
28. Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 g. №13 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitiya RF na period do 2025» [Decree of the President of the Russia of January 16, 2017, No.13 "On Approval of the Fundamentals of the State Policy for Regional Development of the Russia through 2025"] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2017. №4. St. 637.
29. Centr dokumentacii novejshej istorii Yaroslavskoj oblasti (CDNIYAO) [The Center for Documentation of Contemporary History of the Yaroslavl Region]. F.272. Op.270. D.71.
30. Shevel'kov A.I. (2025) Dokumenty federal'nyh arhivov ob istorii formirovaniya agrarnoj politiki gosudarstva v Nechernozemnoj zone RSFSR [Documents from federal archives on the history of the formation of state agrarian policy in the Non-Black Earth Zone of the RSFSR] // Problemy agrarnoj istorii [Problems of Agrarian History]. Lipetsk: LGPU im. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2025. S.149-154

Об авторе

Никифоров Юрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Nikiforov Yuriy Sergeevich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky (Russia). E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

УДК 94(73)"1830/1900"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Яшкова В.А., независимый исследователь (Россия)

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ЦЕРКВИ И ЖЕНСКОЕ СВЯЩЕНСТВО В РАННЕМ ДВИЖЕНИИ СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

В статье рассматривается процесс формирования и развития представлений о роли и положении женщины, ее церковном служении и священстве в деноминациях движения святых последних дней в XIX в. На основании дискурс-анализа корпуса канонических и иных церковных текстов, архивных документов, официальных публикаций церковных организаций и научных работ по истории мормонизма впервые в отечественной исторической науке рассмотрено развитие представлений о женском священстве и церковном служении женщин с момента основания Церкви пророком Джозефом Смитом-младшим (1805-1844) в 1830 г. до конца XIX в. В статье рассматривается история создания и становления женского церковного «Общества Милосердия», а также развитие представлений о женском священстве и церковном служении в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (бригамитов) в контексте женского движения (феминизма) в США. В сравнительном аспекте кратко охарактеризованы взгляды на женское священство у странгитов и бикертонитов. Особое внимание уделяется развитию представлений об образе женщины, ее роли и положении в церкви и обществе США, а также влиянию на него социально-политических процессов в Америке. Сделан вывод о том, что развитие представлений о положении и роли женщины в деноминациях движения святых последних дней было обусловлено как внутрицерковными процессами церковной институционализации и централизации, так и общественно-политическими процессами, происходившими в США в исследуемый период.

Ключевые слова: религиозная история США, Джозеф Смит-младший, женское священство, феминизм, мормоны, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-97-108

Введение. Движение святых последних дней, возникшее в период Второго Великого пробуждения конца XVIII – первой трети XIX вв. на Севере США, представляет собой уникальный религиозный и исторический феномен. Его крупнейшим представителем является Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, известная также как «бригамиты». Она была организована 6 апреля 1830 г. Джозефом Смитом-младшим, переводчиком «Книги Мормона», основателем и первым пророком религиозного движения святых последних дней (мормонов). Её вероучение сформировалось под влиянием идей американского мессианизма и неразрывно связано с историческим развитием США. Религиозные представления мормонов отличаются рядом оригинальных учений, отличных как от традиционного христианства, так и от большинства новых религиозных движений. Мормонизм является религией непрекращающегося откровения. Ключевым механизмом развития мормонского вероучения является получение откровения президентом церкви, который является «пророком», подобным

пророкам Ветхого Завета. На протяжении всей истории церкви ее учения постоянно пересматриваются под влиянием как внутрицерковных, так и внешних исторических событий. Данную связь можно обнаружить в последовательном изменении вероучительных доктрин и ритуальных практик мормонской церкви посредством получения откровений, происходящих в ответ на внешние социально-политические и правовые процессы в истории США. Примером таких изменений может служить получение откровения о запрете многоженства в 1890 г. после введения подобного запрета в США на законодательном уровне в 1882 г.

Движение за права женщин в США, вышедшее из аболиционистского движения 1830-х гг., и последующая «первая волна» феминизма также оказали влияние на церковное учение. Главным требованием женского движения 1830–1840-х гг. являлось равноправие во всех сферах жизни. Это требование было закреплено в 1848 г. в «Декларации чувств» на первой в американской истории конференции по правам женщин в г. Сенека-

Фолс (штат Нью-Йорк). Инициативы мормонских женщин 1840-х гг. привели к получению Джозефом Смитом откровения о создании в 1842 г. в церкви благотворительного женского «Общества Милосердия». Его участницы впоследствии стали активистками суфражистского движения конца XIX – начала XX вв.

Открытие церковных архивов, таких как генеалогический портал «FamilySearch» в 1999 г., научно-исследовательский проект с открытым доступом к личным дневникам ранних церковных лидеров и церковным архивам «Joseph Smith Papers» в 2001 г. и «Church History Library» в 2009 г. и их доступность привели к росту интереса к проблеме положения и роли женщины в истории церкви.

В отечественной историографии тема данной статьи является неисследованной. Проблематика мормонизма представлена в отечественной науке многочисленными исследованиями по истории мормонизма В.В. Прилуцкого [2; 3] и Л.В. Байбаковой [1]. Проблематика мормонизма в отечественной науке остается недостаточно разработанной.

В западной, преимущественно американской исторической науке некоторые аспекты женского священства и феминизма в истории Церкви Иисуса Христа Святых последних дней представлены в исследованиях таких историков, как М.М. и П.Дж. Тоскано [44; 45; 46], Д.М. Квинн [32; 33], Л.К. Ньювелл [29], М. Хэнкс [16], К.К. Мэдсен [25]. К.К. Мэдсен, Д.М. Дерр и Дж.Р. Каннон [10; 11] изучали историю возникновения и становления «Общества Милосердия», Л.К. Ньювелл и В.Т. Эйвери [30] – роль женщин-мормонок в ранний период церкви.

Цель исследования – проследить формирование и развитие представлений о женском священстве и церковном служении, роли и положении женщины в деноминациях святых последних дней в период с 1830 г. до конца XIX в., а также выявить факторы, влиявшие на данные процессы.

Объекты и методы исследования. Объект исследования – положение и роль женщины в деноминациях американского религиозного движения святых последних дней в XIX в. Предмет исследования – развитие представлений о роли и положении женщины, ее церковном служении и священстве

в деноминациях святых последних дней в период с 1830 г. до конца XIX в. Исследование основано на принципах историзма и объективности. В исследовании использованы историко-генетический, историко-сравнительный методы, а также дискурс-анализ, направленный на выявление изменений представлений о роли и положении женщины, ее церковном служении и священстве в корпусе канонических и иных церковных текстов, архивных документов, официальных публикаций церковных организаций.

Результаты и их обсуждение. После организации Церкви в апреле 1830 г. Джозеф Смит-младший получил откровение для своей жены Эммы Хейл Смит (1804-1879), в котором Бог сообщил, что она «избранная госпожа» («Elect Lady whom I have called»), которую Он «призвал» («whom I have called») и «посвятил» («ordained under his hand») через возложение рук помогать мужу в качестве писаря и «разъяснять Священные Писания» («hand to expound Scriptures») [38]. В первой половине XIX в. термин «to ordain» использовался прежде всего для обозначения церковного рукоположения в священство. Согласно Словарю Вебстера («Webster's American Dictionary of the English Language») 1828 г., глагол «to ordain» [48] означает «наделять пастырской функцией или властью священника», «вводить и утверждать или закреплять пастырское служение с соблюдением обычных форм и торжеств», «рукополагать», «назначать», «устанавливать», «избирать». С подобным значением термин «to ordain» употреблялся и в других церковных источниках раннего периода мормонской церкви, фиксирующих рукоположения в священство [4; 6; 12] или обращение к его носителям [5; 19; 43]. Анализ источников позволяет утверждать, что «to ordain» в данный исторический период использовалось преимущественно в значении рукоположения в священство.

Ранняя мормонская церковь отличалась особой прогрессивностью в социальных и политических вопросах. Мормоны принимали активное участие в выборах, поддерживали движения аболиционистов и трезвенников, способствовали проявлению женских инициатив, а также предоставляли женщинам особые привилегии в церковной иерархии и мормонской космологии. 17 марта 1842

г. Джозефом Смитом в г. Наву (Иллинойс) в верхней комнате своего магазина из красного кирпича «властью священства и по его образу» [35] (в других источниках «в порядке священства по образцу церкви» [22]) было организовано «Женское общество милосердия Наву». Его участницы собирались для пошива рубашек для работников строившегося храма. В основе «Общества» лежали Устав и Правила, разработанные Элизой Рокси Сноу (1804-1887), известной как «потетесса Сиона» [14]. Название «Общества» было подобным названиям женских благотворительных обществ, популярных в то время в США [28, р. 41; 35]. Президентом была избрана жена пророка Эмма Хейл Смит, назначившая по образцу Первого Президентства двух своих советниц – Сару М. Кливленд (1788-1856) и Элизабет Энн Уитни (1800-1882). Элиза Р. Сноу была назначена секретарем.

Член Кворума Двенадцати Апостолов и будущий третий президент-пророк мормонов Джон Тейлор (1808-1887), также присутствовавший на встрече, «рукоположил или избрал (посвятил) трехчленное президентство в новые призвания или должности» («ordained or set apart the three-member presidency to their new callings or offices») [28, р. 41]. Тем самым он наделил женщин-мормонок священнической властью. Позднее Джон Тейлор вспоминал, что «президент Смит зачитал Эмме Смит Откровение из книги «Учение и Заветы» и заявил, что она была рукоположена в то время [1830 г.], когда ей было дано Откровение» [28, р. 31]. Интересно отметить, что по воспоминаниям Элизы Р. Сноу Джозеф Смит-младший утверждал, что Общество «имеет древнее происхождение» и «такая организация существовала в Церкви и прежде» [36]. Создание Общества становилось важной частью «Восстановления» [11]. На протяжении 1842 г. Джозеф Смит принимал участие в девяти собраниях Общества, на шести из которых он проповедовал. В протоколах собраний содержатся наставления пророка относительно «новых обязанностей женщин, их авторитета и предстоящих храмовых благословений» [28, р. 41], а также об усилиях женщин «по нравственному преобразению и гражданской активности» [28, р. 41]. 28 апреля 1842 г., председательствуя на собрании

Общества, мормонский пророк объяснил, как женщины могут обрести «привилегии, благословения и дары священства», указав на «знамения», которые «должны сопровождать их» при осуществлении их священнического служения, под которым подразумевались «исцеление больных, изгнание бесов и т.д.» [21]. Отмечалось, что женщины «могут достичь этих благословений добродетельной жизнью, поведением и усердием в соблюдении всех заповедей» [21]. «Это Общество призвано получать наставления в порядке, установленном Богом, – через посредничество тех, кто назначен руководить, – и теперь я передам вам (поверну для вас) ключ во имя Бога, и это Общество возрадуется и обретет знание и мудрость, (которые) будут изливаться с этого времени – это начало лучших дней для этого Общества». Данной «передачей» или «поворотом» ключа пророк официально включил Общество милосердия в состав церковной иерархии и «Царства Божьего» [20].

Слова Джозефа Смита о «передаче (повороте) ключа» и возможности получения «даров священства» для женщин, а также воспоминания мормонской активистки за права женщин и соосновательницы «Женского общества милосердия Наву» Сары М. Грейнджер Кимбалл (1818-1898) касательно «организации Общества в «Порядок Священства» [39] («in the Order of the Priesthood»), то есть в священный сан, пусть и не имеющий особого чина, как Аароново и Мелхиседеково священства, вносят некоторую неопределенность в определение статуса женщин в ранней мормонской церкви. Несомненным представляется факт дарования священства женщинам, состоящим в Обществе и рукоположенным апостолом, являвшимся носителем священства Мелхиседекова и обладавшим «ключами священства». Протоколы первых собраний содержат сведения об «исцелениях», осуществлявшихся женщинами еще до организации Общества. Таким образом, «Женское общество милосердия Наву», получившее позднее название «Общество милосердия», представляло собой организованную Джозефом Смитом по принципу церковного священства женскую благотворительную организацию, являвшуюся частью «Восстановления». Его Президентство действовало под руководством церковных

руководителей и на ранних этапах обладало властью особого священства, отличного от Ааронова и Мелхиседекова.

28 сентября 1843 г. на собрании Помазанного Кворума его президент Джозеф Смит ввел новое храмовое таинство «второго помазания», в котором он был «помазан и рукоположен в высший и святейший сан священства» [22] вместе со своей женой Эммой Х. Смит. С ней он находился на тот момент в «запечатанном» храмовом браке. Помазание позволяло получить «полноту священства» [13] как мужчинам, так и женщинам [7; 31]. Получение «полноты священства» включало в себя «дополнительные полномочия», которые составляли «все ключи, принадлежащие святому священству на земле или когда-либо открытые человеку в каком-либо устройении, и которые позволяют мужчинам и женщинам пройти за завесу» [47] «мимо ангелов и богов» [47] «в присутствии Отца и Сына» [47]. Мужчина помазывался «Царём в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» [18], а его жена – «царицей и жрицей («Queen & Priestess») для ее мужа в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и в Израиле» [18]. Это было необходимо, «чтобы они правили и царствовали над своим потомством и теми, кто может быть усыновлен ими, в великом юбилее покоя, который близок» [47].

В номере церковного журнала «Millennial Star» от 15 января 1847 г. приводилась «Схема Царства Божьего», демонстрирующая организацию «Царства» и распределение спасенных мормонов по уровням Небес. Мужчины и женщины, получавшие помазание, являлись «избранными сосудами Божьими», «царями, царицами и священниками», которые должны были встать во главе «крупнейших царств под властью Отца» [27]. «Они получили омовение и помазание в храме Божьем на этой земле; они были избраны, рукоположены и помазаны царями и священниками, чтобы царствовать как таковые в воскресении праведных. Те, кто не получил полноты священства (ибо полнота священства включает в себя власть как царя, так и священника) и не был помазан и рукоположен в храме Всевышнего, могут получить спасение в небесном царстве, но не небесный венец. Многие призваны наслаждаться небесной славой, но лишь немногие избраны

носить небесный венец, или, скорее, быть правителями в небесном царстве» [27]. Иными словами, Господь подтверждал «их возвышение ещё при их жизни» [26, р. 102]. Таким образом, женщина, получившая помазание, наравне с мужчиной получала священнический статус жрицы (священницы) и статус царицы, которые оставались с ней в вечности. Это священство было отличным от священства Ааронова и Мелхиседекова, а также от священства, дарованного женщинам Джозефом Смитом в 1842 г.

Смерть Джозефа Смита в 1844 г. и последовавший за ней переход власти к Бригаму Янгу (1801-1877) привели к пересмотру роли женщин в церковной иерархии. В своей речи [8] на заседании Кворума Первосвященников Наву 9 марта 1845 г. Янг окончательно упразднил практику женских сообществ в Наву и закрыл вопрос о священстве для женщин. Обвиняя женщин в смерти Джозефа Смита и его брата Хайрама (1800-1844) Янг вопрошал: «...для чего нужны общества милосердия? Чтобы избавить нас от наших лучших мужчин – они избавили нас от Джозефа и Хайрама – вот к чему они приведут – мне не нужны советы или наставления ни одной женщины – они поведут нас в ад – на земле нет ни одной женщины, которая могла бы спастись сама, но, если она когда-нибудь попадёт в Небесное Царство, её должен будет привести какой-нибудь мужчина. Бог знал, кто такая Ева. Он был знаком с женщинами за тысячи и миллионы лет до этого» [8]. Подобную риторику можно обнаружить и в заявлении Кворума Семидесяти вечером того же дня: «У них (женщин) есть право вмешиваться, потому что многие из них более проныцательны, хитры и компетентны в финансовых вопросах. Они никогда не смогут обладать *ключами священства* отдельно от своего мужа. Когда я захочу, чтобы сестры или жены членов этой церкви создали Общество милосердия, я призову их на помощь, но до тех пор пусть они остаются дома, и если вы увидите, что женщины толпятся вместе, наложите вето на это дело, и если они скажут, что это начал Джозеф, скажите им, что это чёртова ложь, ибо я знаю, что он никогда не поощрял это, но я знаю, где был спрятан побег» [8] (в оригинале «Chit» – от англ. «побег или росток; первое прорастание или росток

семени или растения» [48]). Говоря о «победе», Бригам Янг имел в виду деятельность Эммы Х. Смит, направленную на борьбу с многоженством. Президент Церкви Джон Тейлор утверждал, что «сестра Эмма свергла бы Иегову, чтобы осуществить свою цель, если бы могла» [40].

Несмотря на позицию Янга относительно женского священства, в дневнике его полигамной жены Элизы Р. Сноу содержится запись о праздновании Нового года (1847 г.), во время которого «излился Дух Господень» и присутствующие получили благословения через «любимую мать Чейз и сестру Клариссу [Декер] посредством дара говорения на языках» [9]. Подобные благословения и исцеления, а также таинства помазания и омования, продолжались до конца первой четверти XX в., когда начался процесс церковной стандартизации таинств священства [41]. В их число вошли и таинства, проводимые женщинами. Происходило также постепенное снижение автономии «Общества Милосердия» внутри Церкви. Несмотря на то, что женщины могли «лечить больных» и «помазывать их и возлагать на них руки *в вере*» им предписывалось «звать старейшин для совершения таинств над больными» [15]. Производимая подмена понятий «помазания» как ритуала священства, и «помазания в вере», как формы исцеления [17; 41], постепенно выводила женщину из иерархии священства и лишала её «даров».

Вопрос о женском священстве являлся одним из наиболее дискуссионных не только в церкви бригамитов, но и в других течениях святых последних дней, например, у бикертонитов и странгитов. В Бикертонитской Церкви святых последних дней, основанной после «кризиса преемственности» Уильямом Бикертоном (1815-1905), женщин рукополагали в так называемое «вспомогательное священство» с чином диаконис, подобно чину церковного служения женщин в ранней христианской церкви. В то же время, в церкви бикертонитов отсутствовал чин священства Ааронова. Другим представителем движения святых последних дней, имевшим оригинальный взгляд на вопрос женского священства, являлась Церковь странгитов, созданная Джеймсом Джесси Стрэнгом (1813-1856). С самого начала ее существования женщин

рукополагали в певиц и помощниц. «Благочестивые женщины должны быть певицами и музыкантами, а также помощницами на церемониях, но они не должны приносить жертвы» [42]. Современные последователи Стрэнга сохранили рукоположение женщин в Аароново священство в чине священника и учителя [37].

В 1867 г. решением президента Бригама Янга для нужд церкви на территории Юта под руководством Элизы Р. Сноу было восстановлено «Общество Милосердия». После переселения в Юту активистками «Общества Милосердия» Луизой Грин Ричардс (1849-1944), ставшей первой женщиной-редактором периодического издания на территории Юты [24], и суфражисткой Эммелин Б. Уэллс (1828-1921) в г. Солт-Лейк Сити был основан журнал «Woman's Exponent» [49]. Периодическое издание выходило 2 раза в месяц с 1872 г. по 1914 г. Журнал являлся официальным изданием «Общества» и выступал за предоставление женщинам избирательных прав. Произошло это событие в так называемую «первую волну» феминизма. Женщины-пионерки, достигшие к концу XIX в. возраста 60-90 лет, представляли собой поколение мужественных активисток, готовых разделить тяготы «апоستольского служения» своих мужей. Редакция журнала защищала позицию церкви касательно полигамии вплоть до получения откровения о запрете многоженства в 1890 г., полученного после введения на территории США серии законодательных мер, направленных на борьбу с полигамией (Акт Моррилла против двоеженства 1862 г., Акт Поланда 1874 г., решение по делу «Рейнольдс против США» 1879 г., Акт Эдмундса-Таккера 1887 г.).

В политической элите и общественном мнении США в конце 1860-х гг. стало преобладающим представление о том, что для уничтожения «варварской» практики полигамии на западных территориях необходимо предоставить местным женщинам избирательные права. В 1870 г. Юта стала второй по времени территорией (после Вайоминга, 1869 г.), где женщины получили право голоса, и первой – в которой они смогли реализовать его на выборах. В 1887 г. мормонки Юты из-за поддержки ими полигамии были лишены избирательных прав, но в 1896 г. получили их вновь вместе с правом занимать

государственные должности. В 1877 г. мормонскими женщинами была создана «Ассоциация взаимного совершенствования девушек», предоставляющая молодым женщинам возможности духовного роста, обучения и досуга [50]. В 1893 г. Ассоциацией были составлены стандартизированные уроки для женщин церкви. С 1889 г. ежемесячно стал издаваться женский церковный журнал «Young Woman's Journal».

В конце XIX – начале XX вв. после предоставления женщинам избирательных прав и получения Ютой статуса штата в составе США роль женщины и ее служения в церкви была вновь пересмотрена с консервативных позиций. Президентом Джозефом Филдингом Смитом-старшим (1838-1918) было впервые сформулировано понимание женского церковного служения как вспомогательного. Отныне женщина переставала быть активисткой, она становилась в первую очередь благочестивой, образованной супругой и матерью, стремящейся к «совершенствованию». В 1915 г. журнал «Woman's Exponent» был заменен журналом «Relief Society Magazine», публиковавшим учебные материалы и советы по ведению домашнего хозяйства. В 1920-х гг. «Общество Милосердия» спонсировало курсы домоводства и сестринского дела, обучало женщин материнству и вопросам благополучия детей [34].

Заключение (выводы). Исторические документы показывают, что в различных деноминациях движения святых последних дней вопрос о женском церковном служении и священстве получил различное решение. В

ранней Церкви Иисуса Христа Святых последних дней женщины, связанные с деятельностью «Общества Милосердия», рукополагались в особый чин священства, отличный от священства Ааронова и Мелхиседекова. В их полномочия входило проведение таинства омовения и помазания, а также исцеление больных и благословение через возложение рук. Женские рукоположения были прекращены после смерти Джозефа Смита-младшего в 1844 г. Бикертониты и странгиты предоставляли женщинам «малое священство»: у бикертонитов существовал чин диаконис, у странгитов – чины певиц и помощниц.

Развитие представлений о роли и положении женщины в ранний период движения святых последних дней происходило в контексте общественно-политических процессов, происходивших в США с момента основания движения в 1830 г. до начала XX в. Движение за права женщин «первой волны феминизма» способствовало переосмыслению роли и положения женщины в американском обществе, в том числе и в мормонской среде. Образ женщины-активистки и суфражистки, носительницы особого священства, благословляющей больных, и пионерки, осваивающей американский Запад наравне с мужем, существовал в ранней мормонской церкви до конца XIX в. Окончание борьбы мормонов с федеральным правительством и дальнейшая интеграция Юты в состав США, привели к тому, что в начале XX в. образ мормонской женщины-активистки постепенно сменился образом хорошей жены и матери, чьей главной миссией стало материнство, супружество и домохозяйство.

Список литературы

1. Байбакова Л. В. Битва за землю обетованную: попытки мормонов создать теократическое государство на западе США // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bitva-za-zemlyu-obetovannuyu-popytki-mormonov-sozdat-teokraticheskoe-gosudarstvo-na-zapade-ssha> (дата обращения: 20.07.2026).
2. Прилуцкий В. В. Мормонская полигамия в Юте и на западных территориях США (1850–1890-е гг.) // Вестник БГУ. 2017. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mormonskaya-poligamiya-v-yute-i-na-zapadnyh-territoriyah-ssha-1850-1890-e-gg> (дата обращения: 07.07.2026).
3. Прилуцкий В. В. Джеймс Стрэнг (1813–1856) и «мормонское королевство» на Великих озерах в середине XIX века // Вестник БГУ. 2024. № 3 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzheyms-streng-1813-1856-i-mormonskoe-korolevstvo-na-velikih-ozerah-v-seredine-xix-veka> (дата обращения: 07.07.2026).
4. Account of Meetings, Revelation, and Blessing, 5–6 December 1834 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/account-of-meetings-revelation-and-blessing-5-6-december-1834>

blessing-5-6-december-1834/1 (дата обращения: 03.07.2026).

5. Appendix 2: Letter to the Saints Scattered Abroad, June 1835 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/appendix-2-letter-to-the-saints-scattered-abroad-june-1835/2> (дата обращения: 03.07.2026).

6. Blessing to Alexander Badlam Sr., 1 March 1835 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/blessing-to-alexander-badlam-sr-1-march-1835/1> (дата обращения: 03.07.2026).

7. Book of Anointings: Records Elizabeth Ann Whitney and Newel K. Whitney Receiving the Second Anointing // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/aIJ4lb-495xob/book_of_anointings_records_elizabeth_ann_whitney_and_newel_k_whitney_receiving_the_second_anointing (дата обращения: 03.07.2026).

8. Brigham Young, Discourses, March 9, 1845 (Excerpts) // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 1. Document 1.13. Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-1/1-13?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

9. Jessee D. C. Brigham Young's Family: The Wilderness Years // BYU Studies. 1979. Vol. 19. No. 4. P. 487–488.

10. Derr J. M., Cannon J. R., Holbrook K., Grow M. J. (eds.). The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Salt Lake City: Church Historian's Press, 2016. 800 p.

11. Derr J. M., Madsen C. C. Preserving the Record and Memory of the Female Relief Society of Nauvoo, 1842–92 // Journal of Mormon History. 2009. Vol. 35. No. 3. P. 89–95.

12. Discourse, 10 March 1844, as Reported by Wilford Woodruff // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/discourse-10-march-1844-as-reported-by-wilford-woodruff/1> (дата обращения: 03.07.2026).

13. Doctrine and Covenants. Section 124 // The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/scriptures/dc-testament/dc/124?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

14. Eliza R. Snow // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/eliza-r-snow?lang=rus> (дата обращения: 03.07.2026).

15. First Presidency letter to stake presidents and bishops, Oct. 3, 1914 // Messages of the First Presidency of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. Vol. 4. Salt Lake City: Bookcraft, 1970. P. 314–315.

16. Hanks M. (ed.). Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism. Salt Lake City: Signature Books, 1992. 460 p.

17. Healing // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/healing?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

18. Heber C. Kimball's Second Anointing Blessing in Book of Anointings // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/aIJ4lb-0ZsJTY/heber_c_kimballs_second_anointing_blessing_in_book_of_anointings (дата обращения: 03.07.2026).

19. History, 1838–1856. Volume A-1 [23 December 1805 – 30 August 1834] // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/history-1838-1856-volume-a-1-23-december-1805-30-august-1834/18> (дата обращения: 03.07.2026).

20. Hunter J. M. The Relief Society and the Church // General Conference. April 1992. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/general-conference/1992/04/the-relief-society-and-the-church?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

21. Journal, December 1841 – December 1842 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/journal-december-1841-december-1842/25> (дата обращения: 03.07.2026).

22. Journal, December 1842 – June 1844. Book 3: 15 July 1843 – 29 February 1844 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/journal-december-1842->

june-1844-book-3-15-july-1843-29-february-1844/116 (дата обращения: 03.07.2026).

23. Kimball S. M. Reminiscence, March 17, 1882 // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/4-10> (дата обращения: 03.07.2026).

24. Louisa Lula Greene Richards // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/people/louisa-lula-greene-richards?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

25. Madsen C. C. Mormon Women and the Temple // Sisters in Spirit: Mormon Women in Historical and Cultural Perspective / eds. M. U. Beecher, L. F. Anderson. Urbana: University of Illinois Press, 1987. P. 80–110.

26. McConkie B. R. Mormon Doctrine. Salt Lake City: Bookcraft, 1958. 776 p.

27. Millennial Star Publishes a Diagram of the Kingdom of God and References the Fulness of the Priesthood // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/uSw9xc-3KCMJf/millennial_star_publishes_a_diagram_of_the_kingdom_of_god_and_references_the_fulness_of_the_priesthood (дата обращения: 03.07.2026).

28. Nauvoo Relief Society Minute Book // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/nauvoo-relief-society-minute-book/41> (дата обращения: 03.07.2026).

29. Newell L. K. The Historical Relationship of Mormon Women and Priesthood // Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism / ed. M. Hanks. Salt Lake City: Signature Books, 1992. P. 23–48.

30. Newell L. K., Avery V. T. Mormon Enigma: Emma Hale Smith, Prophet's Wife, "Elect Lady," Polygamy's Foe, 1804–1879. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1994. 394 p.

31. Phinehas Howe Richards Describes Receiving His Second Anointing with His Wife Wealthy Richards // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/aIJ4lb-0TOIf/phinehas_howe_richards_describes_receiving_his_second_anointing_with_his_wife_wealthy_richards_phinehas_and_wealthy_are_anointed_king_and_queen_priest_and_priestess_etc (дата обращения: 03.07.2026).

32. Quinn D. M. Mormon Women Have Had the Priesthood Since 1843 // Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism / ed. M. Hanks. Salt Lake City: Signature Books, 1992. P. 365–409.

33. Quinn D. M. The Mormon Hierarchy: Extensions of Power. Salt Lake City: Signature Books, 1997. 704 p.

34. Relief Society // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/relief-society?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

35. Sarah Granger Kimball. Auto-biography // Woman's Exponent. 1883. Sept. 1. P. 51.

36. Snow E. R. Female Relief Society, April 18 and 20, 1868 // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Church Historian's Press, 2016. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-3/3-6?lang=eng> (дата обращения: 06.07.2026).

37. Strangite Women Hold Priesthood // Gospel Tangents. 2025. URL: <https://gospeltangents.com/2025/07/strangite-women-hold-priesthood/> (дата обращения: 03.07.2026).

38. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 1. Document 1.1. Revelation, July 1830 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-1/1-1> (дата обращения: 03.07.2026).

39. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 4 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).

40. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's

- History. Part 4. Document 4.5 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/4-5?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).
41. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 4. Document 4.19 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/4-19?lang=eng> (дата обращения: 03.07.2026).
42. The Law of the Church // Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Latter-day Saints). URL: <https://churchofjesuschristoflatterdaysaints.org/Law.htm> (дата обращения: 03.07.2026).
43. Times and Seasons. Vol. 3. No. 9. 1 March 1842 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/times-and-seasons-1-march-1842/6> (дата обращения: 03.07.2026).
44. Toscano M., Toscano P. Strangers in Paradox: Explorations in Mormon Theology. Salt Lake City: Signature Books, 1990. 256 p.
45. Toscano M. M. Put on Your Strength O Daughters of Zion: Claiming Priesthood and Knowing the Mother // Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism / ed. M. Hanks. Salt Lake City: Signature Books, 1992.
46. Toscano M. M. If Mormon Women Have Had the Priesthood since 1843, Why Aren't They Using It? // Dialogue: A Journal of Mormon Thought. 1994. Vol. 27. No. 2. P. 219–226.
47. Tyler D. Daniel Tyler Summarizes Significance of the Fullness of the Priesthood and Temples Being the Places to Receive Such // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/uSw9xc-iwJybc/daniel_tyler_summarizes_significance_of_the_fullness_of_the_priesthood_and_temples_being_the_places_to_receive_such (дата обращения: 03.07.2026).
48. Webster's American Dictionary of the English Language (1828). Ordain // Webster's Dictionary 1828. URL: <https://webstersdictionary1828.com/Dictionary/ordain> (дата обращения: 03.07.2026).
49. Woman's Exponent Digital Archive // J. Willard Marriott Library, University of Utah. URL: <https://exhibits.lib.utah.edu/s/womanexponent/page/welcome> (дата обращения: 03.07.2026).
50. Young Women Organizations // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/young-women-organizations?lang=rus> (дата обращения: 03.07.2026).

THE STATUS OF WOMEN IN THE CHURCH AND THE WOMEN'S PRIESTHOOD IN THE EARLY LATTER-DAY SAINT MOVEMENT

The article examines the formation and development of ideas regarding the role and status of women, their church ministry, and the priesthood in the denominations within the Latter-day Saint movement during the 19th century. Based on a discourse analysis of a corpus of canonical and other church texts, archival documents, official publications of church organizations, and scholarly works on the history of Mormonism. This study, the first of its kind in Russian historical scholarship, examines the evolution of views on women's priesthood and women's church ministry from the founding of the Church by the prophet Joseph Smith Jr. (1805–1844) in 1830 through the end of the 19th century. The article examines the history of the creation and development of the women's organization, the Relief Society as well as the evolution of views on women's priesthood and women's church ministry in The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Brighamites) within the context of the women's movement (feminism) in the United States. From a comparative perspective, the article briefly outlines the views on women's priesthood held by the Strangites and Bickertonites. Particular attention is paid to the evolution of ideas regarding the perceptions of women, their roles and status in the church and in American society, as well as the influence of sociopolitical processes in the United States on these ideas. The study concludes that the evolution of views on the status and role of women in the Latter-day Saint denominations was shaped both by internal church processes of institutionalization and centralization and by the sociopolitical processes taking place in the United States during the period under study.

Keywords: religious history of the United States, Joseph Smith Jr., women's priesthood, feminism, Mormons, The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints.

References

1. Bajbakova L.V. (2025) Bitva za zemlyu obetovannuyu: popytki mormonov sozdat' teokraticheskoe gosudarstvo na zapade SShA [The Battle for the Promised Land: Mormon Attempts to Create a Theocratic State in the Western United States] // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bitva-za-zemlyu-obetovannuyu-popytki>

mormonov-sozdat-teokraticheskoe-gosudarstvo-na-zapade-ssha (data obrashcheniya: 20.07.2026).

2. Prilutskij V. V. (2017) *Mormonskaya poligamiya v Yute i na zapadnykh territoriyakh SShA (1850–1890-e gg.)* [Mormon Polygamy in Utah and the Western Territories of the United States (1850–1890s)] // *Vestnik BGU. № 2 (32)*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mormonskaya-poligamiya-v-yute-i-na-zapadnykh-territoriyah-ssha-1850-1890-e-gg> (data obrashcheniya: 07.07.2026).

3. Prilutskij V. V. (2024) *Dzhejms Streng (1813–1856) i «mormonskoe korolevstvo» na Velikih ozerakh v seredine XIX veka* [James Strang (1813–1856) and the “Mormon Kingdom” on the Great Lakes in the mid-19th century] // *Vestnik BGU. № 3 (61)*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhejms-streng-1813-1856-i-mormonskoe-korolevstvo-na-velikih-ozerah-v-seredine-xix-veka> (data obrashcheniya: 07.07.2026).

4. Account of Meetings, Revelation, and Blessing, 5–6 December 1834 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/account-of-meetings-revelation-and-blessing-5-6-december-1834/1> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

5. Appendix 2: Letter to the Saints Scattered Abroad, June 1835 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/appendix-2-letter-to-the-saints-scattered-abroad-june-1835/2> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

6. Blessing to Alexander Badlam Sr., 1 March 1835 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/blessing-to-alexander-badlam-sr-1-march-1835/1> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

7. Book of Anointings: Records Elizabeth Ann Whitney and Newel K. Whitney Receiving the Second Anointing // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/aIJ4lb-495xob/book_of_anointings_records_elizabeth_ann_whitney_and_newel_k_whitney_receiving_the_second_anointing (data obrashcheniya: 03.07.2026).

8. Brigham Young, Discourses, March 9, 1845 (Excerpts) // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 1. Document 1.13. Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-1/1-13?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

9. Jessee D. C. Brigham Young's Family: The Wilderness Years // *BYU Studies*. 1979. Vol. 19. No. 4. P. 487–488.

10. Derr J. M., Cannon J. R., Holbrook K., Grow M. J. (eds.). *The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History*. Salt Lake City: Church Historian's Press, 2016. 800 p.

11. Derr J. M., Madsen C. C. Preserving the Record and Memory of the Female Relief Society of Nauvoo, 1842–92 // *Journal of Mormon History*. 2009. Vol. 35. No. 3. P. 89–95.

12. Discourse, 10 March 1844, as Reported by Wilford Woodruff // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/discourse-10-march-1844-as-reported-by-wilford-woodruff/1> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

13. Doctrine and Covenants. Section 124 // The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/scriptures/dc-testament/dc/124?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

14. Eliza R. Snow // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/eliza-r-snow?lang=rus> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

15. First Presidency letter to stake presidents and bishops, Oct. 3, 1914 // *Messages of the First Presidency of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints*. Vol. 4. Salt Lake City: Bookcraft, 1970. P. 314–315.

16. Hanks M. (ed.). *Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism*. Salt Lake City: Signature Books, 1992. 460 p.

17. Healing // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/healing?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

18. Heber C. Kimball's Second Anointing Blessing in Book of Anointings // B. H. Roberts

Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/aIJ4lb-0ZsJTY/heber_c_kimballs_second_anointing_blessing_in_book_of_anointings (data obrashcheniya: 03.07.2026).

19. History, 1838–1856. Volume A-1 [23 December 1805 – 30 August 1834] // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/history-1838-1856-volume-a-1-23-december-1805-30-august-1834/18> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

20. Hunter J. M. The Relief Society and the Church // General Conference. April 1992. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/general-conference/1992/04/the-relief-society-and-the-church?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

21. Journal, December 1841 – December 1842 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/journal-december-1841-december-1842/25> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

22. Journal, December 1842 – June 1844. Book 3: 15 July 1843 – 29 February 1844 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/journal-december-1842-june-1844-book-3-15-july-1843-29-february-1844/116> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

23. Kimball S. M. Reminiscence, March 17, 1882 // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/4-10> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

24. Louisa Lula Greene Richards // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/people/louisa-lula-greene-richards?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

25. Madsen C. C. Mormon Women and the Temple // Sisters in Spirit: Mormon Women in Historical and Cultural Perspective / eds. M. U. Beecher, L. F. Anderson. Urbana: University of Illinois Press, 1987. P. 80–110.

26. McConkie B. R. Mormon Doctrine. Salt Lake City: Bookcraft, 1958. 776 p.

27. Millennial Star Publishes a Diagram of the Kingdom of God and References the Fulness of the Priesthood // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/uSw9xc-3KCMJf/millennial_star_publishes_a_diagram_of_the_kingdom_of_god_and_references_the_fulness_of_the_priesthood (data obrashcheniya: 03.07.2026).

28. Nauvoo Relief Society Minute Book // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/nauvoo-relief-society-minute-book/41> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

29. Newell L. K. The Historical Relationship of Mormon Women and Priesthood // Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism / ed. M. Hanks. Salt Lake City: Signature Books, 1992. P. 23–48.

30. Newell L. K., Avery V. T. Mormon Enigma: Emma Hale Smith, Prophet's Wife, "Elect Lady," Polygamy's Foe, 1804–1879. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1994. 394 p.

31. Phineas Howe Richards Describes Receiving His Second Anointing with His Wife Wealthy Richards // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/aIJ4lb-0TOIf/phineas_howe_richards_describes_receiving_his_second_anointing_with_his_wife_wealthy_richards_phineas_and_wealthy_are_anointed_king_and_queen_priest_and_priestess_etc (data obrashcheniya: 03.07.2026).

32. Quinn D. M. Mormon Women Have Had the Priesthood Since 1843 // Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism / ed. M. Hanks. Salt Lake City: Signature Books, 1992. P. 365–409.

33. Quinn D. M. The Mormon Hierarchy: Extensions of Power. Salt Lake City: Signature Books, 1997. 704 p.

34. Relief Society // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/relief-society?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

35. Sarah Granger Kimball. Auto-biography // Woman's Exponent. 1883. Sept. 1. P. 51.

36. Snow E. R. Female Relief Society, April 18 and 20, 1868 // The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Church Historian's Press, 2016. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-3/3-6?lang=eng> (data obrashcheniya: 06.07.2026).
37. Strangite Women Hold Priesthood // Gospel Tangents. 2025. URL: <https://gospeltangents.com/2025/07/strangite-women-hold-priesthood/> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
38. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 1. Document 1.1. Revelation, July 1830 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-1/1-1> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
39. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 4 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
40. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 4. Document 4.5 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/4-5?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
41. The First Fifty Years of Relief Society: Key Documents in Latter-day Saint Women's History. Part 4. Document 4.19 // Church Historian's Press. URL: <https://www.churchhistorianspress.org/the-first-fifty-years-of-relief-society/part-4/4-19?lang=eng> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
42. The Law of the Church // Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Latter-day Saints). URL: <https://churchofjesuschristoflatterdaysaints.org/Law.htm> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
43. Times and Seasons. Vol. 3. No. 9. 1 March 1842 // Joseph Smith Papers. URL: <https://www.josephsmithpapers.org/paper-summary/times-and-seasons-1-march-1842/6> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
44. Toscano M., Toscano P. Strangers in Paradox: Explorations in Mormon Theology. Salt Lake City: Signature Books, 1990. 256 p.
45. Toscano M. M. Put on Your Strength O Daughters of Zion: Claiming Priesthood and Knowing the Mother // Women and Authority: Re-Emerging Mormon Feminism / ed. M. Hanks. Salt Lake City: Signature Books, 1992.
46. Toscano M. M. If Mormon Women Have Had the Priesthood since 1843, Why Aren't They Using It? // Dialogue: A Journal of Mormon Thought. 1994. Vol. 27. No. 2. P. 219–226.
47. Tyler D. Daniel Tyler Summarizes Significance of the Fullness of the Priesthood and Temples Being the Places to Receive Such // B. H. Roberts Foundation. URL: https://bhroberts.org/records/uSw9xc-iwJybc/daniel_tyler_summarizes_significance_of_the_fullness_of_the_priesthood_and_temples_being_the_places_to_receive_such (data obrashcheniya: 03.07.2026).
48. Webster's American Dictionary of the English Language (1828). Ordain // Webster's Dictionary 1828. URL: <https://webstersdictionary1828.com/Dictionary/ordain> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
49. Woman's Exponent Digital Archive // J. Willard Marriott Library, University of Utah. URL: <https://exhibits.lib.utah.edu/s/womanexponent/page/welcome> (data obrashcheniya: 03.07.2026).
50. Young Women Organizations // Church History Topics. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/young-women-organizations?lang=rus> (data obrashcheniya: 03.07.2026).

Об авторах

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, E-mail: vitaliypr@yandex.ru.

Яшкова Валерия Андреевна – независимый исследователь, E-mail: yashkova88@gmail.com

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Yashkova Valeria Andreevna – independent researcher, E-mail: yashkova88@gmail.com.

Савинов В.Ю., аспирант, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия)

СТОХОДСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАК ПРИМЕР ОШИБОК КОМАНДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

В данной статье проводится анализ Стоходского сражения, входившего в Брусиловское наступление летом 1916 года на Юго-Западном фронте Восточного театра Первой мировой войны. Стоходское сражение проходило в период с 28 июля по 2 сентября 1916 года и в представленной работе изучается в первую очередь с позиции Петровской бригады (лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков). Данное сражение является одним из ярких примеров позиционных боев Первой мировой войны, поскольку Российская императорская армия (далее – РИА) понесла огромные потери (по разным оценкам от 30 000 до 50 000 человек), а захваченный плацдарм оказался не столь значительным для дальнейшего развития Брусиловского наступления. В сентябре наступление, которое на стоходском участке было отменено из-за осенней распутицы. Запланированных результатов РИА не достигла, а понесенные потери нивелировали девять месяцев подготовки лейб-гвардии, ранее пострадавшей в боях 1915 года. Кроме того, влияние ковельских потерь можно проследить и в революционных событиях марта 1917 года. Поскольку ключевая роль в восстании лейб-гвардейских полков была именно у запасных батальонов 2-й и 3-й гвардейских пехотных дивизий, понесших до этого наибольшие потери летом 1916 года (например, 50% личного состава лейб-гвардии Литовского полка за один бой 28 июля 1916 года). В связи с этим можно сделать вывод, что Стоходское сражение сыграло значимую роль в истории Первой мировой войны и последовавших революционных событиях 1917 года.

Ключевые слова: Петровская бригада, Первая мировая война, лейб-гвардия, Преображенский полк, Семеновский полк, Литовский полк, Кексгольмский полк, Брусиловское наступление, Ковельская операция, Особая армия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-109-117

Введение.

Актуальность. Тема Первой мировой войны, в особенности сражений на Восточном фронте, на сегодняшний день изучена на общем уровне. Больше 100 лет истории (среди которых были и непосредственные участники событий) собирали сведения, однако большинство работ объединяет несколько ключевых особенностей, из-за которых необходимо более тщательно изучить события начала XX века уже с позиции максимально возможной объективности.

Во-первых, большинство авторов не имели доступа к документам или пользовались лишь отрывками имеющихся сведений, в основном полагаясь на собственную память и общение с очевидцами событий, что зачастую приводило к ошибкам в датировке и значении событий.

Во-вторых, практически во всех работах присутствуют личностные оценки весьма субъективного характера, вызванные переживаниями ужасами Первой мировой и Гражданской войн, Февральской и Октябрьской революциями или политическими взглядами. В связи с этим некоторые события искажались или намеренно, или в силу давности событий.

В-третьих, в связи со структуризацией

имеющихся сведений и доступом к различной информации, следует заново изучить события уже с позиции объективности, недоступной в предыдущие исторические периоды (что со стороны «белых», что со стороны «красных» историков).

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является роль Петровской бригады в Стоходском сражении. В исследовании использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Результатом исследования стал вывод, что Петровская бригада сыграла важную роль в Стоходском сражении, особенно в бою 28 июля 1916 года. Однако имеющиеся сведения позволяют также заключить, что Стоходское сражение, хоть и привело к большим потерям среди гвардии, но не было столь критичным для Петровской бригады, как для других подразделений лейб-гвардии (особенно 2-й и 3-й гвардейских пехотных дивизий).

Ход исследования

Место Петровской бригады в Российской императорской армии к началу Первой мировой войны

Петровская бригада – объединение двух самых прославленных полков лейб-

гвардии – Преображенского и Семеновского. Служба в них была очень престижной, как указывает доктор исторических наук Г.С. Чувардин [31, с. 482].

Название бригады восходит ко времени основания полков, берущих свое начало из потешных подразделений юного царя Петра Алексеевича, будущего императора Петра Великого. На протяжении столетий существования Петровская бригада неоднократно проявляла себя как храброе, преданное и достойное славы предков подразделение Российской Императорской Армии. И Первая мировая война не исключение.

К лету 1916 года Петровская бригада, уже закаленная в боях в Польше осенью 1914 года, Ломжинском сиденье и Великом Отступлении 1915 года, восстановила свои силы и подготовилась к новым боям. Настроение было бодрым, несмотря на понесенные ранее потери и вынужденные отступления.

Стратегическая обстановка перед началом Стоходского сражения

Как указывал участник Первой мировой войны, командир лейб-гвардии Кексгольмского полка в 1914-1915 гг. генерал Б.В. Адамович [1, с. 11], кампания 1916 года должна была начаться наступлением Западного фронта генерала Эверта при содействии Северного фронта генерала Куропаткина и при демонстративном наступлении Юго-Западного фронта генерала Брусилова. В действительности же, наступление Западного фронта не имело успеха, а демонстрация Юго-Западного фронта обратилась в знаменитый прорыв и наступление генерала Брусилова, вызвавшее постановку ему новых задач. Одной из таких задач стало овладение Ковельским железнодорожным узлом с форсированием укрепленной линии по реке Стоход. Но противник понимал важность этого узла, поэтому стянул к Стоходу резерв и даже перебросил часть австрийских корпусов с Итальянского фронта, что повлияло на ход Трентинской операции. В связи с возросшей важностью и сложностью будущего участка фронта было принято решение перебросить сюда Особую армию Безобразова.

Общая стратегическая обстановка перед началом Стоходского сражения была

следующая [3, с. 357]:

9 июля 1916 г.¹ Ставка Верховного Главнокомандующего в связи с вышеизложенными обстоятельствами приняла решение сосредоточить натиск на Юго-Западном фронте. В связи с этим были затронуты части, находившиеся в то время в резерве Ставки: гвардейские дивизии, два пехотных и один кавалерийский корпуса были переброшены с Западного фронта в район Луцк-Рожище. К середине июля это подкрепление прибывает на место, и из гвардии и 2-х корпусов 8-й армии была образована Особая армия под командованием генерала-«воеводы»² Владимира Михайловича Безобразова (1857-1932).

Общий ход Стоходского сражения

28 июля начинается запланированное наступление. Как указывал генерал А.М. Зайончковский в своем монументальном труде, «все наступление вылилось на Стоходе в ряд атак сильно укрепленных болотистых дефиле и после 4 дней заглохло без какого-либо положительного результата... 9 августа 3-я и Особая армии вновь начали атаковать германцев на Стоходе, но и эта атака кончилась неудачей... Алексеев 11 августа передал 3-ю и Особую армии Эверту и приказал ему наступать на Ковель. Эверт назначил атаку на 17 августа, но потом последовательно ее оттягивал, а 2 сентября донес, что ввиду позднего времени года действовать в стоходских болотах не представляется возможным, и 4 сентября операция у Ковеля была отменена. Стороны сохранились здесь свое прежнее расположение» [3, с. 357].

Несмотря на то, что фактически линия фронта не поменялась, Особая армия понесла тяжелейшие потери, и в последующих трагических событиях 1917 года гвардейцы уже не могли восстановить порядок в рушащейся империи, поскольку погибла значительная часть верных долгу и присяге солдат и офицеров, для замены которых объявили призыв даже рабочих с заводов.

Положение лейб-гвардии в начале июля

По воспоминаниям уже упомянутого Б.В. Адамовича, занимавшего в то время должность генерала для поручений при военном министерстве [1, с. 9], гвардейские дивизии находились «в большом резерве» с

¹ Все даты по новому стилю

² Прозван так подчиненными за принадлежность к древнему роду и стиль ношения бороды

октября 1915 года до начала июля 1916 года, меняя последовательно районы дислокации (Режица, Двинск, Молодечно и Минск). К лету 1916 года гвардейские дивизии были объединены в Особую армию (иначе – «Войска Гвардии») и разделены на два Гвардейских корпуса: I-й (включавший в себя 1-ю и 2-ю гвардейские пехотные дивизии) и II-й (3-я гвардейская пехотная и гвардейская стрелковая дивизия). Гвардейские полки были доведены до полного штата нижних чинов и офицеров. Все части прошли усиленную подготовку и было проведено обновление снаряжения и вооружения. Значительно была усилена артиллерия [1, с. 10].

В состав Особой армии помимо гвардейских корпусов были включены 1-й армейский корпус, 30-й армейский корпус и Гвардейский кавалерийский корпус [27, л. 2]. Также в распоряжении гвардейцев были 4 аэроплана, которые были замечены посетившим позиции корпуса в августе 1916 года в целях встречи со своим служившим в Преображенском полку сыном Председателем Государственной Думы М.В. Родзянко [30, с. 25]. Преображенскому полку была дана задача взять деревню Райместо у самого берега реки Стоход. Справа от них наступали лейб-егеря, слева – финляндцы. Граница между преображенцами и финляндцами проходила по дороге Неймир – Райместо [29, с. 88].

В первую линию включили 1-й и 2-й батальоны (командующие – капитан П.А. Веденяпин и штабс-капитан А.П. Кутепов). Преображенский полк должен был ровно в 13.00 начать наступление, на полчаса позже лейб-егерей [4, с. 162].

Хронология событий первого дня боя

28 июля 1916 года в 3.30 3-й батальон лейб-гвардии Финляндского полка занял плацдарм справа от 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка. В 3.50 позиции финляндцев заняли павловцы [26, л. 4].

Артиллерийская подготовка силами 3 и 6 батарей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и 1-й батареи лейб-гвардии Мортирного дивизиона началась в 5.00 по сведениям лейб-егерей [10, л. 18об] и в 6.00 по сведениям преображенцев [16, л. 82] и семеновцев [20, л. 10].

Из воспоминаний командующего 2-й ротой лейб-гвардии Преображенского полка В.Н. Тимченко-Рубана [2, с. 194]:

«С рассвета 15-го артиллерия начала вести ураганный огонь на всем фронте Войск Гвардии. Наша артиллерия открыла по австрийским окопам ураганный огонь, на которым нам отвечал неприятель не менее слабым по нашему расположению. Это состязание продолжалось все утро, не ослабевая. Над головами парили в воздухе эскадрильи аэропланов, преследуемые белыми облачками разрывов снарядов наших противоаэропланов батарей».

Легкая артиллерия успешно уничтожала проволочные заграждения, но мортирная батарея с задачей не справлялась т.к. «задача, данная ей, была слишком велика для одной батареи» [10, л. 18об]. Стрельба же легкой артиллерии была настолько активная, что даже были вынужденные перерывы для охлаждения орудий. К 10.00 уже были видны основные проходы в проволоке.

В 11.30 III-й батальон лейб-егерей двинулся из леса к плацдарму. В 12.30 13-я и 14-я роты выдвинулись из окопов. Следом за ними 15-я и 16-я роты, а также II-й батальон. Во вражеские окопы ворвались почти одновременно 5-я, 13-я и 14-я роты. К 12.40 первая линия была захвачена, к 12.50 была взята вторая линия окопов. Австрийская артиллерия открывает мощный заградительный огонь, поэтому шедшие за первыми ворвавшимися ротами понесли тяжелые потери.

Увлеченные успехом, лейб-егеря устремились вслед за противником и попали в болото. Дальше они столкнулись с серьезным сопротивлением, ружейным и пулеметным огнем в районе Райместо. Форсировать заболоченное пространство и реку не представлялось возможным.

Австрийцы попытались совершить контратаку, но потерпели неудачу. Тем не менее, наступление лейб-егерей захлебнулось и к 16.00 огонь начал стихать [11, л. 24об]. Однако вскоре возобновился и продолжался до 19.00. В 18.00 артиллерия РИА, видя необходимость помощи преображенцам, открыла по Райместу стрельбу «удушливыми снарядами» [12, л. 26]. Семеновцы также это подтверждают [21, л. 10об]. Однако больше в этот день наступления не было и де-факто атака прекратилась.

Причины провала наступления преображенцев 28 июля

Преображенский полк должен был атаковать почти одновременно с лейб-егерями, но артиллерия не смогла разбить проволоку, в связи с чем развитие наступления не представлялось возможным. На их участке стреляли 1-я Его Величества, 2-я и 4-я батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и батарея Мортирного артиллерийского дивизиона [4, с. 161].

Тимченко-Рубан указывал, что атаку перенесли на 14.00 [2, с. 194]. Зубов указывал, что атаку перенесли на 15.00, и между рядами наступающей лейб-гвардии был настоящий хаос в том числе из-за отсутствия связи [4, с. 162]. Это коррелируется с тем фактом, что общее решение наступательных операций того времени характеризовалось «волнами» цепей, когда одна вливалась во вторую, подкрепляя ее и давая новый импульс к наступлению. Как указывает кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации М.В. Оськин, такой подход хоть и приводил к внешнему успеху, но приводил к большим потерям [9, с. 100].

Будущее место наступления было совершенно неподходящим. Больше километра болот с полными воды канавами, параллельными фронту, практически без поддержки артиллерии. Обстановка на поле боя была ужасающей: мощный пулеметный и артиллерийский огонь, тяжелый трупный запах, плавающие в болоте раненые и умершие солдаты обеих сторон. Несмотря на это, преобразенцы двинулись в бой.

Из воспоминаний командующего 14-й Его Величества ротой лейб-гвардии Преображенского полка барона С.А. Торнау:

«Ни разу за все время войны мне не приходилось слышать таких страшных стонов, как на этом проклятом болоте. Раненые, лежа сплошь и рядом в воде, покрытые густой травой, столами давали знать санитарам о своем местонахождении. Этот кошмар продолжался до самого утра» [29, с. 91].

Из воспоминаний командующего 2-й ротой лейб-гвардии Преображенского полка В.Н. Тимченко-Рубана [2, с. 200]:

«К вечеру огонь стал стихать... Только из-за неразрушенной проволоки мы не овладели

этой позицией. Рассыпав цепи, мы двинулись вперед. Идти в темноте, по болоту, было очень тяжело. То и дело мы наткнулись на трупы убитых и на отползавших раненых, слышали стоны и крики о помощи, ноги проваливались в болота, и вода заливала за голенища. Пока мы шли, австрийцы несколько раз открывали бешеный пулеметный огонь. Приходилось ложиться прямо в болото... Как только огонь стал стихать, я сменил на позиции жалкие остатки 8-й роты, насчитывавшей в своих рядах только несколько десятков человек».

Бои 29 июля – 1 августа 1916 года

На следующий день наступление возобновилось. Утром (по сведениям финляндцев – около 5.00 [25, л. 2], по сведениям лейб-егерей – около 3.00 [13, л. 28]) преобразенцы захватили Райместо (противник просто отступил) и начали закрепляться на позициях, но австрийская тяжелая артиллерия с 7.00 [13, л. 28] продолжала обстрел недавно оставленных позиций [17, л. 82об]. Семеновский полк оставался на прежних позициях, но была проведена разведка силами 11-й роты, в ходе которой было обнаружено, что деревня Сташизна была свободной от противника, и ее временно (до подхода егерей) занимала 11-я рота. Стрельбы на их позициях почти не было [24, л. 82]. В наступление перешли части лейб-гвардии Гренадерского и Финляндского (силами 4 батальонов) полков и захватили 2 траншейных орудия и пленных, но пострадали от авианалета силами 5 вражеских аэропланов в районе 17.45.

30 июля полки оставались на тех же местах, проводя передислокацию своих батальонов и рот. Преобразенцы находились под огнем противника [17, л. 82об], у семеновцев все было тихо [22, л. 12], финляндцы после целого дня под обстрелом начали атаку в 19.20 [26, л. 4], лейб-егеря ночью починили мост и весь день находились под обстрелами, занимаясь хозяйственной и инженерной деятельностью [14, л. 34].

31 июля на помощь австрийцам подошла германская 126-я пехотная дивизия, вступившая в череду яростных контратак на захваченные РИА позиции под прикрытием мощного артиллерийского огня. Преобразенцы с утра оказались под артиллерийским огнем, но от него никто не пострадал. Начались проблемы с питанием: ужина не было,

питались консервами [17, л. 82об]. Лейбегеря после небольшой путаницы в приказах заняли позиции соседей семеновцев, и теперь общий их фронт составлял почти 8 верст [14, л. 34]. Лейб-гвардии Финляндский полк был выведен из боя и ушел в резерв 2-й гвардейской дивизии [26, л. 4].

1 августа на позициях преображенцев была передышка и они передислоцировались в резервные окопы [18, л. 84], семеновцев начали потихоньку выводить (ночью 3-й и 4-й батальоны сменили лейбегеря [23, л. 14]).

2 августа преображенцы в 21.00 вернулись к деревне Райместо [18, л. 84], семеновцы провели офицерское собрание (хозяин – подпоручик Штильберг) и выборы в суд чести [23, л. 14].

3 августа преображенцы находились на тех же позициях, не предпринимая попыток наступления, но оказавшись под обстрелами. 4 августа они ушли в резервные окопы, день прошел спокойно, и штабс-капитана Квашнина-Самарина произвели в капитаны [18, л. 84].

Дальнейший месяц прошел относительно спокойно, за исключением редких обстрелов и попыток наступления со стороны противника. Кроме того, погода стала ухудшаться и к концу августа стала весьма дождливой. Касательно указанного у А.М. Зайончковского наступления 9 августа – преображенцы в нем не участвовали [19, л. 84]. Несмотря на это они активно готовили плацдарм для наступления, но уже 8 сентября они были сменены московскими гренадерами и переброшены на Владимиро-Волынское направление.

Как указывал Б.В. Адамович [1, с. 59], причины поражения на Стоходе были следующие:

- незнание военно-географических данных избранного для перехода участка Стохода, не допускающего ни форсирования без большой и длительной технической подготовки, ни использования кавалерии – или пренебрежение этими данными в расчет на жертвенную доблесть Гвардии;

- неправильный выбор пункта неприятельской позиции для главного удара;

- недостаточность артиллерии, собранной на ударном участке для подготовки овладения плацдармом и, затем, для прикрытия переправы;

- недостаточность резервов за ударным участком.

Таким образом, бои за Стоход закончились занятием малозначимого плацдарма ценой больших потерь, точных цифр которых нет.

Вопрос потерь лейб-гвардии

В различных источниках численность потерь разнится – от 30 000 до 50 000 человек. Касательно Преображенского полка – в ведомости об убыли и прибыли офицерского состава за июль 1916 года может прочитать, что в бою за Райместо 28 июля было убито четыре офицера [28, л. 1]:

- Поручик Владимир Петрович Веревкин, командующий 6-й ротой;

- Поручик Александр Иванович Фон-Клюпфель, младший офицер;

- Поручик Аггаль Николаевич Мекк, младший офицер;

- Прапорщик граф Владислав Сигизмундович Велепольский, младший офицер.

Также было ранено 4 офицера [28, л. 1]. Торнау также добавлял, что было убито свыше 500 нижних чинов, а общие потери Гвардии составили 32 000 человек [29, с. 92].

Зубов указывает, что потери Гвардии (имея ввиду обе дивизии) за 28 июля составили 12 000 нижних чинов [4, с. 163]. За следующие два дня потери составили около 30 000 убитых и раненых, что им было оценено как 50% личного состава гвардейской пехоты [4, с. 164]. Всего же, как он указывает, потери Гвардии составили 45 000 нижних чинов – до 70% личного состава пехоты, при этом основные потери были у 2-й и 3-й гвардейских дивизий [4, с. 165].

С.П. Андоленко указывает более развернуто, что потери преображенцев составили 6 офицеров и 500 нижних чинов, что в целом совпадает с имеющимися данными. Общие потери Гвардии он указывает как 48 813 человек убитыми и ранеными. При этом, приводимый Андоленко в мемуарах М.В. Родзянко указывает потери Гвардии как «до 31 000 человек убитыми и ранеными» [2, с. 204].

Как видно из приведенных данных, потери преображенцев были значительными, но не сравнимы с другими полками лейб-гвардии. Ключевая причина уже также была указана ранее – основные потери понесли части 2-й и 3-й гвардейских пехотных дивизий.

Согласно документам лейб-гвардии Литовского полка, потери среди нижних чинов только за 28 июля 1916 года составили 50% [15, л. 24].

Как указывал Б.В. Адамович [1, с. 55], лейб-гвардии Кексгольмский полк потерял убитыми и ранеными 1973 человека, т.е. 60% личного состава. Раненых при этом было в 8 раз больше, чем убитых. Потери среди офицерского состава по процентному соотношению были еще выше – 80%.

Таким образом можно сделать вывод, что потери Гвардии за Стоходское сражение составили от 31 000 до 48 813 человек, и значительная часть потерь относится к 2-й и 3-й гвардейских пехотным дивизиям. Более точно установить весьма сложно. Касательно психологического аспекта – многие из офицеров недаром воспринимали Стоход как «Голгофу» гвардии: потери столь значительного количества солдат и офицеров, по их мнению, могли стать одной из причин участия запасных батальонов этих полков в Февральской революции (Волынский и Литовский, а также Преображенский полки активно участвовали в Стоходском сражении), однако усмотреть здесь прямую связь весьма сложно.

Итоги сражения

С переходом II-го гвардейского корпуса через Стоход вся Ковельская операция была де-факто приостановлена в связи с тем, что к противнику подошло подкрепление, а у РИА резервов не осталось. Поэтому вновь начинаются позиционные бои.

Б.В. Адамович с горечью писал [1, с. 58]:

«Прорыв на Ковель не удался. Все жертвы, принесенные Гвардией, остались бесплодны. Достижения девятимесячного отдыха и работ в «большом резерве» были утрачены на половину».

Большинство солдат и офицеров, переживших Стоходский бой, обвиняли командование в нерациональном использовании имевшегося личного состава. Многие из офицеров уже впоследствии воспринимали Стоход как некую «Голгофу» русской гвардии. Как яркий пример можно привести воспоминания Ю.В. Зубова 1-го, который писал, уже находясь в эмиграции:

«Месяцы тщательной подготовки для решительного удара штабом Юго-Западного фронта были сведены на нет, благодаря

полному пренебрежению командованием Юго-Западного фронта основных принципов нового метода атаки. Это последнее обстоятельство характерно для всего брусиловского наступления, успехи которого покупали совершенно несоразмеримыми результатами – человеческими жертвами» [4, с. 165].

Торнау писал более лаконично и сухо:

«Результаты, достигнутые этим наступлением и несколько германских орудий, взятых 2-м гвардейским корпусом, вряд ли могли компенсировать эти чудовищные потери. Подготовка нескольких месяцев стоянки в резерве была сведена на нет. От гордых, многотысячных полков, выступавших в бой 15 [28] июля, оставалось в некоторых частях немного более половины» [29, с. 92].

Однако есть и иное мнение. Офицер лейб-гвардии Семеновского полка Ю.В. Макаров писал:

«Я лично знал Н. Н. [Игнатъева] и в полку и особенно близко в эмиграции, где он мне подробно рассказывал про Стоходскую операцию, в которой ни он, ни Безобразов не были повинны ни душой, ни телом. Несмотря на их самые энергичные протесты, приказ атаковать укрепленные немецкие позиции пришел из Ставки, на которую в свою очередь давили из Парижа. Это была одна из многих наших человеческих жертв на «союзнический алтарь». Так это было тогда и понято и принято в войсках» [6, с. 185].

Как можно заметить, Макаров более широко рассматривает вопрос, тем более что у него была возможность обсудить это сражение с Н.Н. Игнатъевым, на момент Стоходского сражения – начальником штаба войск гвардии. Хотя примечание, что это так и было понято в войсках, как можно прочитать в воспоминаниях Зубова и Торнау – не совсем соответствует истине.

По мнению доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Л.В. Ланника, хоть РИА и смогла захватить Червищенский плацдарм, на этом успехи окончились, поскольку Эверт откладывал наступление до осенней распутицы, при этом «мотивы Эверта представляются неоднозначными: если он и сберег тем самым десятки тысяч жизней солдат своего фронта, но ни в коей мере не спас тех, кто расплачивался за это в ходе атак на других

участках фронта» [5, с. 158].

Заключение. Стоходское сражение было не первым и не последним в истории российской лейб-гвардии, где она понесла чудовищные потери. Но в контексте происшедших событий Стоход стал одним из ярких свидетельств ошибок командования времен Первой мировой войны, что было характерно не только для Российской империи, поскольку Первая мировая война благодаря активному внедрению новых средств ведения боя и новых тактик была весьма сложна для планирования и проведения.

Однако нельзя забывать важного факта: несмотря на зачастую большую эмоциональность при воспоминаниях этого страшного

боя, почти все офицеры-участники подтверждали, что именно из-за ошибок командования Юго-Западным фронтом Гвардия понесла столь чудовищные потери, от которых так уже никогда не смогла оправиться, что можно проследить как минимум по последующим трагическим событиям 1917 года. Так, к февралю 1917 года в составе лейб-гвардии Семеновского полка оставалось меньше половины офицеров «июля 1914 года» по сведениям кандидата исторических наук С.С. Минакова [7, с. 204], причем треть из них была убита, остальные были переведены на другие должности, а некоторые, как М.Н. Тухачевский, находились в плену, что указывает доктор исторических наук С.Т. Минаков [8, с. 175].

Список литературы

1. Адамович Б.В. Трыстень, 15-28.VII.1916: ко дню 225-летия Л.-Гв. Кексгольмского полка, 1710-29/VI-1935. Париж : S.N.I.E., 1935. 62 с.
2. Андоленко С.П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914-1920 годы. СПб.: Славия, 2010. 409 с.
3. Зайончковский А.М. Первая мировая война. М.: Эксмо. 2025. 544 с.
4. Зубов Ю.В. С полком дедов и прадедов в Великую войну 1914-1917 гг. М.: Изд-во «ФИВ», 2014. 288 с.
5. Ланник Л.В. Русский фронт, 1914-1917 годы. СПб.: Наука, 2018. 287 с.
6. Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. Война и мир офицера Семеновского полка. 1905-1917. М.: Центрполиграф, 2023. 276 с.
7. Минаков С.С. Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка в повседневности войны и мира. 1914-1924 гг. Орел: Издательский дом "ОРЛИК", 2013. 320 с.
8. Минаков С.Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Монография. Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГУ». 2012. 202 с.
9. Оськин М.В. Русская артиллерия Первой мировой. М.: Вече, 2021. 384 с.
10. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 335. Л. 18об.
11. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 335. Л. 24об.
12. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 335. Л. 26.
13. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 335. Л. 28.
14. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 335. Л. 34.
15. РГВИА. Ф. 2579. Оп. 2. Д. 1048. Л. 24.
16. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1044. Л. 82.
17. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1044. Л. 82об.
18. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1044. Л. 84.
19. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1044. Л. 84об.
20. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 3230. Л. 10.
21. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 3230. Л. 10об.
22. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 3230. Л. 12.
23. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 3230. Л. 14.
24. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 3230. Л. 82.
25. РГВИА. Ф. 2586. Оп. 2. Д. 919. Л. 2.
26. РГВИА. Ф. 2586. Оп. 2. Д. 919. Л. 4.
27. РГВИА. Ф. 3554. Оп. 1. Д. 183. Л. 2.
28. РГВИА. Ф. 408. Оп.1. Д. 18112. Л. 1.

29. Торнау С.А. С родным полком (1914-1917 гг.). Берлин. 1923. 144 с.
30. Февральская революция : [мемуары. Родзянко, Милюков, Керенский, Шульгин, Де-никин, Лукомский, Пешехонов и др.] / сост. С. А. Алексеев ; с предисловием и примечаниями А. И. Усагина. М. ; Ленинград : Государственное издательство, 1925. XXXII, 509 с.
31. Чувардин, Г.С. Особенности повседневной жизни российской и германской военных элит в конце XIX – начале XX века: сравнительный анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2025, № 2 Том 20. С.479-493.

THE STOKHOD TRAGEDY OF THE LIFE GUARDS AS AN EXAMPLE OF THE MISTAKES OF THE COMMAND OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY IN THE FIRST WORLD WAR

This article analyzes the Battle of Stokhod, which was part of the Brusilov Offensive in the summer of 1916 on the Southwestern Front of the Eastern Theater of the First World War. The Battle of Stokhod took place between July 28 and September 2, 1916, and in the presented work is studied primarily from the perspective of the Petrovsky Brigade (the Life Guards of the Preobrazhensky and Semenovskiy regiments). This battle is one of the most striking examples of positional battles of the First World War, since the Russian Imperial Army (hereinafter – RIA) suffered huge losses (according to various estimates from 30,000 to 50,000 people), and the captured bridgehead turned out to be not so significant for the further development of the Brusilov offensive. In September, the offensive in the Stokhodsky area was canceled due to the autumn mud. RIA did not achieve the planned results, and the losses incurred offset nine months of training for the Life Guards, which had previously suffered in the battles of 1915. In addition, the impact of the Kovel losses can be traced back to the revolutionary events of March 1917. Since the reserve battalions of the 2nd and 3rd Guards Infantry divisions, which had previously suffered the greatest losses in the summer of 1916, played a key role in the uprising of the Life Guards regiments (for example, 50% of the personnel of the Lithuanian Life Guards Regiment in one battle on July 28, 1916). In this regard, it can be concluded that the Battle of Stokhod played a significant role in the history of the First World War and the subsequent revolutionary events of 1917.

Keywords: Petrovsky Brigade, World War I, Life Guards, Preobrazhensky Regiment, Semenovskiy Regiment, Lithuanian regiment, Kexholm Regiment, Brusilov offensive, Kovel operation, Special Army.

References

1. Adamovich B.V. (1935) Trysten', 15-28.VII.1916: ko dnyu 225-letiya L.-Gv. Keks-gol'mnskogo polka, 1710-29/VI-1935 [Tristren, 15–28.VII.1916: on the occasion of the 225th anniversary of the Life Guards Kexholm Regiment, 1710–29/VI–1935.]. Parizh : S.N.I.E. 62 s.
2. Andolenko S.P. (2010) Preobrazhency v Velikuyu i Grazhdanskuyu vojny. 1914-1920 gody [The Preobrazhensky Regiment during the Great War and the Civil War. 1914-1920.]. SPb.: Slaviya.409 s.
3. Zajonchkovskij A.M. (2025) Pervaya mirovaya vojna [Great war]. M.: Ehksmo. 2025. 544 s.
4. Zubov Yu.V. (2014) S polkom dedov i pradedov v Velikuyu vojnu 1914-1917 gg. [With the regiment of our grandfathers and great-grandfathers in the Great War of 1914–1917.]. M.: Izd-vo «FIV». 288 s.
5. Lannik L.V. (2018) Russkij front, 1914-1917 gody [The Russian Front, 1914–1917]. SPb.: Nauka. 287 s.
6. Makarov Yu.V. (2023) Moya sluzhba v staroj gvardii. Vojna i mir oficera Semenovskogo polka. 1905-1917 [My service in the old guard. War and Peace of an officer of the Semenovskiy Regiment. 1905-1917]. M.: Centrpoligraf. 276 s.
7. Minakov S.S. (2013) Oficery lejbgvardii Semenovskogo polka v povsednevnosti vojny i mira. 1914-1924 gg [Officers of the Semenovskiy Life Guards Regiment in the everyday life of war and peace.]. Orel: Izdatel'skij dom "ORLIK". 320 s.
8. Minakov S.T. (2012) Lejb-gvardii kapitan Tuhachevskij [Captain Tukhachevsky of the Life Guards]. Monografiya. Oryol: FGBOU VPO «OGU». 202 s.
9. Os'kin M.V. (2021) Russkaya artilleriya Pervoj mirovoj [Russian artillery in Great War]. M.: Veche. 384 s.
10. RGVIA. F. 2576. Op. 2. D. 335. L. 18ob.
11. RGVIA. F. 2576. Op. 2. D. 335. L. 24ob.
12. RGVIA. F. 2576. Op. 2. D. 335. L. 26.

13. RGVIA. F. 2576. Op. 2. D. 335. L. 28.
14. RGVIA. F. 2576. Op. 2. D. 335. L. 34.
15. RGVIA. F. 2579. Op. 2. D. 1048. L. 24.
16. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 1044. L. 82.
17. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 1044. L. 82ob.
18. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 1044. L. 84.
19. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 1044. L. 84ob.
20. RGVIA. F. 2584. Op. 1. D. 3230. L. 10.
21. RGVIA. F. 2584. Op. 1. D. 3230. L. 10ob.
22. RGVIA. F. 2584. Op. 1. D. 3230. L. 12.
23. RGVIA. F. 2584. Op. 1. D. 3230. L. 14.
24. RGVIA. F. 2584. Op. 1. D. 3230. L. 82.
25. RGVIA. F. 2586. Op. 2. D. 919. L. 2.
26. RGVIA. F. 2586. Op. 2. D. 919. L. 4.
27. RGVIA. F. 3554. Op. 1. D. 183. L. 2.
28. RGVIA. F. 408. Op. 1. D. 18112. L. 1.
29. Tornau S.A. (1923) *S rodnym polkom (1914-1917 gg.)* [With the regiment (1914–1917).]. Berlin. 144 s.
30. *Fevral'skaya revolyuciya (1925): [memuary. Rodzyanko, Milyukov, Kerenskij, Shul'gin, Denikin, Lukomskij, Peshehonov i dr.]* [The February Revolution: [memoirs. Rodzianko, Milyukov, Kerensky, Shulgin, Denikin, Lukomsky, Peshekhonov, and others.]] / sost. S. A. Alekseev; s predisloviem i primechaniyami A. I. Usagina. M.; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. XXXII, 509 s.
31. Chuvardin, G.S. (2025) *Osobennosti povsednevnoj zhizni rossijskoj i germanskoj voennyh ehlit v konce XIX – nachale XX veka: sravnitel'nyj analiz* [Features of the everyday life of the Russian and German military elites in the late 19th – early 20th century: a comparative analysis] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. № 2. Tom 20. pp.479-493.

Об авторе

Савинов Виктор Юрьевич – аспирант ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева». E-mail – savinovviju@mail.ru

Savinov Viktor Yuryevich – postgraduate student of the I.S. Turgenev Oryol State University. E-mail – savinovviju@mail.ru

УДК 944.04.1

Самсаров А. И., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Ш.М. ТАЛЕЙРАН И ПРОЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ В 1791Г.

В статье характеризуется малоизвестный период деятельности одного из крупных деятелей Великой французской революции – Шарля Мориса Талейрана. То было время становления его политической карьеры. Будучи депутатом Учредительного собрания, Талейран сыграл одну из ключевых ролей в таких переломных событиях революции, как: отмена сеньориальных привилегий, принятие Декларации прав, секуляризация имущества церкви, становление дипломатических и финансовых инициатив Конституанты. Работая во многих комитетах Собрания, оратор занимался многочисленными вопросами, среди которых не только политика и экономика, но и метрическая система мер и весов, общественное образование. Последнему автор уделял не поддельное внимание. Членам Собрания был представлен обширный проект многоуровневой системы с детальнейшей проработкой всех вопросов. Этот документ был не заслуженно забыт. Но он по некоторым моментам был достаточно прогрессивным и опережал свое время. Многие тезисы доклада были использованы в дальнейшем другими общественными деятелями. В исследовании уделяется первостепенное внимание основным тезисам проекта Талейрана. Подробно рассмотрена классификация образования и роль женского воспитания в обществе. Для наглядности рассмотрены также проекты образования Мирабо и Кондорсе.

Ключевые слова: Французская революция, Талейран, Мирабо, Кондорсе, Париж, общественное образование, Учредительное собрание, Просвещение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-118-123

Введение. Франция с момента своего формирования как государства являлась страной высокой национальной культуры, в которой образование традиционно относилось к сфере государственных интересов. Еще в XII – XIII вв. при посредничестве государства и церкви в стране стали формироваться сети светских школ, учреждений начального образования и первые университеты, что дало в итоге определенное повышение уровня грамотности в обществе. Помимо капитулярной или епископальной школы, открывались еще и муниципальные школы (например в г. Вьенн, и г. Шартр). В 1698г. был издан указ короля об обязательном посещении школ детьми не достигшими 14 лет [2, с.100-106]. В XVIII в. деятельность французских учебных заведений регламентировалась инструкциями специальной королевской комиссии, а функции управления учебными заведениями пропорционально распределялись между школьной администрацией, муниципалитетами и епископатами. К 1789г. во Франции действовало уже 24 университета и 160 коллежей полного цикла. Большую роль в образовании общества играла церковь. К 1711г. на территории королевства было открыто 38 религиозных образовательных

организаций-орденов (иезуитов, ораторианцев, урсулинок и др.) Общество Иисуса располагала так же 86 коллежами[2, с.100-106]. Но несмотря на все это многообразие французское образование имело ряд существенных недостатков. Первый, значительное социальное расслоение не позволяло получать знания малообеспеченным группам населения. Среднее образование во Франции охватывало, прежде всего, буржуазию. Дети высшего дворянства учились как пажи при сеньорах, а в среде ремесленников и рабочих применялось практическое обучение. Второй, заключался в отсутствии общенационального характера обучения. В результате к началу революции в среднем 53% мужчин и 74% женщин были неграмотны. В брачных договорах за 1789г. процент подписавшихся мужчин колебался от 14% до 89%, а женщин от 6% до 66% [1, с.600]. Все эти проблемы предстояло решить Учредительному собранию. Одним из вариантов решения стал проект общественного образования, разработанный и представленный Ш. М. Талейраном. Внушительный двухсотстраничный доклад был заслушан в сентябре 1791г.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является политика

Национального собрания Франции в области образования в 1791 г. Используются ретроспективный и историко-сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. Для Талейрана это был хороший шанс проявить себя на новом поприще. Шарль Морис располагал некоторым опытом в этом деле. В свое время он получил блестящее образование и хорошо был осведомлен о его функционировании в эпоху Старого порядка. Он имел представление о взглядах просветителей и ученых по этой тематике. 10 сентября 1791 г. Талейран начал с озвучивания общих проблем нынешнего французского образования, которое «делало необходимым учить людей с детства примиряться с предрассудками, среди которых они были призваны жить и умирать; где они должны были привыкнуть к ограничению своего мышления...» [4, р.447]. Постепенно автор перешел к смыслу образования для общества, изложив в начале его более широкие, абстрактные функции: «Образование постоянно расширяет сферу гражданской свободы и только оно может защитить политическую свободу от всех видов деспотизма... Образование на самом деле является силой особой природы и никому не дано измерить ее величину... Образование вообще имеет целью совершенствование человека во все времена и постоянное внесение в него знаний, опыта и даже ошибок предыдущих поколений... его можно рассматривать как продукт общества, как источник благ для общества, как столь же плодотворный источник благ для отдельных людей» [4, р.448]. Далее Шарль Морис перешел к практическим функциям. Первая из них, экономическая, ведь «общество можно рассматривать как огромную мастерскую» и «люди, обладающие разумом, должны делать больше и лучше...». Вторая функция, государственная, состоит в том, что «образование, имеющее определенные функции, помогает государству неустанно работать над улучшением политического общества и общим процветанием» [4, р.449]. И наконец, третья, общественная, когда хорошо образованное общество «может предотвратить слишком большую власть». Здесь речь идет скорее об обратной связи общества и государства, характерной для современного гражданского общества демократических стран. Таким

образом, Талейран уже тогда имел достаточно четкие представления о влиянии образования на общество.

Исходя из этой концепции, оратор выделил пять принципов образования:

1) Образование должно носить всеобщий характер, что предусматривает создание широкой сети учебных заведений.

2) Общедоступность образования для всех членов общества, предусматривающая отмену всех исключительных привилегий.

3) Образование должно быть универсальным.

4) Образование должно производиться для обоих полов.

5) Образование должно производиться для всех возрастов.

Очень много внимания в проекте уделено образовательным программам или конкретнее, что должны изучать и развивать учащиеся. «Мы должны научиться знать Конституцию. Поэтому необходимо, чтобы декларация прав и конституционные принципы составили в будущем новый катехизис для детей, который будет преподаваться даже в самых маленьких школах королевства» - говорил Талейран своим коллегам законодателям. Это, в общем, подчеркивает его приверженность к принципам 1789 г. и либеральным ценностям [4, р. 450]. Так же учащиеся должны последовательно развивать физические, интеллектуальные и моральные способности. Отдельный вопрос о бесплатности образования. Это напрямую вытекает из второго принципа. «Должно быть бесплатное образование: принцип неоспорим; но в какой степени оно должно быть бесплатным? Только на каких уровнях его следует применять?» - думал об этом Шарль Морис. И тут же дает ответ: «Поскольку общество предоставляет блага безвозмездно, то оно должно также платить за все необходимое образование, чтобы оно достигло каждого из своих членов» [4, р. 452]. Означает ли это, что автор выступал за полностью бесплатное образование. Вовсе нет. Талейран хотел видеть бесплатным только начальное образование: «поскольку оно должно включать в себя элементы самого необходимого и его главная цель – научить детей стать гражданами». Что же касается остальных уровней обучения, то они, не являясь обязательными для всех,

должны были носить коммерческий характер. Исключение составили бы талантливые дети: «Талант обреченный однажды стать благодетелем общества должен, благодаря ожидаемому признанию, получить от общества поддержку...». В завершении этого вопроса докладчик делает вывод: «Таким образом, бесплатное образование распространится настолько далеко, насколько должно; однако оно все еще будет иметь пределы; но эти пределы указаны разумом».

Итак, какие же уровни образования были предложены Талейраном. Это начальные школы для детей возрастом от 6 лет, создаваемые в каждом муниципалитете. Начальные школы должны быть бесплатными и открытыми для детей всех граждан без каких-либо различий. Ученики будут изучать национальный язык, счет, элементы религии и принципы Конституции [4, р.480]. Второй уровень составляли школы в дистриктах. В них принимались дети 8-9 летнего возраста показавшие более высокие способности. Эти заведения предложат ученикам более обширное обучение, включая принципы религии, морали, языков, логики, ораторского искусства, географии, истории, математики и физики. Причем образовательный процесс предполагалось разделить по курсам. Обучение занимало семь лет. Третий уровень составляли бы специальные школы для получения узкоспециализированных знаний: религиозные, медицинские, юридические и военные. Для каждого заведения Шарль Морис разработал подробный список образовательных программ. И наконец, четвертый уровень был представлен Национальным институтом. «Этот институт будет состоять из элиты людей, признанных наиболее выдающимися во всех областях знаний, некоторые из которых будут встречаться в определенные дни, чтобы вместе обсуждать способы ускорения прогресса своей работы, в то время как другие будут обучать этим различным искусствам тех, кто желает научиться этому»- говорилось в проекте декрета [4, р.490]. Здесь должны были преподавать историю, древние языки, музыку, искусство, грамматику, философию и многое другое.

Отдельно стоит отметить систему предлагаемого женского образования. Для того времени это звучало действительно

революционно. Как известно Талейран всегда любил женщин и проявлял к ним должное внимание. «Вопросы, касающиеся их образования, неотделимы от рассмотрения их политических прав»- утверждает автор. Но в то же время «счастье женщин, требует, чтобы они не стремились к осуществлению политических прав и функций. Давайте искать здесь их интерес к желанию природы. Разве не очевидно, что их хрупкое телосложение, их миролюбивые наклонности, многочисленные обязанности материнства постоянно отдалают их от сильных привычек, от тягостных обязанностей и призывают к нежным занятиям, к внутренней заботе» - типичная мысль о женщинах той эпохи. Все что предусматривалось это обучение в начальной школе до 8 лет (затем только воспитание в родительском доме) и сеть специализированных школ в департаментах. Немалая часть доклада была посвящена стипендиям, подготовке учителей и их пенсионному обеспечению, созданию библиотек, лабораторий и кабинетов. И все это сопровождалось скрупулезным подсчетом! Во главе всей системы должна была стоять Генеральная комиссия народного образования из шести человек. В каждом департаменте должен располагаться отдельный уполномоченный. Проверку системы проводили бы назначаемые королем комиссары народного образования.

Проект Талейрана был не единственным, который предлагался в годы революции. Интересен, например, проект Мирабо. Документ никогда не зачитывался в стенах Конституанты по причине смерти депутата. Широкой публики он стал известен только летом 1791г. после публикации доктором Кабанисом посмертных бумаг автора. Среди последних оказалась заготовленная речь «Труд о народном воспитании». Основная цель воспитания и образования по Мирабо это создание сильной и свободной человеческой личности и развитию всех сил и способностей человека: «Единственной целью является создание человека, владеющего всеми своими способностями, пользующегося всеми своими правами...задача заключается в создании общества из совокупности свободно развивающихся индивидуумов» [3, с.73]. Это противопоставление индивидуализма общественной идеи Шарля Мориса. Второе

важное отличие независимость образования от власти, его аполитичность. «Если бы на исполнительную власть была возложена организация школ и наблюдение за ними, то воспитание и обучение в школах были бы целиком подчинены взглядам власти... Никакая постоянная власть не должна иметь в своем распоряжении столь грозного оружия, как просвещение. Ведь именно перо управляет мечом, дает и отнимает скипетры, ведь именно учителя юношества, различные философы и писатели, заставляют народы идти по пути свободы или же повергают их в рабство» - утверждал автор [3, с.73]. Отсюда решение передать все учебные заведения в ведение департаментов. Третье отличие отказ от принципа бесплатного образования. Если Талейран допускает хотя бы безвозмездную начальную школу, то у Мирабо все построено на факторе материальной заинтересованности: «Учитель, получающий вознаграждение, несравненно более заинтересован в совершенствовании своего метода преподавания и ученик, вносящий плату за учение, несравненно больше заинтересован в использовании уроков... Заинтересованность - наиболее естественный двигатель таланта» [3, с.76].

В вопросе женского образования позиции обоих докладчиков весьма схожи. Мирабо практически так же выступал о роли женщин в обществе: «Мужчины, предназначенные для деловой деятельности, должны быть воспитаны в обществе. Женщины, предназначенные, напротив, для семейной жизни, должны, быть может, покидать свой родной дом лишь в редких случаях... Нежное сложение женщин, превосходно приспособленное для главного призвания - продолжения человеческого рода, внимательного надзора за опасностями первых лет жизни ребенка, прикрепляет их к скромным трудам хозяйства, вследствие этого - к домашней жизни и дает им возможность найти истинное счастье, а также распространить счастье вокруг себя только в спокойных трудах уединенной жизни» [3, с.80]. Интересны мысли автора о роли науки в просвещении общества: «Знание законов природы наносит смертельные удары суеверным мнениям, подготавливает уничтожение заблуждений и прокладывает дорогу истине... Наиболее просвещенные нации сбросили свои

предрассудки лишь при помощи естественных наук; невежественные народы сбросят свои оковы только тем же путем. Необходимо поэтому поощрять, ободрять, облегчать изучение природы и предоставлять повсюду средства людям, стремящимся к этому роду образования». Для осуществления своих замыслов депутат предлагал открыть сеть начальных школ, коллежей (в каждом департаменте) и один национальный лицей в Париже. Помимо этого, культурно-просветительскую функцию выполняли бы библиотеки, академия наук и музеи.

Эти два первых проекта народного образования легли во многом в основу проекта жирондиста Кондорсе. Проект был заслушен Законодательным собранием 20 и 21 апреля 1792г. Автор видел цель образования в том, чтобы «культивировать в каждом поколении физические моральные и интеллектуальные способности и таким образом участвовать в общем и постепенном совершенствовании человеческого рода» [6, р.193]. Вера в прогресс, вот что всегда отличало Кондорсе. Предполагалось создать пять уровней образования: начальные школы, школы второй ступени, институты для подготовки профессионально-технических кадров, лицеи как элементы высшего образования и Национальное общество наук и искусств, объединяющее всех ученых. Примечательно то, что Кондорсе хотел видеть образование полностью бесплатным и равноправным для обоих полов.

Довольно интересен подход авторов к воспитанию. Вообще идеи воспитания в ходе революции претерпевали различные изменения. Талейран выступает за комплексный подход. Например нравственное воспитание должно было доводиться до учащихся через уроки истории [4, р. 450]. Здесь очевидна связь с доводом Руссо о том, что изучение истории лучшее средство нравственного воспитания. Далее эстетическое и интеллектуальное воспитание. Первое производится через приобщение к музыке и искусству, а второе путем освоения жизненных знаний. Граф Мирабо построил свою систему в отличие от коллеги на индивидуализме. Роль государства в развитии личности будущих граждан, как видно из его проекта сведена к минимуму. Точка зрения жирондиста Кондорсе уже иная. По его мнению, воспитание

гражданина и развитие его природных качеств в итоге приведет к совершенствованию всего человечества в целом. В период Конвента идея всеобщности воспитания нашла отражение в концепции Лепелетье о «национальном воспитании». По мнению автора, все дети в возрасте от 5 до 12 лет должны были содержаться в специальных интернатах с подсобными мастерскими за счет Республики [3, с. 41]. Этот проект предусматривал, по сути, полное подчинение данной сферы государству, что было типично для периода диктатуры монтаньяров. Таким образом, идеи епископа Отенского в области педагогики и воспитания не носили радикального характера, а были довольно умеренными.

Заключение. Судьба проекта Талейрана была не завидна. Он так и остался

достоянием истории. Тому есть объективные причины. На повестке дня в Собрании стояли более важные, по их мнению, вопросы. На повестке дня стояла Конституция. 25 сентября 1791г. после завершения чтения доклада выступил депутат Бюзо. Он высказался о переносе рассмотрения декрета до созыва Законодательного собрания, мотивируя это нехваткой времени и финансовыми затратами. В качестве компромиссного решения Талейран предложил значительно сократить итоговый документ, оставив только начальные школы [5, р.324]. Но и это предложение осталось без ответа. Легислатива так и не вернулась к рассмотрению этого вопроса. Тем не менее, многие черты проекта Талейрана легли в основу образовательного закона 1795г. и реформы Жюлья Ферри в 1882 г.

Список литературы

1. Волгин В.П. Тарле Е.В. Французская буржуазная революция 1789-1794. Москва-Ленинград: Издательство Акад. Наук СССР, 1941. 841 с.
2. Демидовская А. Е. Воспитание и образование во Франции в XVII- начале XVIII века // Вестник Поморского университета. Архангельск. 2008. № 1(13). С. 100-106.
3. Педагогические идеи Великой французской революции. Речи и доклады. Москва. Издательство «Работник просвещения». 1926. 281 с.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 30. 1888. 782 p.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 31. 1888. 774 p.
6. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 42. 1893. 816 p.

CH.M. TALLEYRAND AND THE PROJECT OF PUBLIC EDUCATION IN FRANCE IN 1791

The article describes a little-known period of activity of one of the major figures of the Great French Revolution – Charles Maurice Talleyrand. It was the time of the formation of his political career. As a deputy of the Constituent Assembly, Talleyrand played one of the key roles in such turning points of the revolution as: the abolition of seigniorial privileges, the adoption of the Declaration of Rights, the secularization of church property, the formation of diplomatic and financial initiatives of the Constituent Assembly. Working in many committees of the Assembly, the speaker dealt with numerous issues, including not only politics and economics, but also the metric system of measures and weights, public education. The author paid genuine attention to the latter. The members of the Assembly were presented with an extensive project of a multi-level system with the most detailed elaboration of all issues. This document was undeservedly forgotten. But in some respects it was quite progressive and ahead of its time. Many of the theses of the report were later used by other public figures. The study pays primary attention to the main theses of Talleyrand's project. The classification of education and the role of women's education in society are examined in detail. For clarity, the educational projects of Mirabeau and Condorcet are also considered.

Keywords: French Revolution, Talleyrand, Mirabeau, Condorcet, Paris, public education, Constituent Assembly, Enlightenment.

References

1. Volgin V.P. Tarle E.V. (1941). Francuzskaya burzhnaznaya revoluciya 1789-1794 [French Bourgeois Revolution 1789-1794]. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akad. Nauk SSSR.
2. Demidovskaya A. E. (2008). Vospitanie i obrazovanie vo Francii v XVII- nachale XVIII v [Education and upbringing in France in the 17th - early 18th centuries]. Arhangel'sk.

3. Pedagogicheskie idei Velikoi Francuzskoi revolucii. Rechi i dokladi. (1926). [Pedagogical ideas of the Great French Revolution. Speeches and reports]. Moskva: Rabotnik prosvecheniya.
4. Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 30. 1888. 782 p.
5. Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 31. 1888. 774 p.
6. Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 42. 1893. 816 p.

Об авторе

Самсаров Александр Ивайлович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Samsarov Aleksandr Ivajlovich – graduate student of the Department of World History, international Relations and International Law Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

УДК 94(47)"1915":327(438+497.2)

Свиридова А.С., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ ОСЕНЬЮ 1915 Г.: НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ И БОЛГАРИИ¹

Статья посвящена анализу отражения славянского вопроса в российской газетной периодике в критический период осени 1915 г. На основе материалов ведущих газетных изданий – «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Речь», «Новое время», «Русское слово», «Утро России», «День», «Современное слово», «Маленькая газета», «Петроградский листок» – рассматривается специфика интерпретации двух ключевых сюжетов: положения Царства Польского, оккупированного германскими войсками, и внешнеполитического выбора Болгарии, вставшей на путь союза с Центральными державами. Исследуется эволюция оценок в прессе – от надежд на «братство» и дипломатическое урегулирование до констатации «предательства» и разрыва. Особое внимание уделяется публицистическим попыткам связать судьбы двух славянских народов в единую концептуальную схему, а также анализу образа Германии как главного антагониста «славянского мира». В статье выделяются три этапа освещения событий, связанных с польским и болгарским вопросами. Исследование показало, что в польском вопросе газеты акцентировали внимание читателей на немецких репрессиях, в болгарском вопросе – на осуждении болгарского предательства. Соответственно, делается вывод о формировании в российской печати двойственного образа «славянского мира» и о кризисе традиционной модели славянской солидарности, основанной на имперском покровительстве и чувстве благодарности.

Ключевые слова: Первая мировая война, славянский вопрос, российская печать, газетная периодика, Польша, Болгария, польский вопрос, болгарский вопрос, общественное мнение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-124-134

Введение. Осень 1915 г. стала для Российской империи временем военных и дипломатических потрясений, напрямую затронувших основы «славянского мира». Падение Варшавы в августе и последующая оккупация немцами Царства Польского, а затем переориентация Болгарии на союз с Германией и Австро-Венгрией в сентябре изменили политическую картину мира. Эти события, рассматривавшиеся в тесной связи друг с другом, актуализировали в публичном пространстве так называемый «славянский вопрос».

Российская империя вступала в войну как защитница Сербии, а в ее лице – и всех славянских народов, а уже в первые дни войны, с обнародованием 1 августа 1914 г. Воззвания великого князя Николая Николаевича к полякам, на официальном уровне был декларирован лозунг славянского единства и обещание польской автономии. Однако к осени 1915 г. выяснилось, что славянские народы – поляки, болгары, сербы – руководствуются не столько «братскими чувствами», сколько собственными национальными интересами. Именно в этот переломный момент периодическая печать стала главной площадкой, где

формировались образы «врага» и «брата», переосмыслились традиционные представления о единстве и предательстве.

Газеты не только информировали читателей о событиях, но и активно участвовали в конструировании смыслов, предлагая различные интерпретации происходящего – от морального осуждения «предательства» до рационального анализа геополитических причин. Изучение того, как именно прессой трактовались судьбы Польши и Болгарии, позволяет не только реконструировать картину общественных настроений, но и понять механизмы формирования внешнеполитических стереотипов в условиях кризиса «славянского единства».

Славянская идея в годы Первой мировой войны приобрела особое значение, а одной из ее важнейших составляющих стал лозунг единства перед натиском «воинствующего германизма». А.Ю. Бахтурина [2, 3] и Л.М. Аржакова [1], В.В. Полонский [31] отмечали, что с началом военных действий пропаганда идей освобождения славянства значительно усилилась, а в самом российском МИД подход к славянской идее становился

¹Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00933) «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны»

© Свиридова А.С.

© Sviridova A.S.

все более прагматичным. В.В. Борисенко [9], А.А. Крутиков [22], А.Н. Мичурин [23], С.В. Позняк [30] подчеркивали, что в контексте славянского вопроса особое значение для внешней и внутренней политики Российской империи имел польский вопрос.

Проблематике вступления Болгарии в Первую мировую войну посвящены статьи А.А. Иванова, А.В. Репникова [19] и А.А. Фоменко [49]. Однако, несмотря на обилие работ по истории славянского вопроса и российской внешней политики в годы Первой мировой войны, комплексный анализ освещения польского и болгарского вопросов в российской газетной периодике именно в сентябре 1915 г., в самый острый момент кризиса «славянского единства», до сих пор не проводился.

Цель данной статьи – на основе анализа конкретных публикаций в газетах различной направленности выявить спектр оценок польского и болгарского вопросов, проследить эволюцию этих оценок в течение сентября 1915 г. и показать, как пресса связывала судьбы двух славянских народов в единую концептуальную схему.

На основе материалов десяти ведущих газет различной направленности рассматривается специфика интерпретации двух ключевых сюжетов: положения Царства Польского и Болгарии. В рассматриваемый период газета «Русские ведомости» имела либеральную направленность, «Речь» – либерально-кадетскую, «День» и «Маленькая газета» – либерально-буржуазную. Столичные «Биржевые ведомости» в военное время представляли собой авторитетное массовое издание. Газета «Новое время» в период войны поддерживало правительственную политику и сохраняла консервативный настрой. «Русское слово» и «Утро России» выражали мнение прогрессивных российских кругов. «Современное слово» позиционировало себя как «беспартийно-демократическая газета». «Петроградский листок» относился к массовым городским газетам. Такой спектр позволяет проследить, как политическая и идеологическая ориентация изданий влияла на трактовку польского и болгарского вопросов, а также выявить точки консенсуса и расхождения в интерпретации роли Германии в славянском вопросе. В ходе исследования для

реконструкции контекста были проанализированы все номера выбранных газет за сентябрь 1915 г., а также отдельные выпуски за август и октябрь. Особое внимание уделялось заголовкам, передовым статьям, авторским колонкам и материалам корреспондентов, поскольку именно в них наиболее ярко проявлялась редакционная позиция.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования в данной работе является российская газетная периодика сентября 1915 г. как важнейший источник реконструкции общественных настроений и политических дискуссий в переломный период Первой мировой войны. Осень 1915 г. стала периодом кульминации кризиса традиционной модели славянской солидарности, что делает его особенно значимым для историко-публицистического анализа.

Методологическая основа исследования построена на сочетании нескольких подходов. Историко-типологический метод позволил классифицировать газеты по их политической направленности и стилю подачи материала, что было необходимо для выявления корреляции между типом издания и характером освещения славянского вопроса. Контент-анализ способствовал выявлению ключевых тем в газетных статьях. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления освещения польского и болгарского вопросов, что позволило выявить общие закономерности и различия в трактовке славянского вопроса в зависимости от конкретной страны. Кроме того, данный метод использовался для сравнения позиций различных газет по одним и тем же событиям, что дало возможность реконструировать полемику и определить границы публичного дискурса. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию оценок в печати в течение сентября 1915 г. по польскому и болгарскому вопросам, что позволило увидеть динамику российских общественных настроений и выявить поворотные моменты в освещении славянского вопроса.

Результаты и их обсуждение. К началу Первой мировой войны славянская идея в России имела глубокие историософские корни. В.В. Полонский отмечал: «Патриотический подъем в русской публицистике первых военных месяцев, сопровождавшийся среди

прочего и напряженной риторизацией так называемого славянского вопроса, во многом опираясь на плотную идеологическую подкладку религиозно-философского ренессанса в России начала XX в., благодаря которому были актуализированы <...> постулаты отечественного славянофильства» [31, с. 25]. В этой традиции Россия мыслилась как «средоточие» славянского мира, неразрывно связанное с судьбами всех славянских народов.

Философ В.Ф. Эрн в 1915 г. полагал, что «время славянофильствует», подразумевая, что сами события войны заставляют историю двигаться в славянофильском направлении [50, с. 5]. Однако реальность оказалась сложнее: к 1915 г. выяснилось, что славянское единство сталкивается с непреодолимыми препятствиями – как внешними (германское влияние), так и внутренними (исторические противоречия между славянскими народами). По замечанию Л.М. Аржаковой, в период Первой мировой войны славянский вопрос оставался для России во многом первостепенным [1, с. 25].

В контексте славянского вопроса особое значение для внешней и внутренней политики Российской империи имел польский вопрос, который в военных условиях приобрел новые черты [1, с. 21]. Польша, разделенная между тремя державами в конце XVIII в., к началу войны почти 150 лет не существовала как государство, но с началом боевых действий польские земли оказались в центре противоборства двух коалиций, что способствовало политической актуализации польского вопроса [9, с. 40].

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов был глубоко убежден в необходимости проведения реформ в Польше, действуя, по его собственным словам, «на благо русского и польского народа и всего славянства» [2, с. 134]. Накануне Первой мировой войны вокруг Сазонова сложился круг единомышленников, признававших необходимость восстановления польской автономии [22, с. 117]. Россия первой из мировых держав изложила свою позицию по польскому вопросу, пообещав объединение польских земель и самоуправление [9, с. 40]. С.Д. Сазонов, по мнению ряда современников, был одним из авторов воззвания великого князя к полякам [2, с. 133]. Однако в Совете министров у него

почти не оказалось союзников в польском вопросе: министры внутренних дел, юстиции и сам премьер его позицию не разделяли [2, с. 133]. Таким образом, к 1915 г. вопрос о польской автономии так и не был решен российским правительством.

Освещение польского вопроса в российской прессе в сентябре 1915 г. отличалось от газетной риторики предыдущих периодов. Центральным фактом стало закрепление нового статуса региона: Польша превращалась в пространство, захваченное тевтонами [48]. Уже 1 сентября Гроссман в статье «Германия и поляки» подчеркивал, что «сторонников польско-немецкого примирения в самой Польше незначительное количество» [14], а сама Польша именовалась «русской», что подчеркивало ее органичную связь с Россией [14].

«Биржевые ведомости» 10 сентября давали развернутую картину попыток германского правительства воздействовать на польское общественное мнение через назначение на ключевые должности пруссофилов: «Среди прусских поляков <...> самое видное место занимает член прусской палаты господ гр. Гуттен-Чапский, <...> главным варшавским цензором назначен известный писатель Клейнов» [13]. Через день столичная газета констатировала провал германской пропаганды: «Население Варшавы блестяще сдало экзамен на политическую зрелость и не дало увлечь себя на ложный путь» [12].

Аналогичные оценки германской политике в Польше давала и «Речь», которая приводила мнение польских патриотов, заявлявших, что «вся польская земля есть собственность польского народа» [33], отвергая немецкий планы ее расчленения. «Русское слово» приводило откровенное признание австрийского генерал-губернатора Лютина: «Польская интеллигенция и аристократия держатся обособленно. <...> Отношение к немцам значительно хуже, чем к австрийцам. Население с трудом скрывает свои антипатии» [34].

К середине сентября в российской прессе тон публикаций, характеризующих немецкую оккупационную политику в Польше, стал более тревожным. «Русские ведомости» сообщали о казни жителей Варшавы за сокрытие оружия [37]. Газета «День» обращала внимание читателей на реформирование польской системы образования: «В

начальных школах преподавание русского языка устраняется из школьного курса» [10], что означало уничтожение самого культурного моста между Польшей и Россией. «Утро России» сообщало о закрытии большинства варшавских театров и аресте артистов за «хлесткие словечки с прозрачными намеками» [36] на немецкие власти.

Особого внимания заслуживает публикация «Петроградского листка» «Трагедия варшавских банкиров», в которой рассказывалось о том, как тридцать варшавских банкиров были арестованы и отправлены в концлагерь за отказ обменивать золото на немецкие бонны [47]. Мотив банкиров был показателен: они заявили, что «...по заключении мира Варшава останется за Россией, и тогда немецкие бонны потеряют всякую ценность» [47].

Кульминацией стало введение предварительной цензуры в Польше. «Русское слово» сообщало о введении предварительной цензуры «в виду враждебности польской печати к Германии» [11], «Биржевые ведомости» также полагали, что это действие немецких властей было вызвано «оппозиционным характером польских органов печати» [35]. К концу месяца «Русские ведомости» в статье «Трагедия в Польше» подвели итог: «Ухудшается чуть ли не изо дня в день отношение немецких властей к населению Польши» [46]. В представлении российской читающей публики совокупность этих обстоятельств могла способствовать укреплению и росту пророссийских настроений в оккупированной немцами Польше.

Параллельно с хроникой репрессий немецких оккупационных властей в российской прессе развернулась дискуссия о будущем Польши – ключевого аспекта польского вопроса в период Первой мировой войны. Примечательна в этом отношении опубликованная в «Биржевых ведомостях» статья «К постановке польского вопроса» лидера польских национал-демократов Романа Дмовского [18]. Он заявлял: «Несмотря на несоразмерность сил русского и польского народов, не только для Польши нужна могущественная Россия, но и для России нужна сильная <...> Польша» [18]. «Биржевые ведомости», комментируя это высказывание, признавали, что «...объединение и освобождение Польши являются ныне незыблемым догматом для

всякого сознательного русского» [5].

Однако в России политика в отношении Польши была раздвоена: министерство иностранных дел выступало за создание единой Польши, а круги, близкие к министерству внутренних дел, – за сохранение разделов [30, с. 162]. Важно также подчеркнуть, что поражения 1915 г. и потеря территорий лишили Россию инициативы в польском вопросе. В 1915 г., после падения Варшавы, С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях отмечал: «Разочарование и тревога поляков после очищения нами Царства Польского и занятия немцами Варшавы достигли крайней степени... Я не сомневался, что германское и австро-венгерское правительства используют это положение в ущерб России путем лживых обещаний» [44, с. 381].

«Речь» и «Новое время» приводили сообщение о планах Австро-Венгрии создать «...почти независимое польское королевство, которое войдет в состав Австрии на таких же правах, на каких королевство Хорватии и Славонии входит в состав венгерской короны» [33]. Примечательно, что немецкая печать, по сообщению петроградской газеты, скептически относилась к этой идее, заявляя, что польский вопрос будет решаться только на основании стратегических и политических интересов германского народа [28]. Тем важнее российской читающей публике было наблюдать за прокламациями и действиями как немцев, так и австрийцев в отношении польского вопроса. «Новое время» отмечало: «Если по польскому вопросу Австро-Венгрия и Германия не договорятся, то поляки возложат все свои национальные надежды на Россию, которая в начале войны в историческом воззвании великого князя обещала полякам объединение, а на днях в Государственной Думе признала за коренными польскими землями право на автономию» [32]. Это же газетное издание приходило к выводу, что консенсуса о решении польского вопроса нет не только между Германией и Австро-Венгрией [32], но и в самой Германии [20].

Еще одним важным аспектом славянского вопроса в период Первой мировой войны были судьбы балканских славян [1, с. 23], болгар в частности. Освещение в российских газетах болгарского вопроса, в отличие от польского, демонстрировало более драматичную

динамику – от попыток дипломатического воздействия и апелляций к братским чувствам к констатации факта предательства.

Первые тревожные сигналы по болгарскому вопросу были зафиксированы печатью уже в начале сентября 1915 г. «Русские ведомости» в статье «Болгаро-турецкое соглашение» обращали внимание на стратегические выгоды, которые получала София от союза с Турцией: «...непрерывный железнодорожный путь <...> с портом на Эгейском море» [7]. Одновременно газета задавалась вопросом о цене этих уступок: «Таких уступок не дают даром» [7], и приходила к выводу, что «...Болгария как будто решила окончательно связать свою судьбу с судьбой Германии и Австрии» [7]. В статье «Иностранные известия. София и Берлин» корреспондент А. Деренталь подчеркивая предпринимаемые Болгарией шаги в начале сентября 1915 г., резюмировал, что она «...сняла <...> плащ «строного и лояльного нейтралитета» <...> просто и прямо из-за своих же собственных выгод» [17].

«Речь» также давала анализ болгарского выбора, отмечая, что «в Софии смотрят на события под углом германского гипноза» [25], и призвала российскую печать «прекратить всякого рода морализации по адресу Болгарии» [25], апеллируя к ее национальным интересам. «Современное слово» все же сохраняло надежду на то, что политика «...царя Фердинанда и нынешнего болгарского правительства не найдут в обществе и народе поддержку» [24].

Поворотным моментом для печати стало известие о мобилизации болгарского войска. «Русские ведомости» 10 сентября в передовой статье констатировали, что Болгария «определилась», но охарактеризовали ее выбор как «преступную болгарскую авантюру» [39]. Газета 13 сентября официально подтвердила начало всеобщей мобилизации в Болгарии, назвав объяснение В.Х. Радославова о вооруженном нейтралитете «нелепым» [41].

После объявления мобилизации в российской прессе развернулась кампания апелляций к болгарскому народу. «Русские ведомости» одни из первых после известия о мобилизации подчеркивали, что: «Несправедливо было бы, однако, сразу обрушиваться с таким негодованием на голову всего

болгарского народа... Ждем слова и поступков болгарского народа» [39]. «Биржевые ведомости» опубликовали воззвание «К болгарскому народу», где немцы назывались «врагами славянства – тевтонами», а поведение Болгарии квалифицировалось как «измена славянству» [4].

Печать фиксировала и обращения российских общественных деятелей к болгарским русофилам. Так, «Русские ведомости» сообщали о телеграмме председателя московского славянского комитета Н.И. Гучкова, адресованной болгарской оппозиции: «Русский народ не хочет верить, чтобы Болгария, освобожденная им из-под ига мусульманского, способна была поднять руку на родных братьев своих (сербов) и притом в минуту <...> борьбы с общим для всех славянских народов, злейшим врагом их – Германией» [40]. Однако уже в середине сентября пресса начала осознавать иллюзорность своих надежд. «Биржевые ведомости» в статье «Кобургская Болгария накануне затеянного ею безумного прыжка» констатировали: «Оппозиция, видимо, смирилась... армия вся в руках царя Фердинанда... Болгария собирается прыгнуть в пропасть» [21]. «День» признавал: «...призрак войны <...> едва ли может быть легко устранен одним взмахом руки болгарской оппозиции» [15]. «Новое время» также пришло к выводу, что на оппозицию надеяться не стоило [27].

Последовавшее затем объявление Россией ультиматума Болгарии анализировалось отечественной печатью. «Биржевые ведомости» дали ультиматуму наиболее критическую оценку, сочтя его редакцию «неудачной», так как он дал болгарскому правительству «возможность почетного отступления» и открыл путь для «новых дипломатических уверток» [5]. «День» видел в ультиматуме «толчок оппозиционному движению» [15] и выражал надежду на несогласие болгарского народа с действиями его правительства как возможности для российско-болгарского примирения: «В Болгарии нам враждебно правительство, а народ – на нашей стороне» [16].

Получение неудовлетворительного ответа на ультиматум и разрыв российско-болгарских дипломатических отношений вызвали в прессе эмоциональную реакцию. «Русские ведомости» констатировали:

«Болгария определилась бесповоротно: на жизнь и на смерть она теперь связала судьбу с <...> собранием злейших врагов славянства» [42]. «Русское слово» также давало оценку произошедшим событиям: «С болью в сердце мы должны признать освобожденную русской кровью Болгарию врагом России» [8]. Особое возмущение вызвала форма ответа – на болгарском, а не на русском языке. «Русские ведомости» писали: «До сих пор все дипломатические сношения... происходили на русском языке. Отступив от этой традиции, Болгария хотела <...> подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к России» [43].

Сравнительный анализ освещения польского и болгарского вопросов в российской газетной периодике сентября 1915 г. позволяет выявить как общие закономерности, так и различия в трактовке двух сюжетов, составлявших ядро славянского вопроса. Общим было то, что все газеты независимо от их политической направленности, признавали Германию главным антагонистом славянства, сознательно разрушающим его единство.

Пресса либеральной и кадетской направленности последовательно подчеркивала системный и планомерный характер германской политики, направленной на уничтожение славянской государственности. «Русские ведомости» в статье «Трагедия в Польше» констатировали, что Германия и Австрия «ныне уже для себя вопрос этот решили и начинают энергично развеивать всякие иллюзии» относительно судьбы Польши [46]. С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях также подтверждал, что германское правительство «использовало родственные связи с петербургской династией», чтобы препятствовать русско-польскому примирению [44, с. 387]. «Новое время» подчеркивало, что немецкая оккупация Польши – это «самое очевидное порабощение второго по численности славянского народа» [28], и призывало к «нерушимому братству обоих народов для окончательной победы славянства над германизмом» [28]. Таким образом, природа «германского вмешательства» в польский вопрос выражалась в прямой оккупации и административном давлении на Польшу.

В отношении болгарского вопроса «Речь» указывала, что «германское засилье» пустило в Болгарию «широко разветвленные

и глубокие корни» [38]. «Биржевые ведомости» транслировали собственное восприятие геополитического образа Германии на Балканах: «Неудивительно, что немцы так щедры по отношению к кобургскому принцу: им выгодно сосредоточить возможно большую часть балканских земель под властью немецкого властелина. Таким образом, весь югославянский мир окажется в рабстве у тевтонской монархии» [29]. П.Б. Струве дал наиболее резкую оценку болгарского выбора: «После роковых решений Фердинанда Болгарии уже нет, есть Германия и Турция, и некий плацдарм между ними, который когда-то именовался Болгарией» [45].

«Новое время», как и большинство отечественной печати, считало Германию главным врагом славянства и в тоже время в болгарском вопросе делало акцент на личной измене Фердинанда, который стал орудием германских интриг. В стихотворении, опубликованном в газете, Германия подразумевалась как сила, толкнувшая «брата на брата» [6]. «Биржевые ведомости» прямо называли немцев «врагами славянства – тевтонами» [4], а «Маленькая газета» поместила на первой странице статью с заголовком, рисующим картину полного подчинения болгарской армии немецкому командованию – «Немец во главе славянского народа» [26]. Таким образом, в российской прессе осенью 1915 г. сложился консенсус: Германия – главный виновник кризиса «славянского мира», действующий системно и целенаправленно. Итак, природа германского вмешательства в болгарский вопрос выражалась в дипломатической и финансовой зависимости Болгарии, оформленной через союзнические отношения.

Принципиальное различие в освещении польского и болгарского вопросов на страницах российских газет заключалось в оценке исторического субъекта действий: судьба оккупированной Польши воспринималась как трагедия народа, ставшего жертвой завоевателей, а болгарская политика сентября 1915 г. – как предательское поведение правительства, в то время как болгарский народ объявлялся «заблудшим братом». «Биржевые ведомости» в статье «Узор истории» предложили концептуальное обобщение польского и болгарского вопросов, связав судьбы двух славянских народов в единую

историософскую схему [48]. Таким образом, в российской прессе осенью 1915 г. сформировалась двойственная модель восприятия «славянского мира»: Польша представлялась страдающим братом, которого нужно спасти, а Болгария – заблудшим братом, при этом общим врагом для обоих в рамках славянского вопроса была Германия.

Заключение (выводы). Проведенный анализ показывает, что в сентябре 1915 г. российская периодическая печать, несмотря на различия в политической ориентации, прошла несколько этапов в освещении славянского вопроса. Первый этап был связан с фиксацией тревожных сигналов по болгарскому вопросу (болгаро-турецкое соглашение, начало мобилизации), освещения попыток дипломатического влияния и высказывания надежд на братские чувства. Для польского вопроса на этом этапе в печати была характерна констатация попыток германской «обработки» и ее провала. Второй этап был связан с осознанием печатью

неизбежности кризиса по славянскому вопросу, выразившийся в кампании апелляций к народу в Болгарии и фиксации репрессий в Польше. К середине сентября 1915 г. в российской прессе также нарастало разочарование в эффективности апелляций к славянскому братству. Третий этап в осмыслении славянского вопроса на страницах отечественной прессы выразился в следующих аспектах: для Болгарии – констатация предательства и демонизация Фердинанда; для Польши – подведение промежуточных итогов немецкой оккупации и вывод о системном характере германской политики уничтожения польской государственности.

Таким образом, в славянском вопросе осенью 1915 г. российская печать, отражая общественные настроения, на примере освещения судеб Польши и Болгарии фиксировала общее понимание: традиционная модель славянского братства, основанная на имперском покровительстве и чувстве благодарности, исчерпала себя.

Список литературы

1. Аржакова Л.М. Славянский вопрос в российской политике на начальном этапе Первой мировой войны (по страницам воспоминаний дипломата-современника) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Сер. 2. 2014. Вып. 1. С. 19–26.
2. Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132–136.
3. Бахтурина А.Ю. Славянское единство: идея и практическое воплощение в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 55–64.
4. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. № 15086. 13 сентября.
5. Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15103. 22 сентября.
6. Болгарии // Новое время. 1915. № 14204. 25 сентября.
7. Болгаро-турецкое соглашение // Русские ведомости. 1915. № 205. 5 сентября.
8. Болгарский пожар // Русское слово. 1915. № 218. 24 сентября.
9. Борисенко В.В. К проблеме польского вопроса в годы Первой мировой войны // Романовские чтения 9: сборник статей Международной научной конференции, 29 ноября 2012 г. / под общ. ред. Н. М. Пурышевой. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2013. С.40–42.
10. В Польше // День. 1915. № 253. 14 сентября.
11. В Польше // Русское слово. 1915. № 216. 22 сентября.
12. Варшавские настроения // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15081. 11 сентября.
13. Германский режим в Варшаве // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15079. 10 сентября.
14. Гроссман. Германия и поляки // Русские ведомости. 1915. № 201. 1 сентября.
15. День. 1915. № 261. 22 сентября.
16. День. 1915. № 264. 25 сентября.
17. Деренталь А. Иностранные известия. София и Берлин // Русские ведомости. 1915. № 205. 5 сентября.

18. Дмовский Р. К постановке польского вопроса // Биржевые ведомости. Утренний выпуск 1915. № 15103. 22 сентября.
19. Иванов А.А., Репников А.В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 197–217.
20. К немецким суждениям о Польше // Новое время. 1915. № 14205. 26 сентября.
21. Кобургская Болгария накануне затеянного ею безумного прыжка // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15089. 15 сентября.
22. Крутиков А.А. С.Д. Сазонов и польский вопрос в Российской империи в годы Первой мировой войны // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3(15). С. 114–133.
23. Мичурин А.Н. Польский вопрос в Государственном совете в годы Первой мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1. С. 192–198.
24. На Балканах // Современное слово. 1915. № 2748. 8 сентября.
25. На распутье // Речь. 1915. № 248. 9 сентября.
26. Немец во главе славянского народа // Маленькая газета. 1915. № 265. 26 сентября.
27. Новое время. 1915. № 14202. 23 сентября.
28. Новое время. 1915. № 14205. 26 сентября.
29. Обреченная Болгария // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15083. 12 сентября.
30. Позняк С.В. «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // Российские и славянские исследования. Вып. 1. Минск: БГУ, 2004. С. 159–173.
31. Полонский В.В. Историософия славянства в русской публицистике периода Великой войны: идеологические предпосылки и опыты символистской дешифровки событий // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 25–38.
32. Польская проблема // Новое время. 1915. № 14186. 7 сентября.
33. Польско-прусские отношения // Речь. 1915. № 249. 10 сентября.
34. Польша // Русское слово. 1915. № 205. 5 сентября. 16 сентября.
35. Предварительная цензура в Варшаве // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15115. 28 сентября.
36. Разгром польских театров // Утро России. 1915. № 250. 12 сентября.
37. Репрессии в Польше // Русские ведомости. 1915. № 211. 16 сентября.
38. Речь. 1915. № 260. 21 сентября.
39. Русские ведомости. 1915. № 207. 10 сентября.
40. Русские ведомости. 1915. № 208. 11 сентября.
41. Русские ведомости. 1915. № 210. 13 сентября.
42. Русские ведомости. 1915. № 218. 24 сентября.
43. Русские ведомости. 1915. № 219. 25 сентября.
44. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. 398 с.
45. Струве П. Б. Болгаро-Турция // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15113. 27 сентября.
46. Трагедия в Польше // Русские ведомости. 1915. № 218. 24 сентября.
47. Трагедия варшавских банкиров // Петроградский листок. 1915. № 253. 15 сентября.
48. Узор истории // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15109. 25 сентября.
49. Фоменко А.А. Проблематика участия Болгарии в Первой мировой войне // Вестник ВГУ. 2018. №2. С. 98–102.
50. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915. 48 с.

THE SLAVIC QUESTION IN RUSSIAN NEWSPAPERS IN THE AUTUMN OF 1915: THE CASE OF COVERAGE OF POLAND AND BULGARIA

This article analyzes the portrayal of the slavic question in russian newspapers during the critical autumn of 1915. Drawing on materials from leading newspapers – *Russkie Vedomosti*, *Birzhevye Vedomosti*, *Rech*, *Novoye Vremya*, *Russkoye Slovo*, *Utro Rossii*, *Den'*, *Sovremennoye Slovo*, *Malen'kaya Gazeta*, and *Petrogradsky Listok* – the article examines the interpretation of two key topics: the situation in the Kingdom of Poland, occupied by German troops, and Bulgaria's foreign policy choice in allying itself with the Central Powers. The article explores the evolution of press assessments, ranging from hopes for "brotherhood" and a diplomatic settlement to statements of "betrayal" and rupture. Particular attention is paid to journalistic attempts to link the destinies of the two slavic peoples into a single conceptual framework, as well as to an analysis of the image of germany as the main antagonist of the "slavic world." The article identifies three stages in the coverage of events related to the polish and bulgarian questions. The study revealed that, in the polish question, newspapers focused readers' attention on german repressions, while in the bulgarian question, they focused on condemning bulgarian betrayal. Accordingly, it concludes that a dual image of the "slavic world" was developing in the russian press and that the traditional model of slavic solidarity, based on imperial patronage and gratitude, was in crisis.

Keywords: First World War, slavic question, russian press, newspaper periodicals, Poland, Bulgaria, polish question, bulgarian question, public opinion.

References

1. Arzhakova L.M. (2014) Slavyanskiy vopros v rossiyskoy politike na nachalnom etape Pervoy mirovoy voyny (po stranitsam vospominaniy diplomata-sovremennika) [The slavic question in russian politics at the initial stage of World War I (based on the memoirs of a contemporary diplomat)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Ser. 2. Vyp. 1. S. 19–26.
2. Bakhturina A.YU. (1998) Vozzvanie k polyakam 1 avgusta 1914 g. i ego avtory [The appeal to the poles of august 1, 1914 and its authors] // *Voprosy istorii*. № 8. S. 132–136.
3. Bakhturina A.YU. (2014) Slavyanskoe edinstvo: ideya i prakticheskoe voploshchenie v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny [Slavic unity: Idea and practical implementation in eastern galicia during World War I] // *Pervaya mirovaya voyna, Versalskaya sistema i sovremennost: sb. statey / otv. red. I.N. Novikova, A.YU. Pavlov, A.A. Malygina*. SPb.: SPbGU. S. 55–64.
4. *Birzhevye vedomosti*. Vecherniy vypusk. 1915. № 15086. 13 sentyabrya.
5. *Birzhevye vedomosti*. Utrenniy vypusk. 1915. № 15103. 22 sentyabrya.
6. Bolgarii [Bulgaria] // *Novoe vremya*. 1915. № 14204. 25 sentyabrya.
7. Bolgaro–turetskoe soglasenie [Bulgarian–Turkish agreement] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 205. 5 sentyabrya.
8. Bolgarskiy pozhar [Bulgarian fire] // *Russkoe slovo*. 1915. № 218. 24 sentyabrya.
9. Borisenko V.V. (2013) K probleme polskogo voprosa v gody Pervoy mirovoy voyny [On the polish question during the First World War] // *Romanovskie chteniya – 9 : sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 29 noyabrya 2012 g. / pod obshch. red. N. M. Puryshchevoy*. Mogilev : MGU imeni A.A. Kuleshova. S.40–42.
10. V Polshe [In Poland] // *Den*. 1915. № 253. 14 sentyabrya.
11. V Polshe [In Poland] // *Russkoe slovo*. 1915. № 216. 22 sentyabrya.
12. Varshavskie nastroyeniya [Warsaw moods] // *Birzhevye vedomosti*. Utrenniy vypusk. 1915. № 15081. 11 sentyabrya.
13. Germanskiy rezhim v Varshave [The German regime in Warsaw] // *Birzhevye vedomosti*. Utrenniy vypusk. 1915. № 15079. 10 sentyabrya.
14. Grossman. Germaniya i polyaki [Germany and the poles] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 201. 1 sentyabrya.
15. *Den*. 1915. № 261. 22 sentyabrya.
16. *Den*. 1915. № 264. 25 sentyabrya.
17. Derental A. Inostrannye izvestiya. Sofiya i Berlin [Foreign news. Sofia and Berlin] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 205. 5 sentyabrya.
18. Dmovskiy R. K postanovke polskogo voprosa [On the formulation of the polish question] // *Birzhevye vedomosti*. Utrenniy vypusk. 1915. № 15103. 22 sentyabrya.
19. Ivanov A.A., Repnikov A.V. (2014) «Bolgarskaya izmena»: russkie pravye o vstuplenii Bolgariyu v Pervuyu mirovuyu voynu na storone Tsentralnykh derzhav [«Bulgarian treason»: russian

- right-wingers on Bulgaria's entry into World War I on the side of the central powers] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. № 3. S. 197–217.
20. K nemetskim suzheniyam o Polshe [On german opinions about Poland] // *Novoe vremya*. 1915. № 14205. 26 sentyabrya.
21. Koburgskaya Bolgariya nakanune zateyannogo eyu bezumnogo pryzhka [Coburg Bulgaria on the eve of its insane leap] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15089. 15 sentyabrya.
22. Krutikov A.A. (2018) S.D. Sazonov i polskiy vopros v Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny [Sazonov and the polish question in the Russian Empire during the First World War] // *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. № 3(15). S. 114–133.
23. Michurin A.N. (2010) Polskiy vopros v Gosudarstvennom sovete v gody Pervoy mirovoy voyny [The Polish question in the State Council during the First World War] // *Nauchno–tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. № 1. S. 192–198.
24. Na Balkanakh [In the Balkans] // *Sovremennoe slovo*. 1915. № 2748. 8 sentyabrya.
25. Na raspute [At the crossroads] // *Rech*. 1915. № 248. 9 sentyabrya.
26. Nemets vo glave slavyanskogo naroda [A German at the head of the slavic people] // *Malenkaya gazeta*. 1915. № 265. 26 sentyabrya.
27. *Novoe vremya*. 1915. № 14202. 23 sentyabrya.
28. *Novoe vremya*. 1915. № 14205. 26 sentyabrya.
29. Obrechennaya Bolgariya [Doomed Bulgaria] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15083. 12 sentyabrya.
30. Poznyak S.V. (2004) «Polskiy vopros» vo vlastnykh strukturakh imperatorskoy Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [The Polish question in the power structures of Imperial Russia on the eve and during the First World War] // *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya*. Vyp. 1. Minsk: BGU. S. 159–173.
31. Polonskiy V.V. (2013) Istoriyosofiya slavyanstva v russkoy publitsistike perioda Velikoy voyny: ideologicheskie predposylki i opyty simvolistskoy deshifrovki sobytii [Historiosophy of slavism in russian journalism during the Great War: ideological prerequisites and attempts at symbolist decipherment of events] // *Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoy mirovoy voyny: politika i poetika. Issledovaniya i materialy*. M.: IMLI RAN. S. 25–38.
32. Polskaya problema [The Polish Problem] // *Novoe vremya*. 1915. № 14186. 7 sentyabrya.
33. Polsko-prusskie otnosheniya [Polish-Prussian Relations] // *Rech*. 1915. № 249. 10 sentyabrya.
34. Polsha [Poland] // *Russkoe slovo*. 1915. № 205. 5 sentyabrya. 16 sentyabrya.
35. Predvaritelnaya tsenzura v Varshave [Preliminary censorship in Warsaw] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15115. 28 sentyabrya.
36. Razgrom polskikh teatrov [The sack of polish theaters] // *Utro Rossii*. 1915. № 250. 12 sentyabrya.
37. Repressii v Polshe [Repressions in Poland] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 211. 16 sentyabrya.
38. *Rech*. 1915. № 260. 21 sentyabrya.
39. *Russkie vedomosti*. 1915. № 207. 10 sentyabrya.
40. *Russkie vedomosti*. 1915. № 208. 11 sentyabrya.
41. *Russkie vedomosti*. 1915. № 210. 13 sentyabrya.
42. *Russkie vedomosti*. 1915. № 218. 24 sentyabrya.
43. *Russkie vedomosti*. 1915. № 219. 25 sentyabrya.
44. Sazonov S.D. (1991) Vospominaniya [Memories]. M. 398 s.
45. Struve P. B. Bolgaro-Turtsiya [Bulgaria-Turkey] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15113. 27 sentyabrya.
46. Tragediya v Polshe [Tragedy in Poland] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 218. 24 sentyabrya.
47. Tragediya varshavskikh bankirov [Tragedy of the warsaw bankers] // *Petrogradskiy listok*. 1915. № 253. 15 sentyabrya.
48. Uzor istorii [The pattern of history] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. №

15109. 25 sentyabrya.

49. Fomenko A.A. (2018) Problematika uchastiya Bolgarii v Pervoy mirovoy voyne [Problems of Bulgaria's Participation in World War I] // *Vestnik VGU*. №2. S. 98–102.

50. Ern V.F. (1915) Vremya slavyanofilstvu. Voyna, Germaniya, Evropa i Rossiya [Time is slavophile. War, Germany, Europe and Russia]. M. 48 s.

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна – ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – assistant, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Стржалковская А.Д., кандидат исторических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В РЕЦЕПЦИИ НАСЛЕДИЯ ОРИГЕНА: ЗАПАДНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА XIX–XXI ВЕКОВ.

Статья посвящена сравнительному анализу методологических парадигм, определявших изучение наследия Оригена Александрийского в западной и отечественной науке с XIX по начало XXI века. Выявляются ключевые тенденции и их историко-культурные предпосылки. В западной патрологической традиции исследование прошло несколько этапов: от полемических оценок в контексте догматических споров XIX века до «кембриджской школы» Ф. К. Бигга, заложившей основы историко-критического подхода. В XX веке доминирующее влияние приобрели методологии сместившие акцент на анализ терминологии и интеллектуального контекста. Современные исследования сосредоточены на деконструкции позднейших интерпретаций и реконструкции подлинной мысли Оригена. В отечественной науке XIX – начала XX века рецепция Оригена развивалась в русле академической догматики, оценивая его наследие сквозь призму каппадокийского синтеза и осуждения V Вселенского собора. В советский период интерес к нему был минимален. С конца XX века наблюдается методологический плюрализм: возрождение церковно-исторического подхода сочетается с активным усвоением достижений западной науки. Проведенный анализ демонстрирует, что различия в методологических установках обусловили формирование двух во многом самостоятельных, но в последнее время все более сближающихся исследовательских традиций.

Ключевые слова: подход, методология, Ориген, исследование, мнения, философия, теория, гипотеза.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-135-140

Введение. Изучение наследия Оригена Александрийского в науке XIX–XX веков представляет собой сложный и многогранный процесс, методологические основания которого претерпевали существенную эволюцию под влиянием меняющихся парадигм историко-богословского знания. Начальный этап научной рецепции характеризовался преобладанием системно-догматического подхода, стремившегося к реконструкции целостной теологической системы александрийского мыслителя в ее противоречивом единстве. Однако по мере развития историко-критического метода и углубления источниковедческого анализа фокус исследований постепенно смещался в сторону контекстуализации учения Оригена, рассматривая его в неразрывной связи с эллинистической философской традицией, современной ему интеллектуальной средой и последующей рецепцией в рамках оригенистических споров. Особую остроту методологическая рефлексия приобрела в XX в. когда, сформировались альтернативные интерпретационные модели, колеблющихся между восприятием Оригена как спекулятивного систематизатора и как мистического экзегета, чье богословие было неразрывно связано с духовной практикой. Методологические основы изучения Оригена

демонстрируют поступательный переход от доктринального схематизма к многоаспектному анализу, учитывающему исторический, философский и духовный контексты его творчества, что позволило раскрыть новые грани одного из самых сложных и дискуссионных феноменов в истории христианской мысли.

Существует несколько интерпретаций при изучении Оригена и его наследия. В западноевропейских исследованиях с XIX до конца XX вв. есть база исследований с некоторой классификацией сложившихся мнений на роль наследия Оригена для исторической, философской и культурологической науки.

Одни представляют Оригена как автора догматической системы, представляющей собой единую систему взглядов, совокупность догм, которые проливают свет на основные богословские вопросы III в. Именно в этом ключе упоминают Оригена как создателя «первой догматической системы». Другие винят Оригена в непоследовательности и противоречивости в следствии, чего и появились еретические толкования и всеобщее осуждение.

Объекты и методы исследования. Историко-генетический метод: Прослеживает происхождение и развитие научных подходов к изучению Оригена от XIX к XXI веку.

Сравнительно-исторический метод:

Сопоставляет различные национальные научные традиции (западноевропейская, русская дореволюционная, советская, современная российская).

Классификация: Выделение и систематизация основных интерпретационных моделей и подходов к наследию Оригена.

Историографический анализ как критический разбор методологических установок различных исследователей и научных школ.

Результаты и их обсуждение. Так мы видим различные методологические подходы в изучении богословской системы Оригена: подход к учению через трактат «О началах», как главного источника его богословия; изучение Оригена в контексте церковного осуждения с опорой на тексты последователей оригенизма; целостное изучение богословия Оригена в онтологической схеме единства. Помимо этого, существовал еще подход «открытого богословия» сторонники, которого утверждали что Оригена понимал различие в догматах, которые возможно свободно интерпретировать опираясь при это на Писание, Предание и церковную традицию сложившуюся к III в., что тоже не маловажно.

В западноевропейской науке на протяжении многих лет проходит конференция «Оригениана» посвященная исследованиям в области оригенизма, философии и биографии Оригена и т.д. И в августе 2022 г. прошла XIII конференция в Мюнстере «Colloquium Origenianum tertium decium» (Третья конференция Деция Оригена). В рамках конференции были организованы были восемь пленарных заседаний и двадцать семь секций, во время которых (по четыре-пять докладов на каждой секции в среднем) докладчики смогли представить результаты своих исследований на пяти европейских языках (английский, немецкий, французский, итальянский, испанский). Среди участников были профессор Альфонс Фюрст, руководитель «Центра оригеновских исследований» при университете г. Мюнстера, а также профессор Йоханнес Вессельс, ректор университета, и профессор Йоханнес Шнокс, декан факультета католической теологии. Затем последовал доклад профессора Самюэля Фернандеса, профессора Католического университета Сантьяго-де-Чили на тему «Статус христианского знания и его ограничения у

Оригена». Другие доклады были посвящены философским вопросам Оригена, метафоре в его традиции; обсуждались аспекты некоторых теорий, осуждённых в последствии и многие другие религиозно-философские темы, касающиеся Оригена и его наследия.

Также на последнем дне конференции А. Фюрст и С. Фернандес провели презентацию «Clavis Origenis» - базы данных, посвящённой изучению Оригена. В неё будут включены, например, библиографии всех существующих переводов Оригена на современные языки [2; с. 253].

При рассмотрении различных научных направлений в существующих в рамках изучения оригенистических идей не менее важно исследование Оригена и его наследия в отечественной науке. Данная тема наиболее широко представлена в русской православной традиции, которая в церковно-доктринальном отношении ведет свое начало от византийского богословия и Древней христианской Церкви. Тут нам видится выделились три периода: Синодальный период, богословие XX века и современные направления в изучении Оригена.

Отечественные исследователи патрологии XIX в. мало уделяли внимание Оригену, но после выхода в свет фундаментальных европейских исследований, высказывающих различные позиции на взгляды Оригена (Huetius, 1668; Thomasius, 1837; Redepenning, 1841; Vincenzi, 1864; Freppel, 1868; Denis, 1884; Fischer, 1846), отечественная наука начинает попытки также понять место Оригена в патрологии и богословии.

В истории восприятия интеллектуального наследия Оригена русскими богословами и философами последних столетий выделяются несколько ключевых моментов и несколько ключевых фигур. Это, прежде всего, Григорий Сковорода (1722–1794), Владимир Соловьёв (1853–1900), Сергей Булгаков (1871–1944), Николай Бердяев (1874–1948) и Георгий Флоровский (1893–1979).

Труд Григория Малеванского «Догматическая система Оригена», являясь одним из пионерских исследований в области русской патрологии, представляет собой комплексный анализ богословского наследия александрийского дидаскала. В своем исследовании Малеванский не ограничивается

реконструкцией догматических построений Оригена, но и скрупулезно рассматривает биографический контекст, включая прижизненные конфликты с церковными властями, в частности, историю осуждения при александрийском епископе Димитрии. Ученый подчеркивает парадокс, заключающийся в одновременном признании авторитета Оригена как экзегета и учителя церкви при его жизни и последующем радикальном пересмотре его наследия. Значительный объем работы Малеванский посвящает скрупулезному анализу оригенистических споров, детально прослеживая генезис, эскалацию и институционализацию конфликта в палестинском монашестве VI века, а также его доктринальные и церковно-политические последствия. В заключительной части исследования дается оценка итогам осуждения оригенизма, которое, по мнению Малеванского, не только маргинализировало ряд спекулятивных элементов александрийской традиции, но и оказало определяющее влияние на дальнейшее развитие православной догматики, выступив в роли катализатора для более четкого формулирования ключевых христологических и тринитарных положений [5].

Василий Васильевич Болотов во второй половине XIX в. в своем исследовании «Учение Оригена о Святой Троице» излагает свои взгляды в трактате «О началах», только в качестве гипотез, оставляя область триадологии неизменной. При этом попытка изложения в системе учения о Троице выглядит не согласованной и в некоторых пунктах противоречивой. [1]

Василий Дмитриевский, также соглашался что подход к богословию у Оригена был как система. По его словам, Ориген считал веру формой философской системы и необходимым ограничением интеллектуальной деятельности в моментах пересечения с некоторыми положениями античной философии и аллегориями в толковании Писания. Таким образом Дмитриевский акцентирует, что Ориген рассматривал христианскую веру не как совокупность разрозненных догматов, но как целостную философскую систему, способную дать рационально упорядоченное объяснение мироздания и места человека в нем. В этом контексте вера выступала у Оригена не противовесом разуму, но

необходимым структурным основанием и методологическим ограничителем для спекулятивного интеллекта, особенно в тех областях, где происходило неизбежное соприкосновение христианского откровения с концептуальным аппаратом античной философии, в частности платонизма и стоицизма. [3]

Анализ интерпретаций авторов синодального периода позволяет сделать вывод, что они воспринимали богословскую систему Оригена как фундаментально противоречивую и внутренне не разрешившую ключевой методологический конфликт. С их точки зрения, александрийский учитель, стремясь эксплицировать христианское вероучение в категориях, доступных образованной эллинистической аудитории, неправомерно избрал в качестве основного инструментария платоническую онтологию с ее учением о предсуществовании душ, эманационной иерархией бытия и концепцией тотального восстановления (апокатастасиса). Этот синтез, по их оценке, привел к преднамеренной подмене библейской картины мира, основанной на идеях творения «из ничего», свободы воли и уникальности исторического воплощения Логоса, — умозрительной неоплатонической схемой, где спасение понималось как возвращение к изначальному единству, а не как обожение тварной природы. Таким образом, системообразующее противоречие усматривалось в самой попытке Оригена выразить новозаветное откровение через онтологические конструкции, заведомо чуждые его духу, что, с позиции этих критиков, и предопределило последующее осуждение ключевых элементов его учения как несовместимых с церковным Преданием.

Безусловно, подходы представителей русского богословского зарубежья, в частности протопресвитера Георгия Флоровского и протопресвитера Иоанна Мейендорфа, составляют особый и крайне значимый этап в рецепции наследия Оригена в XX веке. Их интерес к александрийскому мыслителю не был сугубо академическим; он формировался в контексте активного диалога и полемики с западной, прежде всего французской, патрологической школой. Так, Флоровский в своей программной работе «Восточные отцы IV века» непосредственно полемизировал с Эмилем де Фэ, который стремился

представить Оригена скорее, как платоника-систематизатора, чья мысль развивалась по внутренним законам философского умозрения. Флоровский оспаривал этот подход, настаивая на принципиальной церковности и библейской укорененности Оригена, чей спекулятивный метод, несмотря на все риски, был подчинен задаче защиты и раскрытия истин Откровения [9].

Еще более острую полемику инициировал прот. Иоанн Мейендорф, выступив с критикой тезисов Мишеля Арля. Последний, следуя линии, намеченной Г. Кохом и Х. Урсом фон Бальтазаром, утверждал, что осуждение оригенизма в VI веке было основано на непонимании и вульгаризации подлинного учения Оригена, и что объектом критики стал не сам александрийский учитель, а его позднейшие искаженные интерпретации, так называемый «поздний оригенизм». Мейендорф, анализируя палестинские споры, решительно отверг эту дихотомию. Он доказывал, что между учением самого Оригена и доктринами палестинских оригенистов VI века существовала прямая и непрерывная связь, а следовательно осуждение «позднего оригенизма» было закономерным и справедливым судом над ключевыми метафизическими предпосылками всей системы александрийца, в частности, его спиритуализирующей эсхатологией, отрицавшей телесное воскресение [6].

Безусловно, подход И. Мейендорфа к наследию Оригена характеризуется последовательным и бескомпромиссным анализом его учения именно через призму последующего церковного осуждения. Мейендорф не стремился к его теологической реабилитации или к смягчению выводов, а, напротив, настаивал на прямой и неразрывной связи между системой, изложенной в фундаментальном трактате «О началах» (*Περὶ Ἀρχῶν*), и анафематизмами, сформулированными в эпоху V Вселенского собора. Ключевым пунктом его критики является тезис о том, что Ориген, пытаясь построить рациональную христианскую догматику, неправомочно подчинил содержание библейского откровения чуждой ему платонической онтологической схеме, в основе которой лежит цикл «единство – отпадение – возвращение» (*ἐνῶς – πτῶσις – ἀποκατάστασις*). Церковь, по мнению

Мейендорфа, осудила не просто отдельные ошибки, но ошибочный герменевтический и метафизический фундамент, попытку выразить христианскую истину в категориях неоплатонического эманатизма, что в конечном счете подменяло личностное откровение Бога в истории безличностными законами умозрительной космологии [6].

Русские патрологи начала XX в. выстроили связь между онтологией платонизма и учением Оригена. Несмотря на то, что сам Ориген не был эллинистом, но использовал эту философию для согласования с христианской догматикой.

Формирование советской гуманитарной науки, включая византинистику и патрологию, происходило в условиях жёсткого идеологического прессинга, что определило её специфику и изолированность от общемирового исследовательского контекста. Господство марксистско-ленинской парадигмы с её постулатом о прогрессивно-поступательном развитии истории от низших «формаций» к высшим обусловило преимущественный интерес к определенным тематикам. В этой системе координат богословие, как спекулятивная и идеалистическая сфера, было табуировано, оценено исключительно как объект критики, а не как предмет серьёзного научного изучения.

Этот методологический аспект системно отодвинул от западной науки, где в то же время происходил ренессанс патристических исследований, развивались новые герменевтические и историко-критические подходы, шла активная публикация и анализ текстов. В результате сложилась ситуация, когда богатейшее интеллектуальное наследие восточнохристианской традиции оказалось вне поля полноценного научного осмысления, что потребовало в постсоветский период интенсивной работы по освоению накопленного за рубежом опыта и преодолению сложившегося методологического разрыва.

В конце XX в. в России наблюдается возрождение в области изучения богословия, христианской философии и патристики. И появляется особый интерес к Оригену и его наследию.

Среди исследований по богословию в Александрии на первое место следует поставить монографию профессора МГУ В.Я.

Саврея «Александрийская школа в истории философско-богословской мысли». В данном труде В.Я. Саврей считает, что текст «О началах» переведенный Руфином Аквилейским нельзя принимать с полной уверенностью в его достоверности, а оригинальный текст восстановить невозможно. А цель самого Оригена была в создании текста богословской системы, открытой для полемики [7].

Доцент Санкт-Петербургской духовной академии М. Легеев согласен с методологией богословия Оригена в системном подходе, который четко выражен в трактате «О началах». Также замечает, что к знаменитому александрийскому учителю имеется двойственное отношение православной Церкви. При исследовании богословия Оригена Легеев использует антиоригенистические источники, опирается на исследования XIX и начала XX в., но при этом не учитывает исследования середины и конца XX в. [4]

Алексей Иванович Сидоров был против, чтобы Оригена называли учителем Церкви и богословом. Считал, что Ориген используя космологию платонизма создал теодицею, полностью противоречащую ортодоксальному церковному учению. И что его осуждение Церковью должно определять отношение к нему и доказывать его ересь. А его якобы гипотезы – это лишь литературный прием. При это в своих исследованиях

Сидоров ссылается на многих авторитетных ученых (М. Арль, М. Симонетти, А. Крузель и др.) и не пытаясь придать анализу эти исследования критикует. Таким образом Сидоров выступает радикальным критиком Оригена и его трудов [6].

Закключение (выводы). В современной науке также существует мнение, что богословие Оригена не является завершенной догматической системой, а в ней видится попытка разрешить вопросы с помощью эллинистической культуры, которые не нашли решения в Предании. Интерпретация наследия Оригена как открытого богословского проекта предполагает не только апологетический импульс, но и признание нерасторжимого единства в его мысли дидактического и эвристического начал. Отказ от восприятия его учения в качестве замкнутой системы закономерно приводит к переоценке значимости экзегетических и аскетических сочинений, которые оказываются не менее важными, чем догматические построения. При этом исследование фундаментального трактата «О началах» через призму его открытости - незавершенности, содержащей потенциал для дальнейшего развития, - обретает новую исследовательскую перспективу, раскрывая динамическую природу богословского метода александрийского мыслителя.

Список литературы

1. Болотов В.В. проф. Учение Оригена о Святой Троице. СПб., 1879. 459 с.
2. Грюнерт А. Хроника и обзор «Colloquium Origenianum tertium decium». Часть I. 2023. Т. 17. № 1. С. 247-273.
3. Дмитриевский В. Александрийская школа. Очерк из истории духовного просвещения от I до начала V века по Р. Хр. Казань, типография Императорского университета, 1884. 284 с.
4. Легеев М. Патрология. Период Древней Церкви с хрестоматией. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2015. 588 с.
5. Малеванский Г., свящ. Догматическая система Оригена // Труды Киевской духовной академии, 1870, № 1, с. 76-148; № 2, с. 293-404; № 3, с. 513-610; № 4, с. 3-107; № 5, с. 245-323; № 6, с. 495-567; № 7, с. 3-82
6. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Минск: «Лучи Софии», 2007. 384 с.
7. Саврея В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: «Ленанд» (серия «Фундамент будущего: Юбилейная серия в честь 270-летия МГУ имени М.В. Ломоносова»). 2024. 1008 с.
8. Сидоров А.И. Апологетический труд Оригена «Против Кельса (Цельса)» // Альфа и Омега. 2008. № 3 (53). С. 33-51.
9. Флоровский Г. Противоречия оригенизма // Догмат и история. М. 1998.

METHODOLOGICAL PARADIGMS IN THE RECEPTION OF ORIGEN'S HERITAGE: WESTERN AND DOMESTIC SCIENCE OF THE 19TH–21ST CENTURIES

The article is devoted to a comparative analysis of the methodological paradigms that determined the study of the legacy of Origen of Alexandria in Western and Russian science from the 19th to the beginning of the 21st century. The key trends and their historical and cultural background are revealed. In the Western patrological tradition, research has gone through several stages: from polemical assessments in the context of dogmatic disputes of the 19th century to the Cambridge school of F. K. Bigg, which laid the foundations of a historical and critical approach. In the 20th century, methodologies gained a dominant influence, shifting the focus to the analysis of terminology and intellectual context. Modern research focuses on deconstructing later interpretations and reconstructing Origen's authentic thought. In Russian science of the 19th and early 20th centuries, Origen's reception developed in line with academic dogma, assessing his legacy through the prism of the Cappadocian synthesis and the condemnation of the Fifth Ecumenical Council. During the Soviet period, there was minimal interest in it. Methodological pluralism has been observed since the end of the 20th century: the revival of the church-historical approach is combined with the active assimilation of the achievements of Western science. The analysis demonstrates that differences in methodological attitudes have led to the formation of two largely independent, but recently increasingly converging research traditions.

Keywords: approach, methodology, Origen, research, opinions, philosophy, theory, hypothesis.

References

1. Bolotov V.V., prof. (1879) *Uchenie Origena o Svyatoj Troice* [Origen's Doctrine of the Holy Trinity]. St. Petersburg. 459 p.
2. Gryunert A. (2023) *Khronika i obzor «Colloquium Origenianum tertium decimum»*. Chast' I [Chronicle and Review of «Colloquium Origenianum tertium decimum». Part I]. Vol. 17, no. 1, pp. 247-273.
3. Dmitrievskij V. (1884) *Aleksandrijskaya shkola. Ocherk iz istorii dukhovnogo prosveshcheniya ot I do nachala V veka po R. Khr.* [The Alexandrian School. An Essay on the History of Spiritual Enlightenment from the 1st to the Early 5th Century AD]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 284 p.
4. Legeev M. (2015) *Patrologiya. Period Drevnej Tserkvi s khrestomatiej* [Patrology. The Period of the Ancient Church with a Chrestomathy]. St. Petersburg: Izd-vo SPbPDA. 588 p.
5. Malevanskij G., svyashch. (1870) *Dogmaticeskaya sistema Origena* [The Dogmatic System of Origen]. *Trudy Kievskoj dukhovnoj akademii*, no. 1, pp. 76-148; no. 2, pp. 293-404; no. 3, pp. 513-610; no. 4, pp. 3-107; no. 5, pp. 245-323; no. 6, pp. 495-567; no. 7, pp. 3-82.
6. Mejendorf I. (2007) *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology]. Minsk: Luchi Sofii. 384 p.
7. Savreya V.Ya. (2024) *Aleksandrijskaya shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoj mysli* [The Alexandrian School in the History of Philosophical and Theological Thought]. Moscow: Lenand. 1008 p.
8. Sidorov A.I. (2008) *Apologeticheskij trud Origena «Protiv Kel'sa (Tsel'sa)»* [Origen's Apologetic Work «Against Celsus»]. *Al'fa i Omega*, no. 3 (53), pp. 33-51.
9. Florovskij G. (1998) *Protivorechiya origenizma* [Contradictions of Origenism]. *Dogmat i istoriya*. Moscow.

Об авторе

Стржалковская Анастасия Дмитриевна - кандидат исторических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: Strzhalkovskaya@bsuedu.ru

Strzhalkovskaya Anastasiya Dmitrievna - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: Strzhalkovskaya@bsuedu.ru

Черноперов В.Л., профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново (Россия)
Хрулев С.П., аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново (Россия)

ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТ АГО ФОН МАЛЬЦАН НА СТРАНИЦАХ НЕМЕЦКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ

Представленная статья посвящена изучению образа германского дипломата, барона Аго фон Мальцана в немецко- и англоязычной прессе второй половины 1920-х гг. Авторами были изучены 14 периодических изданий разной политической направленности, выходившие с 1925 по 1929 гг. в Веймарской республике («Berliner Tageblatt», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Deutsche Tageszeitung», «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», «Hamburger Fremdenblatt», «Hamburger Nachrichten», «Industrie- und Handelszeitung», «Kölnische Zeitung», «Vossische Zeitung»), в Великобритании («The Times») и в США («New York Evening Post», «The Journal of commerce and commercial», «The New York Times» и «Time»). При разработке проблемы использованы следующие исследовательские методы: культурно-антропологический, идеографический или нарративный, периодизации, компаративистский (сравнительно-исторический) и проблемно-хронологический. В результате проведенной работы установлено, что А. фон Мальцан на страницах прессы трех стран представал высокоорганизованным дипломатом-профессионалом, который творчески воспринял и применил на практике наследие бисмарковского подхода к международным делам, что позволило ему добиться больших внешнеполитических результатов, среди которых журналисты выделяли его участие в развитии отношений с Советской Россией в 1919-1922 г. и США в 1925-1927 гг. Одновременно периодические издания изображали Мальцана убежденным республиканцем и либералом, который при этом не отказывается от своего аристократического происхождения. Он представал перед читателями человеком смелым, принципиальным, с обширными знаниями и богатым жизненным опытом, коммуникабельным, любезного с собеседниками и обладающего даром убеждения, готовым перенимать чужой положительный опыт и хорошим хозяйственником. Причины создания прессы столь позитивного образа авторы статьи видят, во-первых, в ограниченности изученных материалов. В статье проработаны издания с 1925 по 1929 гг. Известно, что в более ранней периодике содержались резко-критические оценки деятельности Мальцана. Вторая причина во времени появления и форме изученных публикаций. Это преимущественно некрологи или статьи, связанные с трагической гибелью Мальцана в сентябре 1927 г. Подобные материалы обычно не содержат негативных оценок. Третья причина создания журналистами привлекательного образа Мальцана заключается в том, что большинство писавших о нем были демократами. Они смотрели на немецкого дипломата не только как на умелого профессионала, который возвращал своей стране былое уважение на международной арене, но, прежде всего, как на влиятельного представителя новой Германии, который трудился над утверждением в немецком обществе демократических ценностей. А это позволяло надеяться на то, что со временем граждане Веймарской республики эти ценности примут, и страна войдет в мировое сообщество демократических стран во главе с США. Рост национал-социалистических и коммунистических настроений в Германии 1930-х гг. показал, что данные надежды не оправдались, что привело к «забвению» прессы имени Мальцана на многие годы.

Ключевые слова: А. фон Мальцан, дипломат, немецко- и англоязычная пресса, кайзеровская Германия, Веймарская республика, Советская Россия, Рапалльский договор, США, мировоззрение, личные качества.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-141-153

Введение. Личность и дипломатическая деятельность германского дипломата Аго фон Мальцана неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. В магистерской диссертации одного из авторов настоящей статьи было проработано более 60 разноуровневых монографий, статей и рецензий на русском, немецком и английском языках, опубликованных в 1950-е – 2020-е гг. и посвященных его жизни и деятельности [3]. Данное историографическое исследование показало, что многие темы, связанные с А. фон Мальцаном, по сей день дискуссионны. Снятие этих вопросов

может помочь расширение круга исторических источников, в ряду которых – пресса. Ее значение для исследователя двойственно. Пресса, как и любая составляющая масс-медиа, с одной стороны, фиксирует и отражает события, с другой, – формирует и закрепляет в массовом сознании некий образ. И то и другое в случае с Мальцаном представляет интерес. Данное обстоятельство обусловило *цель настоящей статьи* – выявить в немецкой и англоязычной прессе второй половины 1920-х годов факты о дипломатической деятельности, мировоззрении и личных качествах А. фон Мальцана и показать какой в итоге образ

этого человека формировался журналистами-современниками.

Объект и методы исследования. *Объект исследования* выступает жизнь и деятельность германского дипломата барона А. фон Мальцана. *Предметом* – его образ, созданный журналистами-современниками в немецкой и англоязычной прессе во второй половине 1920-х гг.

Для достижения заявленной цели авторы применяли следующие исследовательские методы. *Культурно-антропологический и идеографический (или нарративный)* методы использовались при раскрытии позиции конкретных журналистов, писавших о Мальцане, и при выявлении особенностей его мировоззрения и характера. *Метод периодизации* применялся при изучении журналистских оценок интересующего нас дипломата. *Компаративистский (сравнительно-исторический)* метод позволил сопоставить информацию, извлеченную из различных источников, для выявления схожести и уникальных мнений о работе Мальцана. *Проблемно-хронологический метод* оказался необходимым при выяснении повторяемости в журнальных статьях сюжетов и оценок.

Результаты и их обсуждение.

Обзор изученных немецких и англоязычных периодических изданий

В основу настоящей статьи легли материалы из нескольких немецко- и англоязычных изданий второй половины 1920-х годов, которые различались не только по государственной принадлежностью, но и политической направленностью. Выбор газет определили их популярность и информированность.

Поскольку речь идет о германском дипломате А. фон Мальцане, логично, что мы в наибольшее внимание уделили периодическим изданиям Веймарской республики. Их можно сгруппировать по двум критериям – политической ориентации и нацеленности на всегерманскую или региональную аудиторию.

Одним из ведущих изданий правого политического спектра, нацеленного на всю страну, являлась «Deutsche Allgemeine Zeitung» (Немецкая всеобщая газета). В годы Веймарской республики её позицию во многом определяли крупнейшие германские капиталисты и связанные с ними национал-либеральные политики [1, с. 71-75, 185, 210-211]. Правда,

попытки владельцев превратить эту газету в мировое издание подобное английской «The Times» успехом не увенчалась [1, с. 42].

Буржуазно-либеральные позиции в Веймарской Германии занимали «Berliner Tageblatt» («Берлинский ежедневник») и «Vossische Zeitung» («Фосская газета») [1, с. 154-186]. Оба издания были ориентированы в первую очередь на образованную часть германского общества, выступавшую в поддержку республики, и пользовались устойчивым интересом за рубежом. Газеты были близки леволиберальной Немецкой демократической партии. Правда, отношения между ними и НДП сложно назвать идиллическими. У «Vossische Zeitung», например, был серьезный конфликт с руководством этой партией из-за критики деятельности министра рейхсвера Отто Гесслера, который являлся ее членом [1, с. 153-154]. Главный же редактор «Berliner Tageblatt» Теодор Вольф в 1926 г. демонстративно покинул НДП в ответ за поддержку законов об усилении цензуры большинством фракции этой партии в рейхстаге [26].

Особую группу изученных немецких изданий составили провинциальные газеты. Причем центристская «Kölnische Zeitung» («Кёльнская газета»), хотя и считалась региональной, на практике успешно конкурировала с ведущими периодическими изданиями Веймарской республики и не уступала им по популярности не только в Средней и Южной Германии, ни и за рубежом [1, с. 42, 43]. Иной по содержанию и распространению была утренняя «Hamburger Nachrichten» («Гамбургские новости»). Эта более правая по политическим взглядам газета значительное место уделяла вопросам судоходства и торговли [18]. И это не случайно. Ведь повседневность большей части ее читателей была тесно переплетена с деловой жизнью крупнейшего порта Германии. Схожую оценку можно дать газете «Hamburger Fremdenblatt» («Гамбургскому иностранному листку»), принадлежавшей с 1907 г. владельцу типографии и издателю Альберту Брошеку. Правда, это издание стояло на более левых позициях и по объему походило скорее на журнал, чем газету. На крайне правом фланге провинциальных периодических изданий, изученных нами, стояла газета зажиточных сельчан Пруссии «Deutsche Tageszeitung» («Немецкая

ежедневная газета»). «Deutsche Tageszeitung» имела «националистическо-антимарксистко-религиозный характер и была воинствующим врагом веймарского строя» [1, с. 209]. Неприязнь демократической системы в конце 1920-х гг. привела некоторых ее сотрудников к национал-социалистам [1, с. 215].

В ряду отмеченных выше германских изданий для нас наибольший интерес представляли «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Kölnische Zeitung» и «Berliner Tageblatt». Первые две газеты почти все годы Веймарской республики были тесно связаны с национал-либеральной Немецкой народной партией и персонально лидером партии Густав Штресеманом. Этот крупнейший дипломат Веймарской республики, возглавлявший МИД страны с августа 1923 по октябрь 1929 года, тесно сотрудничал с «Deutsche Allgemeine Zeitung» и «все внешнеполитические статьи» в этой газете писал или редактировал либо сам, либо это делал его личный секретарь Генри Бернгард [1, с. 102]. При работе с «Berliner Tageblatt» особое внимание уделялось передовицам, подписанным «Т.В.». Под этой аббревиатурой скрывался главный редактор издания Т. Вольф, который, благодаря обширным связям с ведущими политиками и многими министрами, был очень хорошо информирован по самым разным вопросам, в том числе, международным.

Из англоязычной прессы нами были выбраны наиболее авторитетные американские и английские газеты. Из прессы США ими стали «New York Evening Post» (Нью-Йоркская вечерняя почта) и «The New York Times» (Нью-Йоркские времена).

«New York Evening Post», отсчитывающая историю с 1801 г. и считающаяся детищем одного из отцов-основателей Соединенных Штатов Александра Гамильтона и его сторонников-федералистов, с 1918 по 1933 г. неоднократно меняла хозяев. Однако все они были связаны с влиятельными финансовыми группами, экономистами и предпринимателями США [21]. Высокое общественное положение собственников сказывалось не только на политических предпочтениях подаваемых в газете материалов, но и предопределил интерес этого издания к самым разным темам, включая международные.

Американское издание «Time»

(«Время») ведет историю с марта 1923 г., когда вышел его первый номер. Оно стало первым в Соединенных Штатах новостным еженедельником. В интересующее нас время «Time» издавался Генри Люссом, чьи умеренно-консервативные взгляды оказывали существенное влияние на его политическую и информационную направленность.

Газета «The New York Times», ставшая годы Гражданской войны в США ежедневной, в межвоенное время переживала взлет популярности. Все началось с 1896 г., когда ее владельцем стал Адольф Окс. При нем газета под девизом: «Все новости, достойные печати» стала позиционировать себя поставщиком качественной информации [2, с. 91]. «The New York Times» в межвоенный период зарекомендовала себя политически-центристской газетой, в которой новостные материалы были отделены от редакторских и аналитических.

Из прессы Великобритании были изучены публикации, пожалуй, самой известной газеты этой страны – «The Times» («Времена»). В интересующий нас межвоенный период политическая позиция издания подвергалась серьезным колебаниям. Особенно в начале 1920-х годов. Подтверждением может служить следующий факт. Сначала «The Times» опубликовала пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», а затем ее же корреспондент разоблачил сей «документ» как фальшивку [16, р. 95].

В 1922 г. владельцем и председателем совета директоров «The Times» стал инвалид Первой мировой войны, майор, предприниматель, спортсмен и депутат английского парламента от партии тори Джон Джейкоб Астор V [19]. На этом посту он оставался до 1959 г. Дж. Дж. Астор V позиционировал себя сторонником сохранения «независимости», «высочайших стандартов британской журналистики» и свободы журналистики [19]. При этом издание следовало в русле курса консервативной партии.

Завершают обзор периодических изданий, изученных нами, специализированные издания – американский «The Journal of commerce and commercial» («Журнал коммерции и торговли») и немецкий «Industrie- und Handelszeitung» («Газета промышленности и торговли»). «The Journal of commerce and

commercial» к 1927 г. находился во владении американской семьи немецкого происхождения Риддеров, что влияло на интерес этого журнала к американо-германским отношениям. «Industrie- und Handelszeitung» освещала не только внутригерманские экономические события, но и развитие торгового и дипломатического сотрудничества с иностранными государствами. Интерес к данным изданиям был обусловлен фактом влияния Мальцана на внешнеэкономическую политику своей страны.

Установить авторство материалов о А. фон Мальцане в изученных периодических изданиях большинстве случаев не удалось, поскольку это были редакционные статьи. Вместе с тем, три автора нами были выявлены. Это Уильям Атертон, Вере Стент и Теодор Вольф.

У. Атертон в марте 1925 г. на страницах «The New York Times» опубликовал объемную статью о Мальцане, который только что прибыл в США в качестве посла Веймарской республики. Данная публикация имеет длинное название «Новый посол Германии, дипломат спортивного телосложения, потомок прибалтийских баронов, фон Мальцан много лет проработал на дипломатической службе своей страны – участвовал в разработке Рапалльского договора». Ее содержание свидетельствует о том, что Атертон хорошо знал того, о ком пишет. Причем обладал навыками скорее аналитика-международника, чем журналиста.

Второй автор выявленный нами автор, писавший о Мальцане – В. Стент – уроженец Капской колонии Великобритании в конце XIX – первой трети XX в. получил известность как военный корреспондент, театральный критик, писатель и журналист, сотрудничавший за годы жизни со многими изданиями Европы, колониальной Африки и Америки. Заметки об интересующем нас дипломате Стент оставил в английском таблоиде «The Times» и американских изданиях «New York Evening Post» и «The Journal of commerce and commercial».

Теодор Вольф – немецкий писатель, журналист, критик и редактор газеты. С 1906 по 1933 год он был главным редактором либеральной газеты «Berliner Tageblatt».

Дипломатическая служба А. фон Мальцана на страницах немецкой и англоязычной прессы второй половины 1920-х гг.

Барон Аго фон Мальцан родился 31 июля 1877 года в мекленбургском поместье своего отца в Кляйн-Вархове на берегу Балтийского моря, где, как отмечал на страницах «The New York Times» в мае 1925 г. У. Атертон, ещё сохранялась почти средневековая феодальная система [5]. После учебы и военной службы А. фон Мальцан в 1906 г. принял в министерство иностранных дел в кайзеровской империи. Сначала он трудился атташе в Рио-де-Жанейро (1907 г.), затем – секретарем дипломатической миссии в Осло (1909 г.) и Санкт-Петербурге (1911 г.).

Начало служебной карьеры Мальцана не стало предметом пристального внимания изученных нами изданий. Иную картину дает его служба в Китае с 1912 по 1917 год. К этому периоду обращались журналисты «Berliner Tageblatt», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» и «The Times».

Газеты отмечали, что прибытие Мальцана совпало с Синьхайской революцией (1911-1912 гг.), которая не только положила конец многовековому имперскому правлению в Поднебесной, но и поставила страну на грань распада. В этой связи «Deutsche Allgemeine Zeitung», отмечала, что Мальцан, осознавая неустойчивость нового режима, сосредоточил свои усилия на создании долгосрочных совместных германо-китайских проектов, устойчивость которых не будет зависима от смены в Пекине правящих элит [6]. Одним из таковых стало железнодорожное строительство в Китае. Но не только экономическими проектами интересовался Мальцан. Он, по данным «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», видел угрозу надвигавшееся Великой войны и был озабочен позиций Японии, которая являлась одним из ведущих акторов в регионе его пребывания. Более того, согласно тому же изданию, Мальцан предугадал, что Страна восходящего солнца выступит против Германии [11]. Как известно, так и произошло. В самом начале Первой мировой войны войска Японии атаковали и захватили порт Циндао, который являлся опорной базой военного, политического и экономического присутствия Второго рейха в китайской провинции Шаньдун. Согласно германским журналистам [11] и В. Стенту в английской «The Times», Мальцан неоднократно предупреждал

свой МИД о возможности такого сценария [24] и предлагал противодействовать подобному развитию через сближение с Китаем. Для осуществления союза с Поднебесной дипломат предлагал Берлину передать Пекину Циндао, шифруя это фразой: «Верните дом домовладельцу» [24]. Однако, как отмечал тот же Стант, в кайзеровском МИДе не смогли понять послания Мальцана и поместили его телеграммы в архив. Впрочем, по данным того же журналиста, работа дипломата в Пекине все-таки была замечена, но позже. После краха Германской империи в 1918 г. новые руководители МИДа из числа социал-демократов, обнаружив переписку Мальцана со своим руководством, высоко оценили его профессионализм и стали продвигать по карьерной лестнице [24].

Журналисты, обращавшиеся к китайскому периоду службы Мальцана, противопоставляли его коллегам из кайзеровского МИДа. Со страниц «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» он представал деятельным, принципиальным и проницательным дипломатом, самым активным немецким представителем на Востоке. Работники же центрального аппарата министерства иностранных дел характеризовались как пассивные, недальновидные и коррумпированные [11]. «Китайский этап» карьеры Мальцана интереснее также тем, что согласно некрологу в «Berliner Tageblatt» от 24 сентября 1927 г., именно в этот период он в среде германских милитаристов и националистов приобрел статус «ненадежного» [4].

В 1917 г. Мальцан покинул Пекин и, согласно американской «The New York Times» и английской «Time», решил добираться до родной Германии через Тихий океан и Соединённые Штаты [4; 16]. Однако, прежде чем он доплыл до портового города Гонолулу – столицы американских Гавайских островов, США в апреле 1917 г. выступили на стороне Антанты, т.е. оказались в числе врагов его страны. В итоге Мальцану не разрешили сойти в на берег, однако, неудача в Гонолулу дипломата не остановила, и он сумел добраться до главного города на западном побережье США – Сан-Франциско. Здесь, как отмечал на страницах У. Атертон американцы встретили его очень дружелюбно. обращались с дипломатом с большой вежливостью и

даже удостоили официального приема [5].

Вскоре после возвращения Мальцана на родину в Германию разразилась Ноябрьская революция. Масштаб деятельности и личности этого дипломата были таковы, что уже при его жизни стали появляться легенды о нем. Одной из таковых стала трактовка его роли в отречении германского императора Вильгельм II. Американский «Time» в октябре 1927 г. так описала эту обсуждавшуюся историю: «...его [Мальцана] величайшим дипломатическим подвигом, несомненно, было убеждение кайзера отречься от престола. Вильгельм II, бежавший из Германии, официально не отрекся от престола, а о его отречении ... без ведома императора объявил канцлер принц Макс Баденский. Поэтому новое руководство страны отправило барона фон Мальцана в замок Амеронген, чтобы добиться официального отречения кайзера от престола германского императора и короля Пруссии» [17]. Далее тот же еженедельник «Time» отметил: «Безусловно, дипломат, как и многие его коллеги, юридически поучаствовал в оформлении отречения кайзера. Но рассказы о центральной роли барона в данном процессе, по всей видимости, несостоятельны» [17].

После окончания Первой мировой войны и провозглашения Германии республикой начался быстрый карьерный рост А фон Мальцана. Он, как отмечал В. Стент в «The Times», пользовался поддержкой новых немецких властей, что позволило ему достаточно быстро занять кресло главы Восточного отдела МИДа [24]. Все изученные нами периодические издания, обращавшиеся к его работе в МИДе с 1919 по 1924 гг., особое внимание уделяли его участию в работе Генуэзской конференции 1922 г. и роли в подписании германо-советскому Рапалльского договора 16 апреля. В. Стент в публикации 1927 г. именно Мальцана назвал автором этого соглашения. Журналист видел в этом дипломате лидера «восточной школы» в Веймарской Германии, представители которой считала необходимым для укрепления позиций своей страны наладить отношения с Россией [25]. Двумя годами ранее близкие оценки на страницах в «The New York Times» озвучил У. Атертон [5].

Согласно либерально-буржуазной «Berliner Tageblatt», именно Мальцан смог развеять сомнения министра иностранных дел

Вальтера Ратенау, который проявлял колебания относительно необходимости договора с большевистской Россией, и, в конечном счете, убедил его подписать соглашение с Москвой. В итоге, отмечала та же газета, Рапалльский договор позволил Веймарской республике начать путь преодоления политической и экономической изоляции, содействовал повышению ее международного статуса [4]. Даже правонационалистическая «Deutsche Tageszeitung» положительно оценила соглашение с большевиками. Правда, акцентировала внимание на том, что, согласно Рапалльскому договору, Советская Россия отказалась от репарационных выплат, зарезервированных за ней Версальским договором 1919 г. [9]

Справедливости ради, отметим, что пресса 1920-х гг. отмечала не только позитивные итоги Генуэзской конференции. Та же «Berliner Tageblatt» указывала: Рапалльский договор не принес экономических результатов, на которые рассчитывали германское государство и бизнес-сообщество [4]. Но для нас гораздо более интересным является отмеченный журналистами раскол немецкого общества в оценках роли Мальцана. Так, «Hamburger Fremdenblatt» отмечала, что после заключения Рапалльского договора на этого дипломата посыпались многочисленные и несправедливые обвинения в «большевизме» [15]. Некоторые его недоброжелатели, согласно «Kölnische Zeitung», стали называть Мальцана «красным бароном» [10], что в среде аристократов имело явно негативную коннотацию. С другой стороны, с подписанием Рапалльского договора, как писали журналисты, существенно вырос авторитет А. фое Мальцана. Немецкая политическая элита, включая крайне правых, теперь видела в нем самостоятельного и авторитетного работника МИДа и стремилась привлечь его на свою сторону [15]. Авторитет Мальцана внутри Германии вырос настолько, что, по мнению Стента, именно он стал фактическим руководителем внешней политикой Веймарской республики, а не министры иностранных дел Фредерик Ганс фон Розенберг, занимавший этот пост с конца ноября 1922 г. до августа 1923 г., или даже сменивший его Густав Штресеман [24]. Существенно поднялся также международный престиж Мальцана,

что позволило ему, как отмечал тот же Стент, даже в период Рурского кризиса 1923 г., связанного с оккупацией франко-бельгийскими войсками одноименного промышленного района Веймарской республики, поддерживать тесные отношения с послом Парижа в Берлине Пьером де Маржерей [24].

Работа Мальцана над укреплением германо-советского взаимодействия была прервана в 1925 г. Годом ранее его назначили послом в США. Вручение верительных грамот А. фон Мальцаном президенту Соединенных Штатов Калвину Кулинджу описано в заметке «The New York Times» от 13 марта 1925 г. [28] Таблоид центральное внимание уделил словам главы США и ответной речи нового немецкого посла. К. Кулиндж с удовлетворением воспринял назначение президентом Веймарской республики Фридрихом Эбертом послом именно Мальцана. Кроме того, констатировал факт «выздоровления» Германии и с оптимизмом заметил, что эта страна «снова встала на путь процветания и мира». Лидер США выразил также надежду на то, что немецкая республика, благодаря работе Мальцана, сможет перенять опыт успешного демократического строительства и будет развивать с США не только политические, но также экономические и культурные связи. Мальцан в ответном слове поблагодарил «американцев за помощь в восстановлении» немецкого государства и, прежде всего, за введенный при их непосредственном участии «план Дауэса».

В сентябре 1927 г. В. Стент в материале для «New York Evening Post» дополнил вышеприведенную информацию новым фактом. Мальцан в своей речи на инаугурации заявил о приверженности идеям республики и демократии, выступил против монархии, чем сразу завоевал симпатии многих граждан США [25]. И это, несомненно, был тонкий, продуманный шаг, так как после Первой мировой войны немалое число рядовых американцев и представителей элиты не доверяли официальным лицам из Германии, продолжали видеть в них агентов, подобных тем, что были во времена Гогенцоллернов. Именно преодоление этого недоверия, согласно «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», стало основной задачей Мальцана в Вашингтоне [11]. Работая над ее решением, как писала «Berliner Tageblatt», этот дипломат,

понимая, что дипломатический успех его работы зависит от следования республиканскому курсу и отказу от старых монархических принципов, при любом удобном случае заявлял о приверженности именно этим идеям [12]. И делал это не только в Вашингтоне. Как отмечал Стент, Мальцан, встречаясь с американцами во время посещения городов США, постоянно говорил о приверженности правительства его страны либерализму и прогрессу [25].

Согласно информированной «Berliner Tageblatt», Мальцану в США удалось достаточно быстро установить доверительные отношения с президентом Кулиджем [4]. «Deutsche Allgemeine Zeitung», дополняя картину, указывала на то, что германского дипломата и лидера Америки объединяла приверженность прагматизму в вопросах внешней политики, который не допускал непродуманных радикальных действий [14].

Согласно наблюдателям немецких журналистов, Мальцана к сотрудничеству с США подталкивали страхи. Он боялся появления русско-французской Антанты, очередного политического коллапса Европы и новой войны. По данным «Deutsche Allgemeine Zeitung», Мальцан, желая предотвратить такой сценарий и, будучи одновременно сторонником взаимодействия с советским государством и американофилом, попытался действовать сближению США и СССР, которые не имели друг с другом дипломатических отношений [14].

Еще одним направлением политики Мальцана после его приезда в Вашингтон, замеченным журналистами, стало внимание к немецкому меньшинству в Соединенных Штатах. По данным Атертона, он в разговорах с американскими коллегами, пытался убедить их в культурной близости немцев и американцев, в лояльности граждан США немецкого происхождения и выражал беспокойство их низким участием в американской политике [5]. Рассуждения на эту тему, как показал Атертон выводили Мальцана на более широкие проблемы – места немцев в современном мире. Дипломат выражал надежду, что граждане его страны смогут со временем стать составной частью демократического сообщества. Для достижения такого результата следовало наладить продуктивное

экономическое сотрудничество и межнациональный диалог с Соединенных Штатов как передовой страной демократии и перенимать у них наиболее прогрессивные политические практики [5].

Согласно изученной прессе, позитивные результаты работы Мальцана в США проявились достаточно быстро. Так, «Hamburger Nachrichten» в сентябре 1927 г. сообщала, что он своими продуманными действиями заслужил безусловное уважение американских элит [22], и это, согласно «Industrie- und Handelszeitung», привело к изменению ее настроения в отношении немцев [8]. Если ранее элита США относилась к Германии подозрительно, то теперь – по-дружески. «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», дополняя картину, указывала, что в Соединенных Штатах Мальцана стали воспринимать искренним другом Америки [30]. «Kölnische Zeitung», в свою очередь, сообщила читателям о том, что Мальцану в Вашингтоне оказывались почести, какие никогда ранее не оказывались иностранному представителю, и это, помимо возрождения былого уважения к германской миссии в США принесло вполне материальный результат: было возвращено конфискованное ранее германское имущество [10].

В целом, по наблюдениям «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», действия Мальцана на американском направлении, учитывая их отчетливо видимую результативность, поддерживались и консервативной, и либеральной прессой [31]. Сам же дипломат, согласно журналистам, видел свое будущее в развитии и укреплении именно германо-американских связей. Еще в 1925 г. У. Атертон на страницах «The New York Times» заметил, что Мальцан по прибытии в Вашингтон выразил желание оставаться на этом новом месте работы до конца жизни [5]. Через два года нечто подобное повторил В. Стент на страницах «The Journal of commerce and commercial». По его словам, Мальцан не единожды высказывал надежду остаться на службе в США ещё лет на 20-ть [25].

Сохранение работы А. фон Мальцана на американском направлении, по мнению журналистов-современников, могло в будущем принести еще большие результаты и даже стать в чем-то переломными для Веймарской республики. Здесь показателен материал

«Deutsche Allgemeine Zeitung», где, получив известие о трагической гибели дипломата, заявили, что именно Мальцан был тем человеком, который был способен восстановить мирным путем былое величие Германии, подорванное поражением в Великой войне [6].

Особенности мировоззрения, дипломатических приемов и личные качества А. фон Мальцана глазами немецко- и англоязычных журналистов второй половины 1920-х гг.

Изученная нами немецко- и англоязычная пресса формирует образ Аго фон Мальцана как очень разностороннего человека-интеллектуала.

Журналисты видели в нем достойного ученика самого авторитетного канцлера XIX в. Отто фон Бисмарка. С ним, как показано в «Berliner Tageblatt», А. фон Мальцана объединяло то, что получило название Realpolitik – т.е. отказ от идеологии в проведении внешнеполитического курса. Издание явно имело виду тот очевидный факт, что Мальцан содействовал подписанию Рапальского договора с большевиками, взгляды которых не принимал [13]. Он, как писала «Kölnische Zeitung» 7 октября 1927 г., искренне считал, что дружественные отношения с Россией необходимы Германии, вне зависимости от цены и издержек, которые последуют за восстановлением двусторонних отношений [10]. Именно прагматизм, как мы отмечали выше, позволил Мальцану сблизиться с Кулинджем [14].

Рапальский договор был нестандартным и смелым шагом, что опять же соответствовало действиям О. фон Бисмарка. Еще одним проявлением нешаблонного мышления Мальцана, на что обратила внимание «Hamburger Fremdenblatt», стал отказ от устаревших практик кайзеровского МИДа [15].

Активность, нежелание следовать устоявшимся шаблонам и при этом принципиальность отмечали у Мальцана сотрудники «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» [11]. Еще одно качество у нашего героя, подмеченное журналистами, говоря современным языком, – коммуникабельность. Мальцан постоянно стремился к расширению круга общения, поддерживал и развивал уже сложившиеся личные связи. Стент, например, обратил внимание читателей на тот факт, что в период Рурского

кризиса 1923 г. дипломат поддерживал постоянный контакт с корреспондентом влиятельной английской «The Times», доктором Стэнли Морисоном, с которым познакомился еще во время своей службы в Пекине [24].

О политических взглядах Мальцана ясное представление дают материалы журналистов «Berliner Tageblatt» и статья Стента в «New York Evening Post». И те и другие подчеркивали, что Мальцан публично позиционировал себя республиканцем и либералом [12; 25]. При этом, будучи бароном, не отказывался от своего аристократического происхождения и, как отмечал Атертон в «The New York Times», открыто говорил о принадлежности к юнкерам [5]. Когда это происходило, у американцев возникал естественный вопрос: как могло случиться, что германский юнкер, который большинством в США воспринимался противником демократии, милитаристом и даже реакционером, занял кресло посла в США. Еще большее любопытство вызывало то, что этот юнкер-посол с нескрываемой симпатией относится к американским порядкам. При подобных вопросах Мальцан уверял собеседников: в Германии далеко не все юнкеры – монархисты, что среди них есть и убежденные республиканцы. При этом дипломат предрекал, что юнкерам на его родине, пока не принявшим изменения после 1918 г., придется приспосабливаться и уступить. В противном случае они рискуют исчезнуть как класс [5].

Изученные материалы прессы показывают, что апробированная Мальцана практика решать важные вопросы через личные контакты вышла на новый уровень в период его службы в США. Мальцан, как отмечал Стент, никогда не ограничивал свою работу в Соединенных Штатах формальными официальными обязанностями, а всегда старался наладить личные дружеские связи со своими американскими коллегами [23]. В первую очередь, с влиятельными лицами. И это ему удавалось. Как отмечалось выше, Мальцан установил весьма доверительные отношения с президентом Кулинджем.

Еще один прием Мальцана, нацеленный на укрепление своих позиций в США, который заметили журналисты, был связан с наполнением посольства новыми функциями. Дипломат при содействии супруги

превратил посольство Веймарской республики в Вашингтоне в центр культурной и общественной жизни американской столицы, в место притяжения местных интеллектуалов и политиков [25]. Мальцан укреплял также межличностные отношения во время многочисленных поездок по городам США. «The New York Times» в материале от 4 мая 1927 г. дает ясное представление об одной из таких [29]. Согласно этой газете, чета Мальцанов при поездке по Висконсину встретились с губернатором этого штата Фредом Циммерманом, посетила несколько промышленных предприятий и образцовых молочных ферм, побывала в городе Милуоки, а также в государственном университете и в частном иезуитском университете Маркетт. Причем в последнем вузе Мальцану «в знак признания» его «выдающейся профессиональной карьеры» и с выражением «международной доброй воли» была присвоена почётная степень доктора права [29].

Расширению Мальцаном круга знакомых, по замечанию Атертона в «The New York Times» и немецких журналистов из «Deutsche Allgemeine Zeitung» и «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», содействовали такие черты его характера как добродушие, дружелюбие, оптимизм, эрудиция и колоссальный жизненный опыт, что в совокупности позволяло ему очаровать любого собеседника [5; 11; 14], делало его чрезвычайно способным переговорщиком [31].

Еще одна черта Мальцана, явно импонирующая его партнерам и собеседникам в США, была замечена «Kölnische Zeitung»: дипломат стремился походить на типичного американца, для чего стал перенимать некоторые их привычки и манеры держаться [10]. Импонировала журналистам США и хозяйственная, деловая жилка, проявившаяся у Мальцана. Атертон вскоре после появления Мальцана в Вашингтоне заметил: новый посол Германии обосновался в старом немецком посольстве на террасе над Массачусетс-авеню, здание которого после того, как в 1917 год его покинул высланный из США кайзеровский посол Иоган Бернсторф, представляло печальное зрелище и служило наглядной демонстрацией бедственного состояния немецкой казны [5]. Однако с приходом Мальцана ситуация начала быстро меняться.

Посол изыскал средства для масштабных ремонтных работ, и «атмосфера бедности и упадка», связанного с посольством, начала рассеиваться [5].

В Вашингтоне Мальцан, как отмечал тот же Атертон, пытался сохранять некоторые из своих прежних привычек. Одной из таких было увлечение верховой ездой. Вашингтон, которым е Мальцан восхищался с первых дней пребывания, с его многочисленными тропинками оказался идеальным местом для конных прогулок дипломата [5].

В завершении раздела о личности Мальцана приведем яркие слова о нем в «Berliner Tageblatt»: «В нём чувствовалось что-то восточное, почти китайское, столь далёкое от духа его тевтонских предков. Мальцан – смесь конфуцианской сдержанности, русской ловкости и польской любезности» [13].

Гибель А. фон Мальцана и реакция прессы

Аго фон Мальцан трагически погиб 23 сентября 1927 года во время своего визита на Родину, когда его самолёт потерпел крушение по пути из Берлина в Мюнхен. Данное событие привлекло внимание многих американских, английских и германских газет. Там вышли объёмные некрологи, которые в значительной степени и стали основой настоящей статьи. Тогда же помимо многочисленных хвалебных материалов о дипломате, появились размышления о причинах гибели. Некоторые журналисты нашли трагедию таинственной и вызывающей подозрения. Либеральная «Vossische Zeitung», в частности, обратив внимание общественности на множество врагов, которых нажил Мальцан своими убеждениями, работой, принципиальностью и смелостью, выдвинула версию преднамеренного саботажа [7].

Похороны Мальцана, которые также стали предметом пристального внимания журналистов, согласно «The New York Times» собрали около 1000 человек [20]. Поминальная служба прошла в лютеранской церкви Сиона, во время которой пастор Краузе произнес речь, в которой отметил: «...служба посла, стремившегося восстановить дружеские отношения Германией и США, станет величайшим памятником ему» [20].

Заключение (выводы). Изучение отражения деятельности и личных качеств барона

Аго фон Мальцана в немецко- и англоязычной прессе второй половины 1920-х гг. показало, что объем материалов об этом дипломате по периодам существенно различается. Основной поток статей приходится на конец сентября – начало октября 1927 г., т.е. время сразу после его гибели. Это преимущественно общинные некрологи или специальные редакционные материалы. Сравнение этих публикаций между собой показало удивительное совпадение. Журналисты 14 периодических изданий разной политической направленности из трех стран независимо друг от друга давали примерно одни и те же оценки. Со страниц немецких «Berliner Tageblatt», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Deutsche Tageszeitung», «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», «Hamburger Fremdenblatt», «Hamburger Nachrichten», «Industrie- und Handelszeitung», «Kölnische Zeitung», «Vossische Zeitung», английской «The Times», американских «New York Evening Post», «The Journal of commerce and commercial», «The New York Times» и «Time» Мальцан представлял высокоорганизованным профессионалом, который творчески воспринял и применил на практике наследие бисмарковских подходов к международным делам, что позволило ему добиться больших внешнеполитических результатов. В череде карьерных заслуг изученная нами пресса выделяла его роль в установлении отношений с Советской Россией, вершиной которых стал Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г., и участие в развитии отношений Веймарской республики с США в 1925-1927 гг., в результате которых был восстановлен престиж Германии не только в глазах американской элиты, но и более широких общественных кругов Соединенных Штатов. Но не только опытным дипломатом рисовали Мальцана газеты и журналы. Писавшие о нем создали живой и привлекательный образ современника-немца, яркого представителя новой демократической Веймарской Германии. Со страниц немецко- и англоязычных периодических изданий Мальцан предстает убежденным

республиканцем и либералом, который при этом не отказывается от своего аристократического происхождения и даже гордится им. Он – смелый, активный, обладающий богатыми знаниями и жизненным опытом человек. При этом принципиален, коммуникабелен, с собеседниками любезен и умеет завоевывать их расположение, обладает даром убеждения, готов перенимать положительный опыт, хороший хозяйственник и имеет устоявшиеся привычки. В частности, конные прогулки.

При чтении материалов периодических изданий о А. фон Мальцане второй половины 1920-х гг. закономерен вопрос: почему издания самых разных политических направлений и стран оценивали его столь положительно? Ответ может быть следующий. Во-первых, в ограниченности изученных материалов. В статье проработаны издания с 1925 по 1929 гг. Известно, что в более ранней периодике содержались резко-критические оценки деятельности Мальцана. Вторая причина во времени появления и форме изученных публикаций. Это преимущественно некрологи или статьи, связанные с трагической гибелью Мальцана в сентябре 1927 г.. Подобные материалы обычно не содержат негативных оценок. Третья причина создания журналистами привлекательного образа Мальцана заключается в том, что большинство писавших о нем были демократами. Они смотрели на немецкого дипломата не только как на умелого профессионала, который возвращал своей стране былое уважение на международной арене, но, прежде всего, как на влиятельного представителя новой Германии, который трудился над утверждением в немецком обществе демократических ценностей. А это позволяло надеяться на то, что со временем граждане Веймарской республики эти ценности примут, и страна войдет в мировое сообщество демократических стран во главе с США. Рост национал-социалистических и коммунистических настроений в Германии 1930-х гг. показал, что данные надежды не оправдались, что привело к «забвению» прессой имени Мальцана на многие годы.

Список литературы

1. Биск И. Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. 231 с.
2. Прутцков Г.В. История зарубежной журналистики. 1800-1929: учеб.-метод. комплект (учебное пособие, хрестоматия) / под ред. Я. Н. Засурского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект

Пресс, 2012. 416 с.

3. Хрулев С. П. Дипломат Аго фон Мальцан и его деятельность на советском направлении в отечественной и зарубежной историографии 1950-х – 2020-х гг.: магистерская дисс. Иваново, 2025. 131 с.

4. Ago v. Malzahn Todessturz // Berliner Tageblatt. 24.09.1927.

5. Atherton W. (29 March 1925). Germany's new envoy an athletic diplomat; Descendant of Baltic Barons, von Maltzan Has Spent Many Years in Foreign Service of His Country - Helped Frame the Rapallo Treaty // The New York Times. 29.03.1925.

6. Botschafter v. Malzahn bei einem Flugzeugunglück getötet // Deutsche Allgemeine Zeitung (Berlin). 24.09. 1927.

7. Botschafter Malzahns Todesflug // Vosfische Zeitung. 24.09.1927.

8. Botschafter von Maltzan verstorben // Industrie- und Handelszeitung. 24.09.1927.

9. Botschafter Freiherr v. Maltzan verstorben: Schwerer Flugzeug-Absturz: 5 Tote: D 585 abgestürzt: Der Pilot und vier Passagiere tot: Das Beileid Hindenburgs // Deutsche Tageszeitung. 23.09.1927.

10. Botschafter v. Malzahn // Kölnische Zeitung. 07.10.1927.

11. Botschafter von Maltzan // Frankfurter Zeitung und Handelsblatt. 24.09.1927..

12. Der Botschafter // Berliner Tageblatt. 09.10.1927.

13. Ein Porträt: Maltzan // Berliner Tageblatt. 19.01.1929.

14. Englische Würdigung // Deutsche Allgemeine Zeitung. 25.09.1927.

15. Freiherr von Malzan // Hamburger Fremdenblatt. 24.09.1927.

16. Friedländer S. Nazi Germany and the Jews. New York: Harper Collins. 1997. 488 p.

17. Germany: Death of von Maltzan // Time. 03.10.1927.

18. Hamburger Nachrichten: Morgenzeitung für Politik, Handel und Schifffahrt; Organ für Hamburgische Angelegenheiten; Anzeiger. URL: <https://zdb-katalog.de/title.xhtml?idn=013606123> (дата обращения: 12.04.2026).

19. Lord Astor of Hever Is Dead; Published The Times of London // The New York Times. 20.07.1971. URL: <https://www.nytimes.com/1971/07/20/archives/lord-astor-of-hever-is-dead-published-the-times-of-london.html> (дата обращения: 14.04.2026).

20. Memorial services for von Maltzan; Prominent Men, Friends of Ambassador, Hear Eulogy in Zion Church // The New York Times. 26.09.1927.

21. NEW YORK EVENING POST // NEW YORK NEWSPAPERS AND ITS EDITORS: General Historical Information Prior to 1927. URL: <http://www.bklyn-genealogy-info.com/Newspaper/NYNewspapers.html> (дата обращения: 14.04.2026).

22. Schweres Flugunglück bei Schleiz: Fünf Tote // Hamburger Nachrichten. 23.09.1927.

23. Stent V. Air disaster in Germany: ambassador to U.S. killed: six dead in wrecked machine: regret in Washington // The Times. 24.09.1927.

24. Stent V. Author of Treaty of Rapallo: Baron von Maltzan's career: The Rapallo treaty // The Times. 24.09.1927.

25. Stent V. Baron von Maltzan // New York Evening Post. 24.09.1927.

26. Stent V. Von Maltzan death stirs Washington: Coolidge and Kellogg Send Messages of Condolence to Germany and Widow // The Journal of commerce and commercial, 24.09.1927.

27. Sösemann B. Theodor Wolff. Ein Leben mit der Zeitung. München: Econ Verlag, 2000.

28. Times, Special to The New York: Coolidge Receives new German envoy; President Praises Ebert In Accepting Credentials of Ambassador von Maltzan. Sees Germany recovering Ambassador Thanks Americans for Help In Rebuilding Germany and Especially for Dawes Plan // The New York Times. 13.03.1925.

29. Times, Special to The New York: Von Maltzan gets degree; Marquette Honors German Envoy With Doctorate of Laws // The New York Times. 14.05.1927.

30. Zum Tode Maltzans // Frankfurter Zeitung und Handelsblatt. 25.09.1927.

31. Zum Tode Maltzans: Trauer in Amerika // Frankfurter Zeitung und Handelsblatt. 24.09.1927.

GERMAN DIPLOMAT AGO VON MALZAHN ON THE PAGES OF THE GERMAN AND ENGLISH-LANGUAGE PRESS OF THE SECOND HALF OF THE 1920S

The presented article is devoted to the study of the image of the German diplomat, Baron Ago von Malzahn in the German and English-language press of the second half of the 1920s. The authors studied 14 periodicals of various political orientations published from 1925 to 1929. in the Weimar Republic (Berliner Tageblatt, Deutsche Allgemeine Zeitung, Deutsche Tageszeitung, Frankfurter Zeitung und Handelsblatt, Hamburger Fremdenblatt, Hamburger Nachrichten, Industrie- und Handelszeitung, Kölnische Zeitung, Vossische Zeitung), in the United Kingdom (The Times) and in the USA ("New York Evening Post", "The Journal of Commerce and commercial", "The New York Times" and "Time"). The following research methods were used in the development of the problem: cultural-anthropological, ideographic or narrative, periodization, comparative (comparative-historical) and problematic-chronological. As a result of the work carried out, it was established that A. Von Malzahn appeared in the press of the three countries as a highly organized professional diplomat who creatively embraced and put into practice the legacy of the Bismarckian approach to international affairs, which allowed him to achieve great foreign policy results, among which journalists highlighted his participation in the development of relations with Soviet Russia in 1919-1922 and the United States in 1925-1927. At the same time, periodicals portrayed Maltsan as a staunch Republican and liberal, who at the same time does not give up his aristocratic background. He presented himself to readers as a brave, principled man with extensive knowledge and rich life experience, sociable, courteous with interlocutors and possessing the gift of persuasion, ready to learn from other people's positive experiences and a good business executive. The authors of the article see the reasons for the creation of such a positive image by the press, firstly, in the limited materials studied. The article examines the editions from 1925 to 1929. It is known that earlier periodicals contained sharply critical assessments of Maltsan's activities. The second reason is the time of appearance and the form of the studied publications. These are mostly obituaries or articles related to Maltsan's tragic death in September 1927.. Such materials usually do not contain negative ratings. The third reason for journalists to create an attractive image of Maltsan is that. that most of those who wrote about him were Democrats. They looked at the German diplomat not only as a skilled professional who restored his country to its former respect in the international arena, but, above all, as an influential representative of the new Germany, who worked to establish democratic values in German society. And this allowed us to hope that over time the citizens of the Weimar Republic would accept these values, and the country would join the global community of democratic countries led by the United States. The growth of National socialist and communist sentiments in Germany in the 1930s showed that these hopes were not fulfilled, which led to the "oblivion" of the Maltsan name by the press for many years.

Keywords: A. von Malzahn, diplomat, German and English-language press, Kaiser's Germany, Weimar Republic, Soviet Russia, Rapallo Treaty, USA, worldview, personal qualities.

References

1. Bisk I. Ya. (1995) *Pressa Vejmarskoj Germanii* [The press of Weimar Germany]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. 231 s.
2. Prutckov G.V. (2012) *Istoriya zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800-1929: uchebno-metodicheskij komplekt (uchebnoe posobie, hrestomatiya)* [History of foreign journalism. 1800-1929: textbook. method. set] / pod red. Ya.N. Zasurskogo. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Aspekt Press. 416 s.
3. Khrulev S. P. (2025) *Diplomat Ago fon Mal'can i ego deyatel'nost' na sovet'skom napravlenii v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii 1950-h – 2020-h gg.: magisterskaya diss.* [Diplomat Ago von Maltzan and his activities on the Soviet front in domestic and foreign historiography from the 1950s to the 2020s.] Ivanovo. 131 s.
4. Ago v. Malzahn Todessturz // *Berliner Tageblatt*. 24.09.1927.
5. Atherton W. (29 March 1925). *Germany's new envoy an athletic diplomat; Descendant of Baltic Barons, von Maltzan Has Spent Many Years in Foreign Service of His Country - Helped Frame the Rapallo Treaty* // *The New York Times*. 29.03.1925.
6. Botschafter v. Malzahn bei einem Flugzeugunglück getötet // *Deutsche Allgemeine Zeitung* (Berlin). 24.09. 1927.
7. Botschafter Malzahns Todesflug // *Vossische Zeitung*. 24.09.1927.
8. Botschafter von Maltzan verstorben // *Industrie- und Handelszeitung*. 24.09.1927.
9. Botschafter Freiherr v. Maltzan verstorben: Schwerer Flugzeug-Absturz: 5 Tote: D 585 abgestürzt: Der Pilot und vier Passagiere tot: Das Beileid Hindenburgs // *Deutsche Tageszeitung*. 23.09.1927.
10. Botschafter v. Malzahn // *Kölnische Zeitung*. 07.10.1927.
11. Botschafter von Maltzan // *Frankfurter Zeitung und Handelsblatt*. 24. 09. 1927.
12. Der Botschafter // *Berliner Tageblatt*. 09.10.1927.
13. Ein Porträt: Maltzan // *Berliner Tageblatt*. 19.01.1929.
14. Englische Würdigung // *Deutsche Allgemeine Zeitung*. 25.09.1927.

15. Freiherr von Malzan // Hamburger Fremdenblatt. 24.09.1927.
16. Friedländer S. Nazi Germany and the Jews. New York: Harper Collins. 1997. 488 p.
17. Germany: Death of von Maltzan // Time. 03.10.1927.
18. Hamburger Nachrichten: Morgenzeitung für Politik, Handel und Schifffahrt; Organ für Hamburgische Angelegenheiten; Anzeiger. URL: <https://zdb-katalog.de/title.xhtml?idn=013606123> (дата обращения: 12.04.2026).
19. Lord Astor of Hever Is Dead; Published The Times of London // The New York Times. 20.07.1971. URL: <https://www.nytimes.com/1971/07/20/archives/lord-astor-of-hever-is-dead-published-the-times-of-london.html> (дата обращения: 14.04.2026).
20. Memorial services for von Maltzan; Prominent Men, Friends of Ambassador, Hear Eulogy in Zion Church // The New York Times. 26.09.1927.
21. NEW YORK EVENING POST // NEW YORK NEWSPAPERS AND ITS EDITORS: General Historical Information Prior to 1927. URL: <http://www.bklyn-genealogy-info.com/Newspaper/NYNewspapers.html> (дата обращения: 14.04.2026).
22. Schweres Flugunglück bei Schleiz: Fünf Tote // Hamburger Nachrichten. 23.09.1927.
23. Stent V. Air disaster in Germany: ambassador to U.S. killed: six dead in wrecked machine: regret in Washington // The Times. 24.09.1927.
24. Stent V. Author of Treaty of Rapallo: Baron von Maltzan's career: The Rapallo treaty // The Times. 24.09.1927.
25. Stent V. Baron von Maltzan // New York Evening Post. 24.09.1927.
26. Stent V. Von Maltzan death stirs Washington: Coolidge and Kellogg Send Messages of Condolence to Germany and Widow // The Journal of commerce and commercial, 24.09.1927.
27. Sösemann B. Theodor Wolff. Ein Leben mit der Zeitung. München: Econ Verlag, 2000.
28. Times, Special to The New York: Coolidge Receives new German envoy; President Praises Ebert In Accepting Credentials of Ambassador von Maltzan. Sees Germany recovering Ambassador Thanks Americans for Help In Rebuilding Germany and Especially for Dawes Plan // The New York Times. 13.03.1925.
29. Times, Special to The New York: Von Maltzan gets degree; Marquette Honors German Envoy With Doctorate of Laws // The New York Times. 14.05.1927.
30. Zum Tode Maltzans // Frankfurter Zeitung und Handelsblatt. 25.09.1927.
- Zum Tode Maltzans: Trauer in Amerika // Frankfurter Zeitung und Handelsblatt. 24.09.1927.

Об авторах

Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет (Россия), E-mail: vlchernoperov@rambler.ru.

Хрулёв Степан Павлович – аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. E-mail: stepanhrulyov@yandex.ru.

Chernoperov Vasily Lvovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (Russia), E-mail: vlchernoperov@rambler.ru.

Khrulev Stepan Pavlovich – Postgraduate student, Department of General History and International Relations, Ivanovo State University. E-mail: stepanhrulyov@yandex.ru.

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов **и их значимость (оценка) для науки**. Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег**, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы**.

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок**: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутонным рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

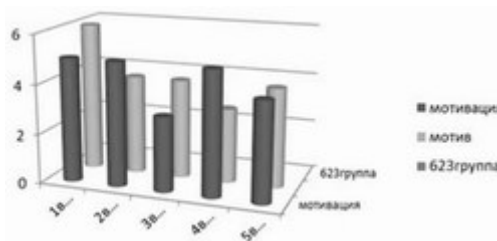

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (69) 2026

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241028, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241028, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241028, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 30.09.2026.

Дата выхода журнала в свет: 12.10.2026.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 19,75. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+